

ТВЕРДЫНЯ
ГРЁЗ

Елена Маврина

12+

Елена Маврина

Твердыня грёз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43628460

SelfPub; 2019

Аннотация

Алефа – твердыня грёз, неприступно хранящая сокровенные мечты детства. Некогда правители Царны уничтожили в небе разрушительную звезду. Её осколки падают в жуткие чернолесья провинций, губительными отблесками превращая младенцев новолуний в крадушей – воров душ, насылающих на людей кошмары безумия. Три века им противостоят верные династии гончие Казмера и кудесники – преданные воспитанники башен града, обладающие мистическими способностями. Горан Мильвус – талантливый кудесник. Его заветная мечта – ступить в волшебные чертоги Алефы, но помочь в её осуществлении способна лишь магия крадушей...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	37
1	37
2	44
Глава 3	57
Глава 4	76
1	76
2	85
Глава 5	101
1	101
2	110
Глава 6	119
1	119
2	128
Глава 7	147
1	147
2	158
Глава 8	174
1	174
2	196
Глава 9	203
1	203
2	220

Глава 10	226
1	226
2	235
3	242
Глава 11	247
1	247
2	257
Глава 12	265
Глава 13	288
1	288
2	294
3	305
4	309
Глава 14	321
1	321
2	330
3	338
Глава 15	348
1	348
2	355
3	360
4	369
Глава 16	382
1	382
2	392
Глава 17	402

1	402
2	424
Алефа	431

Глава 1

На крепостную стену опустились три птицы. Белые альтурги, называемые в народе хранителями сказаний. Огромная редкость повстречать их вблизи шумного града. Прекрасные птицы задержались на расстоянии пяти шагов, открытые восхищенному наблюдателю из окна башни. Они чистили блестящие на солнце пёрышки, изгибая золотые шеи и узорные крылья с изящностью лебедей. Крупные птицы с длинными хвостами-стрелами. При каждом движении на головах раскачивались чешуйчатые короны оперения. Сапфировые бусины глаз блестели над крючковатыми носами, поглядывая на каменные ограждения и в бойницы укрепления на запад – в туманную даль, где раскинулись скалистые земли огромной Царны. Житель башенной комнаты боялся тревожить миг чуда. Созерцать хранителей выпадало в жизни единицам счастливых.

– Горан! – нетерпеливо позвали за глухой дверью.

Птицы взметнулись испуганно в безоблачную синеву неба. Их парящие тела исчезали золотыми лучами в багрянце горизонта. Осень... Дожди еще не пришли с южных морей. Леса пламенели листвой и ягодами.

– Погоди, Ализ! Минуту!

Юноша глубоко вдохнул прохладный воздух, волнительно предчувствуя встречу. Застегнув латунные пуговицы на

высоком воротнике белой рубашки, Горан стряхнул светлые ворсинки с зелени сюртука и брюк. Ботинки блестели новизной. Сегодня вся одежда на нем служила образу признательного воспитанника. Здесь, в Янтарном граде, он получил возможность воплотить мечту. Пять лет усердных занятий, тренировок, состязаний. Теперь ему четырнадцать. Наступил момент посвящения.

Горан осмотрел строгое убранство каменной комнаты: узкая кровать, квадратный стол, стул, ветхий шкафчик в углу. Они достанутся новому ученику – претенденту на заветное вступление в ряды людей, которым открывалось волшебство могучих предков. Властители, мудрецы, управители. Таинственные стражи магической цитадели Алефы – твердыни грёз.

Из скрипучего ящика стола Горан извлек треугольный осколок зеркала. Каре-зелёный глаз придирчиво осмотрел бледную щеку, густые брови. Рука поправила непослушную челку каштановых волос. Была б его воля, он бы остриг их пышную копну, но Ализ посмеялась над такой задумкой и сказала, что его станут путать с воинственным гончим Казмера. Горан спрятал зеркальце в чемодан и вышел за дверь.

В длинном коридоре башни шумели голоса воспитанников. Подростки в строгих зелено-серых костюмах собирались в группки приятелей, ожидая провожатых.

– Горан, мы опаздываем.

Ализ сомкнула ладони на светло-коричневой юбке длин-

ного платья. Ее пепельно-белокурые волосы обрамляли округлое лицо кудрявыми волнами. Родинки на тонком носике и розовых щеках подчёркивали лисий изгиб глаз. Укоряющий взгляд, слабая улыбка.

– Прости. – Эмоции восторга рвались наружу: – Ализ... представь, – прошептал таинственно, – я видел альтургов!

– Что? – рассмеялась она, сплетая руки на алом атласе пояса. Рубины в ушах трепетали углями жаровни. – Странная шутка.

Горан смотрел сверху вниз покровительственно.

– Я не шучу. Они сидели на крепостной стене. Словно в преданиях.

– Глупости. – Ализ читала в его глазах уверенность. Ее возмущение сменялось замешательством. – Альтурги покинули леса Янтарного града многие годы назад.

– Но я видел их, как тебя сейчас.

Ализ уступила настойчивости голоса – одарила своей исключительной улыбкой, чарующей ощущением избранности. Горан одернул рукава сюртука, выравнивая осанку. Сегодня он действительно станет особенным человеком – жителем фантастических мест, о которых дети Царны слышали только в сказках.

– Горан, птицы, вероятно, вырвались из темниц змеядов. Старик Тоху рассказывал на занятиях, что мерзкая рать безродных отлавливала альтургов и продавала змеядам для чёрных ритуалов.

По коридору загромыхала колесами двухъярусная тележка с плащами. Друзья приветливо кивнули дежурному мальчишке, отходя к узкому прямоугольнику зарешёченного окна.

– Я читал, что альтурги скрылись от охотников. Мореплаватели встречали птиц над южными морями. Над степями и скалами, над...

Ализ коснулась его плеча, вразумляя:

– Сейчас не время рассуждать о вымирающих чудесах.

Коридор ожил голосами, приветствуя сопровождаелей. Воспитанников охватило беспокойное предвкушение Великого заседания. Один раз в году нескольким смельчакам удавалось доказать свою исключительность и полезность в правом деле служения династии Янтарного града. Сорок с лишним подростков в коридоре являлись соперниками и соперницами, но Горан знал, что победил их редким искусством и бесстрашием. Он привёл в град Роха – крадуша, чей опасный дар таил в себе угрозу мирному существованию людей. На поиски крадушей уходили десятилетия блужданий следопытов, неудач охотников и погонь гончих Казмера. Горан справился за месяц: смог убедить одиннадцатилетнего сорванца явиться прямиком в град.

Шум разговоров вносил в самодовольные мысли сумятицу. Горан отвёл взгляд от радиальных улиц, покрытых янтарем, словно улей – медом. Его внимание утонуло в синеве глаз Ализ. Прямота её эмоций всегда ввергала мальчишек в

молчаливое смущение. Но девочку забавляла редкая застенчивость бесстрашного кудесника.

– Вам нравится эта базарная суматоха? – ворчливый голос Бруно уничтожил неловкость момента.

– Сопроводители проверяют пригласительные, – ответил Горан, важно смыкая руки за спиной.

Рядом с Бруно приветливо кивнул Дирк. Бруно и Дирк – двоюродные братья, отданные на воспитание в башню Янтарного града состоятельными родителями с севера Царны. Ребята всегда выглядели чопорно, держались горделиво, хотя и смотрелись вместе немного комично: высокий, полноватый Бруно и худощавый малыш Дирк. Светлые рубашки белели в тон волосам, бровям и бледности кожи, создавая впечатление, что братьев осыпали мукой.

Из черноты перехода появился командир бастиона кудесников – Хэварт. Его круглые глаза изучили ребят с неодобрением. Он оглянулся на воспитанников, шумно надевающих шерстяные плащи, и поманил братьев пальцем ближе. Круг друзей сомкнулся теснее, закрывая собой хрупкую фигуру Ализ. Мальчишки часто держались с Ализ высокомерно. Разница в год обманчиво уменьшала её до ранимого ребенка, при том, что ворожея никогда не отличалась робким нравом.

В четырнадцать лет выпускники Башни Воспитанников сдавали экзамены со смелой претензией на посвящение – обучение в Замке Воителей при Алефе. В зависимости от ре-

зультатов экзаменов выпускники переводились в восточные башни града, где обучались профессиям до семнадцатилетия, – все, кроме бастиона ворожей, направляемых Советом мудрецов служить в замки чернолесья в тринадцатый день рождения. Ализ умела говорить с водой. Великое заседание она ожидала с надеждой на заветную путевку к перламутровым стенам твердыни.

– Сопроводители ползут улитками. Господин Трость велел явиться в Меловую башню через... – Хэварт вскинул правую руку, демонстрируя скрипучие механические часы, отсчитывающие двенадцатый час, – через двадцать минут.

– Мы не успеем, – вздохнул устало Дирк.

– Ерунда! – Хэварт заправил русые волосы за широкие уши, отколол от нагрудного кармана сюртука хризолитовую брошь в виде жука-скакуна на свинцовых лапках. – Цорка проведет нас.

Долговязый Хэварт поднес брошь к толстым губам и дунул на нее с таинственным видом фокусника. Друзья затаили дыхание. Брошь выскользнула из его ладоней юрким жуком. Раздался тихий цокот лапок. Ребята поспешили следом за хризолитовым насекомым сквозь исчезающие зигзаги стен.

– Невероятно! Хэв, ты смастерил его! – выкрикивал на задыхающемся бегу Бруно.

Пыль осыпалась с разверзнутой кладки плит.

– Пять лет понадобилось. Я надеюсь на победу, – улыбнулся долговязый кудесник. – Растворять преграды – утра-

ченный дар крылатых алатов¹.

Дирк спотыкался о пороги кладовых, путаясь в паутине и возмущаясь:

– Но победа достанется Горану.

Хэварт оглянулся, а Горан лишь развел руками.

Жук скользнул под нишу в обеденном зале – стена исчезла. Воспитанники выбежали на многолюдную улицу под грохот смыкающихся за спинами камней. За несколько минут остались позади десятки мелких туннелей, проходов и коридоров башни. Изумрудные ели высились стройной оградой площади Созвучия. Друзья начали размеренный шаг по жёлтой брусчатке под конвоем волчьих взглядов стражей надзора.

– Эта увертка обернется нам мытьем всех башенных ступеней.

– Сегодня заседание, Лиз. – Хэварт наклонился к плечу девочки, забирая с него хризолитового жука. – Озорство повсюду.

Прохожие обменивались шутливыми репликами. Мимо четверки нарушителей правил, смеясь, простучали каблуками женщины в платьях-пальто с пышными юбками. Население града достало из шкафов нарядные одежды, соорудило замысловатые прически и отправилось демонстрировать украшения. День Великого заседания считался огромным праздником, оправдывающим существование града как

¹ Алаты – крылатые рыси.

связующего моста между миром обыденным и магическими реальностями Древа времени. Дети в мерцающих костюмах мифических созданий Царны бегали по площади, распугивая птиц. За передвижными прилавками продавались сладости. Вспыхивали разноцветные хлопушки-фейерверки. Уличные музыканты играли на гитарах, дудели в дудочки, резали струны скрипок, а ветер уносил пронзительные и воркующие мелодии к шпилям башен, где над бастионами воспитанников развивались праздничные флаги завершения экзаменов.

Ребята свернули с брусчатки на тропу. Горан вдохнул сырой воздух, пропитанный горечью травных аллей. Багровые, коричневые, оранжевые краски листвы растекались по гранитным стенам домов, крыши которых высились янтарными шлемами.

– Интересно, кто прибудет послом из Замка Воителей? – спросил Бруно, поправляя значок бастиона кудесников: перо-стрела альтурга размером с мизинец блестела на сюртуке бронзой. – В прошлом году прилетал на рогатом кондоре верховный стратег западной рати Царны.

– Тигвар? Авгуры предсказывают появление в Меловой башне наставительницы ворожей. – Ализ нервно потеряла на пальце Рыбье Око – серебряный перстень с ледяным адуляром, вручаемым при поступлении в бастион ворожеям Царны. – Я надеюсь на ее благосклонность.

– А я надеюсь, что прилетит чудище Олум, – с азартным

предвкушением болтнул Дирк. – Старик Тохо уверял, что взгляд Олума заставляет раскрывать секреты.

Ализ укоряюще посмотрела на хихикающих братьев.

– Ты считаешь, что в Замке Воителей ходят в изящных одеждах и хвастают манерами?

– Да, Хэварт, – вспыхнула Ализ. – Тебе всё равно в этом лично не убедиться.

Взгляд Хэварта обжег злостью, но возражать командир кудесников не стал. Горан начал расспрашивать братьев о праздничном обеде. Завязался спор о количестве угощений. Бруно и Дирк подбадривали его, сообщая, что лучшему воспитаннику бастиона достанется самый вкусный кусок торта. Горана не интересовали сладости. Он наслаждался минутами признания в нем победителя. Все годы обучения от утра до поздней ночи он стремился к единственной цели – оказаться в рядах избранных Замка Воителей. Слева от пера-стрелы кудесников на его груди чернел обсидиановый шип ордена воичей, объединяющего выдающихся воспитанников, желающих самоотверженно встать на защиту тайн Алефы. Мог ли подумать Горан, когда в шесть лет впервые услышал о бастионах и кудесниках, что сегодня будет шагать рядом с подростками, которые вскоре рискнут вершить историю Царны? Видели ли они пять лет назад в нём – нищем крестьянском мальчишке с востока – равного участника состязаний? Победителя? Взлелеянные и окрепшие надежды вскоре обретут вознаграждение. Быть лучше, стремить-

ся к успеху. Никто во всей огромной стране не представлял, насколько трудный путь преодолел Горан ради сокровенной мечты – шагнуть в чертоги твердыни грёз.

Широкую лестницу в Меловую башню покрывали травяные ковры. На первой ступени выпускников ожидал Господин Трость. Этот длинный тощий человек неизменно и летом, и зимой носил шляпу и темно-серый плащ, вешал на орлиный нос круглые очки, а длинные ступни прятал в грубые ботинки. Шерстяной галстук выглядел на его вытянутой шее шнурком.

Господин Трость в свои шестьдесят лет поседел окончательно. Неудивительно. Он занимал влиятельную должность старшего воспитателя бастиона кудесников. Бруно, Дирк, в особенности – здоровяк Хэварт являлись его любимчиками. Горана всезнающий Трость называл настырной пиявкой, ведь упрямый мальчишка с самого появления в граде дотошно штурмовал сложности наук, преподаваемых в Башне Воспитанников.

– Через пять минут закончится Великое заседание, – причмокивая, произнес Господин Трость вместо приветствия. – Вы, птенчики, обязаны сидеть в первых рядах.

Ализ обняла мальчишек с пожеланиями удачи. От нее пахло мятными травами и малиновыми леденцами. Этот душистый аромат еще долго жил в Горане, когда он провожал ее взглядом до обособленной группы ворожей у янтарных медведей на пороге Меловой башни. Восьмигран-

ное сооружение высотой в сорок метров издревле служило местом Великого заседания мудрецов Царны. Белоснежные стены отражали взгляды. Из-за многочисленных округлых окон башня напоминала многоглазое чудовище, наблюдающее за людьми с немым смирением и строгостью.

У стальных врат толпились дети. Формы бастионов четко разделяли подростков: коричневые платья ворожей, небесно-голубые мантии авгуров, бурые камзолы следопытов, кожаные куртки охотников и чёрные с красным плащи гончих Казмера. Кудесники брели серо-зеленой тучей унылых костюмов. Горан оттянул пальцем узкий воротник рубашки. Воздуха ему казалось мало, несмотря на то, что графитовые облака ползли по небу предвестниками дождя. Ветерок обдувал кожу холодком.

– Нам сквозь них не пройти, – печально вздохнул Дирк, оглядывая толпы подростков, и поджал обидчиво губы.

– Я могу провести. – Хэварт подмигнул Горану, но воспитатель стукнул деревянной тростью, материализуя на голове горного архара ее ручки хризолитового жука.

– На сегодня проказ достаточно. – Он осмотрел воспитанников водянисто-желтыми глазами; причмокнув, осведомил: – Я поведу вас вдоль апельсиновой рощи.

Вчетвером они вошли в тувевые заросли, огибая тиковые скамейки и бронзовые фигуры почтеннейших мудрецов града. Тени опускались на лица масками. Квадратные плиты мрамора стелились дорожкой вдоль апельсиновых деревьев

к кованой калитке с золоченой надписью «Истина». Сутулясь, воспитатель снял фетровую шляпу и пригладил сальные пряди волос. Удар его трости заставил калитку скрипнуть на петлях. Металлическая преграда отворилась, впуская гостей во владения Меловой башни.

В темноте туннеля вспыхнули красным факелы. Огонь трещал над головами, провожая путников сумеречным светом по безлюдным закоулкам зловонного подземелья. Эхо преследовало разбуженным хозяином.

Господин Трость беззвучно отворил замок деревянной двери в шипах – они оказались в помпезном Престольном зале, полыхающем фиолетовыми лепестками моровых цветов и желтыми гирляндами огневинок. Высокие окна в золоченых рамах пикетировали лепнину карнизов. Звенели голоса распределителей – гости рассаживались на лакированных скамьях, переговариваясь и восторгаясь праздничным убранством меловых стен. Янтарные колонны упирались в лазурь потолочных фресок, напоминающих посетителям восьмивековую историю обширных провинций Царны – периоды их войн и процветания.

Господин Трость, шаркая увечной правой ногой, провел мальчишек в третий от тронного возвышения ряд. На возвышении аркойгнулись янтарные стулья с высокими спинками, увенчанные грозными гербами правящей династии, провинций и бастионов, – престолы. Над хрустальными фигурами оленей за престолами витали хрупкие малиновые клокатуш-

ки, щебетливые птички, оседающие на перилах витой лестницы у торца ягодами. Дети вскакивали со скамеек с восхищенными вскриками, когда Рагл, крылатый пес башни, облетал шумных гостей. Престольный зал занимал весь первый этаж. Заседание еще продолжалось на втором – распределители просили приглашенных жителей и воспитанников сохранять тишину.

Горану отвели крайнее от центрального прохода место. Он не сдержал улыбки, понимая, что такое решение воспитателя явно свидетельствовало о близком восхождении за наградой. Младшие воспитанники поглядывали на выпускников с любопытством. Сверстники интересовались предположениями Горана касательно избранных Замка Воителей. А сам Горан радовался повышенному вниманию, отлично помня тот день, когда большинство из окружающих его задавак брезговали отвечать на полуграмотные вопросы сельского мальчугана. Сегодня ни речь, ни внешний вид не отличали Горана от лучших из лучших наследников провинций. Его уже не волновало, что думали окружающие девчонки и мальчишки на самом деле, важно – оспорить первенство им не хватит сил.

Горан повернул голову влево, надеясь отыскать Ализ. Гончие Казмера сидели напротив ряда кудесников. Он встретился взглядом со Скуратом. Короткие чёрные волосы, пепельно-синие глаза. Кожа темнела ореховым налетом в мрачном одеянии, вызывающе алеющим боевыми шевронами и шну-

ровкой.

– Повезло, что он не в нашем бастионе, – признался Бруно, перехватывая жёсткий взгляд Скурата.

Горан не нашелся с ответом, задетый убеждённым откровением друга. Скурат являлся командиром гончих. Кудесники всегда голосовали за старшинство Хэварта. Горан вдруг почувствовал себя недостойным путешествия в цитадель грёз, недостойным присутствия в этом помпезном зале. Он опустил взгляд, глубоко в душе понимая, что годы муштры и тренировок не укрепили в нём незыблемого достоинства предводителя. В состязаниях гончих и кудесников Скурат уверенно приводил команду к победе. Лидер с врождёнными качествами руководителя и примера для подражания, которые Горан воспитывал в себе мучительно, но неуспешно.

Зал переполнили взбудораженные люди. Врата закрылись. В гомоне голосов Горан кивал и жестикулировал на вопросы, неизменно поглядывая за пёстрые фигуры в поисках Ализ. Рагл вспорхнул над залом, вызвав единое ликование, а затем – тишину. По ступеням витой лестницы на тронное возвышение спускались тринадцать мудрецов Янтарного града. Большинство из них являлись седыми старцами, которых никто уже не помнил молодыми и улыбчивыми. Длинные бороды в нитях золота тряслись при неспешном движении, цепляясь за янтарные пуговицы струящихся синих мантий-колоколов. Следом за мудрецами шествовала дина-

ствия правителей града. Во главе – король Иворг Велирадович, известный подданным капризным нравом и пышными усами, завитыми вокруг острой бородки. Его супруга Ада в багровом убранстве надменно поглядывала на гостей. Позади нее робко шествовали три дочери в бледно-розовых платьях с белоснежными локонами, стянутыми на затылках в узлы причесок. Сестер сопровождал флегматичный наследник – пятнадцатилетний Мануш в огромном лиственном венце на кудрявой голове. Белоснежные костюмы в золотых оборках и вышивке превращали двух августейших особ в раздутые вазы. Пышные шапки корон на головах короля и королевы сверкали, вероятно, всем многообразием драгоценностей Царны.

За династией Велирадовичей спускались воеводы и управители провинций. Замыкали знатную процессию воевода Вацлав и казначей Богша – негласные властители Янтарного града.

Король приветствовал подданных плавным взмахом ладони. меховая накидка свисала с его плеч громоздким трофеем, выкрашенным в пурпурный цвет. Золотистые кудри отливали кукольным лоском. Его величество произнес речь, возвышающую земли Янтарного града. Велирадовичи опустили в центре арки стульев под шумные аплодисменты: девочки-принцессы, королева, наследник-принц и сам Иворг, прозванный в Царне за безвольность характера и тучность одеяний – Снопом.

По правую руку от короля разместился Вацлав. Воевода выглядел крайне разгневанным. Его крупные глаза под тяжелыми веками со злобой осматривали лица гостей. Стальные нашивки на черном костюме создавали иллюзию доспехов. Лысую голову сегодня не покрывал капюшон плаща, демонстрируя зевакам угольные шрамы от когтей ящеров и синюшные метки пленника змеядов. Кустистые черные брови. Неряшливая щетина, тронутая сединой. Точного возраста воеводы не знал никто, но Господин Трость как-то обмолвился, что Вацлав ступил на рубеж половины века.

Мудрецы поклонились двум сторонам зала и заняли престолы. Рядом с Вацлавом в охристую накидку кутался Харман, речник Совета. Взгляд Горана замер на его сгорбленной фигуре, читая в глубоких морщинах лица огорчение. Богша наклонился к уху Хармана, перебирая пухлыми пальцами связку ключей – символ неприкосновенности казначея. Обвислые щеки Богши растянулись в вынужденной улыбке, губы сложились в трубочку, издавая возмущенный звук.

Харман сделал три шага к народу и поднял руку, требуя внимания:

– Достопочтенные гости Меловой башни! Приветствую вас на ежегодной церемонии Великого заседания! – его хрипловатый голос нарастал, обуздывая перешептывания. – Сегодня нам оказал милость присутствием Зорнан – славнейший следопыт Замка Воителей.

Высокие двери в стене распахнулись, впуская человека в

скромном одеянии коричнево-серых цветов, более уместном на охоте в лесу, нежели на знаменательном собрании. Приземистый, невзрачный, безучастный к всеобщему вниманию мужчина шагал, бесшумно касаясь подошвами высоких сапог узоров ковровой дорожки. Тёмную голову следопыта покрывала красно-коричневая повязка, обхватывающая тканевой косой высокий лоб. Светлая кожа, чёрная борода. Серые глаза похищали жадными взглядами детали зала, как утренний туман – заводи. Он поднялся по низким ступеням на тронное возвышение. Поклонился залу, напоминая по-прежнему не человека, а осторожную тень, безликое существо воображения.

– Зорнан – единственный из огромного выпуска получил приглашение в Замок Воителей. – Бруно бросил взгляд на бастион следопытов, занимавших первые два ряда зала. – Понятно, почему следопыты на почетных местах.

Горан наблюдал за радостной мимикой воспитанников впереди, но внутри его нарастала тревога. Атмосфера праздника гнила в хмурых взглядах мудрецов.

Воевода поднялся, предлагая своё место Зорнану, но посол отказался. Вацлав остался стоять с ним рядом. Харман заговорил о заслугах детей, о редких талантах и способностях, но Горан наблюдал за следопытом и воеводой, обсуждавших нечто со взволнованными лицами обворованных пастухов.

Люди взметнули под купол зала волну удивленных воз-

гласов. Горана толкнули в плечо. Он обернулся. «Оглох? – громко спросил мальчишка из бастиона охотников. – Тебя просят подняться». Горан растерялся. Церемония посвящения завершала выступления мудрецов. Прошло слишком мало времени. Господин Трость поторопил его резким жестом.

Горан поднялся. Разговоры стихли. Сотни глаз устремились на него, механически передвигающего ногами вперед, к возвышению. Не так он представлял себе получение награды. Репетировал, обдумывал. Горан прокашлялся и постарался вернуть себе уверенную осанку.

Речник Харман поманил кудесника ближе, но стать рядом Горану не позволил воевода. «Жди на ступенях», – приказал, не скрывая враждебности.

– К сожалению, – Харман вскинул руку, требуя тишины, – в силу вопиющего нарушения один из выпускников бастиона кудесников – Горан Мильвус – лишается права посещения окрестностей Алефы! Распоряжение Совета мудрецов окончательно и не подлежит обжалованию.

Зал молчаливо поглощал грозное эхо приговора.

Щеки Горана пылали, в груди сердце стучало протестующим кулаком. Он откинул челку с бровей, стараясь справиться с жаром волнения, отбирающего речь. Сотни лиц и удивлённых, осуждающих взглядов. Перешёптывание нарастало сметающей волной порицания. Горан шагнул вперед с вопросом, но громогласный голос короля привлёк внимание

подданных к трону правителя. Воевода сжал плечо Горана, повелевая ступать следом за стражниками – двое верзил в латах уже ожидали его возле выхода за возвышением. Горан обернулся в поиске друзей, но увидел лишь опечаленного старшего воспитателя. Театральную речь короля впитывали меловые стены и изумлённые слушатели. О Горане позабыли.

Он спускался, не осознавая до конца масштабов личной катастрофы. Успокаивал себя, что произошла чудовищная ошибка. Шероховатые плиты мрамора расплывались перед глазами талым льдом. Горан ступил в мрачную тесноту прохода. Оглянулся. Фигуры стражей сомкнулись за спиной конвоем. Факелы не горели. Он двигался в полнейшую неизвестность, сжимая кулаки и приказывая себе не сдаваться панике. Узкий проход вывел в коридор с шестью металлическими дверями в обсидиановых фигурах грифов степных пустынь.

Горан остановился, осматривая грязный мел стен, железные прутья вокруг дверей. Потолок чернел сетями ловушки тайн. Стражники расступились. Воевода открыл первую от входа дверь – кивнул Горану входить, и кудесник покорно пересек порог комнаты. За ним следом вошли Зорнан и воевода Вацлав. Чугунные двери захлопнулись.

Кудесник осмотрел скудную обстановку: пять грубых стульев и массивный стол. Стены срастались каменной кладкой в увитый проволокой пятигранник потолка. В огромное за-

решеченное окно суетливо стучали капли дождя. В серости тонула стеклянная люстра с оплавленными свечами – воск свисал бледно-желтыми сталактитами над настольной картой Царны. Горан отвернулся, боясь вызвать злость излишним любопытством.

– Тебя, очевидно, гложет вопрос, почему ты здесь? – Вацлав стоял у окна, одной рукой потирая щетину на квадратном подбородке. – Сядь, кудесник.

Горан украдкой посмотрел на шаткий стул. Во главе стола уже разместился Зорнан. Его пытливые взгляды словно ощупывали разум, вызывая в теле нервную дрожь. Горан придвинул стул и сел, усилием воли держа спину ровно. Главное правило изнурительных тренировок и монотонных дискуссий в лекториях – спину держать ровно.

Горан поднял прямой взгляд, в душе изнывая сомнением: спорить или капитулировать?

– Утром Рох совершил побег. – Воевода убрал ладонь с рукояти шиповой булавы. Его руки в чёрных перчатках сцепились за спиной. Полуночные глаза прожигали Горана подозрением. – След потерян. Когда в последний раз ты говорил с ним?

Горан моргнул, чувствуя: пол уходит из-под стула, а слух подводит.

– Простите... – Он понимал, что должен отвечать твердо и убедительно, но язык не слушался, кровь отливала от лица, устремляясь жидким пламенем по венам. – Последний

раз я говорил с Рохом в день булатных игр, накануне его направления в Гранитный замок. Три недели назад.

– О чём вы говорили?

Горан опять моргнул, сливаясь с бледными фигурами фресок на стене. Взгляды грозных мужчин уничтожали подозрительностью.

– Он вспоминал о тётке. Просил меня навестить ее зимой. – Горан позволил себе глубоко вдохнуть, успокаивая колотящееся сердце.

– Всё?

– Да, воевода Вацлав. Мы просто беседовали о его семье, о Янтарном граде...

– О Гранитном замке! – Кулак Вацлава молотом сотряс стол. – Рох – крадуш – дитя, отмеченное заревом мятежа. Ты не имел никакого права упоминать о месте его заточения.

– Заточения?.. – Горан растерянно всматривался в суровые лица. – Воевода Вацлав, ему обещали будущее свободного жителя града.

– Вздор! Ты привязался к нему.

– Нет!

Зорнан поднял ладонь с изящными пальцами, увитыми серебряными цепочками до запястья. Вацлав, стиснув челюсть, вернулся к окну.

– Горан, где ты впервые познакомился с Рохом? – доверительно поинтересовался следопыт.

Юноша сцепил дрожащие пальцы. Они не должны уви-

деть страха и замешательства. Воспитанники града – оплоты искренности.

– Три месяца назад кудесников направили на выпускное испытание в леса у юго-западных границ Вистрии. Согласно заданию, близ чернолесья я обязался провести разведку дикой местности. В непроходимых лесах Кутицы змеяды добывают яхонтовые минералы для обрядов. Месторождения минералов я не обнаружил, я... заблудился в чащобах Медвежьего урочища.

– Заблудился?

– И попал в ловчую яму. Рох вытащил меня, шепотом повелевая сплетениями ветвей. Заросли расступались занавесом. Я понял, что из ловушки змеядов меня спас крадуш. – Горан потупил взгляд. – Рох привёл в избушку у озера, где проживал с рождения с глухой тётёй. Мы разговорились. Я поведал ему о возможностях, которые открывает Янтарный град одарённым детям.

Зорнан упёр острые локти в стол. Наблюдательный прищур глаз роднил его с хищником. Горан заметил, что нижние веки следопыта чернеют краской.

– Ты обманул его?

– Это не обман. У меня способность...

– Итак, он поверил в твою сказку. Ворожеи говорили с тобой?

Горан кивнул:

– В вечер знакомства пошёл дождь. Я рассказал Ализ, она

– остальным ворожеям. Господин Трость велел привести ребенка в град.

– Вы подружились за время пути?

– Нет, – настоятельно мотнул головой Горан. – Рох боялся змеядов. Он надеялся спастись в стенах града, но переживал о судьбе тётки. Я пообещал ему навещать её. Пообещал, что он сможет забрать её из леса после экзаменов.

Глаза Горана черствели презрением – он поспешно отвёл взгляд.

– Твои друзья поведали нам, что ты расспрашивал об охране града. – Вацлав громкими шагами приблизился к столу: – Ты сообщил Роху о сменах караула?

– Нет.

– Лжёшь, – прошипел Вацлав. – Ты жалел уродца.

– Он не...

– Молчать!

– Твое излишнее любопытство всегда вызывало переживания воспитателей. – Зорнан испытующе затягивал сомнением во мглу глаз. – Крадуши – угроза спокойствию в Царне. Хаос магии должен оставаться в твердыне. Ты согласен, Горан?

– Я не причастен к побегу Роха, – чеканил заверения Горан. – Ни единым словом не способствовал воплощению его преступных замыслов. Я всегда оставался верным клятве ордена. Обвинения беспочвенны.

Горан поднялся, ястребом глядя в пропасть глаз Вацлава.

– Ты исключен из ордена воичей. Из бастиона. Лишен всех наград и рекомендаций, – слова воеводы пригвоздили торжествующими звуками к полу. Горан забыл обо всех аргументах, требованиях, просьбах. – Твой дар убеждения, несомненно, ценен, но лишен всякой чести. Знаки отличия... – Вацлав раскрыл обожженную ладонь в мрачном ожидании.

Горан немеющими руками отколол перо-стрелу бастиона и шип ордена.

– Я могу попрощаться с друзьями?

– Если они пожелают.

Вацлав кивнул в сторону двери и удалился к окну. Горан еще раз с неразумной надеждой взглянул на Зорнана – недостижимую частицу дивного мира Алефы; развернулся и скорым шагом покинул комнату.

Стражи провели его в круглый внутренний двор Меловой башни. Горан остановился, растерянно осматривая железные ворота, кедровые насаждения. Рох переживал, что змеяды проникнут в Гранитный замок. «Они бессильны против берегов золотушного леса, – успокоил его Горан. – Ограду колючих деревьев не дано разомкнуть никому».

Золотые монеты берёзовой листвы позвякивали на ветру. Дождь моросил, гоня с улиц прохожих. Каменное здание башни Воспитанников разбитыми зеркалами окружали лужи. Богатое убранство града меркло в порывах стихии. Тучи клубились над смотровыми площадками крепостной стены,

разрываясь металлическими зубцами флагштоков. В воздухе пахло гнилыми листьями и подвальной сыростью.

У дверей башни Горана встречал старик-сторож. Он окинул мальчишку недовольным взглядом, но пропустил внутрь. В коридорах господствовала нерушимая тишина занятий. В нижних залах читались лекции. Горан преодолел многочисленные ступени лестницы, оглядываясь на площадках. Он надеялся встретить Ализ и ребят. Поговорить. Объясниться.

Ярус спален воспитанников застыл безмолвием. Горан по-нуру преодолел коридор. В полумраке его комнаты на кровати сидели родители. Отец поднялся, поправляя замшевые полы сюртука. Вихрастые русые волосы испещряла седина. В глазу белел монокль. Мать не двинулась с места. Синий костюм в фактурную ёлочку, медно-красные башмаки, безукоризненная прическа. Взгляд печальных глаз пронзил сочувствием.

– Вам уже сообщили? – спросил вместо приветствия Горан.

Он редко виделся с родителями. Последний раз – весной, во время каникул.

– Они исключили тебя, – произнес отец позорным приговором.

Никакого удивления, шока. Горан окончательно разочаровал его.

– Простите.

– О, сынок! – Мать поднялась к сыну.

– Надин, сейчас не время для сентиментальности. Это урок всем нам.

– Я соскучилась. – Её ласковые руки утешали объятием.

Горан закрыл глаза, сдерживая неподозволенные слезы. – Мудрецы предвзяты. Все мы оступаемся.

– Неучтиво заставляя ждать.

– Леслав, еще минуту.

– Я в порядке, мама.

Горан постарался улыбнуться, но лицо словно онемело.

Отец поднял со стула чемодан и вручил сыну:

– Твои мечты об Алефе погубили будущее. Ты мог окончить финансовую академию, поступить на службу в казначейство Вистрии.

Горан сжал потертую ручку чемодана. Он не смел посмотреть в глаза отцу, испытывая вину за разгромное поражение. Мать коснулась его холодной щеки теплой ладонью, отстраняя угрюмую реальность комнаты:

– Ты справишься. У отца есть связи. Его мудрейшество Харман обещал заступничество. Они не станут преследовать.

Мать говорила о гончих Казмера – чёрных плащах воевод. Любые угрозы династии подвергались их беспощадной охоте. Гончие Казмера неминуемо настигали крадущей и доставляли в Гранитный замок. Их немилость – верный путь на плаху.

Отец сжал руку матери, призывая к хладнокровию. Горан опустил взгляд, но успел заметить, что губы мамы задрожали плачем:

– Господин Трость проведет тебя в чернолесье.

Горан испуганно посмотрел в бесстрастное лицо отца.

– Я не поплыву с вами?

– Нет, – бросил тот. – Дед и старуха предупреждены. Ты отправляешься в Яругу.

Сын открыл рот возразить, но в комнату, шаркая ногой, вошёл Господин Трость.

– Вечер скоро, – поторопил он.

Отец кивнул, подталкивая Горана идти:

– Мы объяснились.

Мать накинула плащ на плечи сына, крепко обняла, нашептывая на ухо, что вскоре они встретятся. Горан понимал: утешение ложью. Жизнь в засушливых землях востока Царны подобна ссылке. Отец наставническим голосом произнес вынужденное, скупое напутствие. Воспитатель кашлянул; осведомился, раздражающе причмокивая, о сохранности мебели. Горан вышел в коридор. В дальнем конце этажа неспешной походкой удалялись к лестнице воспитанники.

– Бруно! – окликнул приятеля Горан.

Три фигуры замерли. Подростки неприязненно уступали Горану дорогу, пропуская к друзьям.

– Я переживал, что не смогу попрощаться с вами. – Он остановился, клонясь вправо от тяжести чемодана. Дирк по-

тупил взгляд. Хэварт нависал горой надменности. – Посвящение?.. – Горан с трудом скрывал боль в голосе. – Кто управляется в Замок Воителей?

– Знаешь, нам не велено говорить с тобой. – Бруно озираясь на невольных слушателей. – Мы осуждаем твою безрассудность.

– Бруно, оставь. Мудрецы не слышат нас. – Горан приятельски хлопнул его по плечу, но друг отшатнулся, будто от прокаженного.

– Хитрости наказуемы, – с колким высокомерием напомнил Хэварт. – Разговор с тобой порочит нашу репутацию.

Горан посмотрел ему в глаза, ожесточаясь:

– Раньше ты восхищался обманом Роха.

– Обман есть обман, – пожал плечами Хэварт.

Горан с надеждой посмотрел на Дирка:

– Где Ализ?

– Лучше не впутывай её.

– Бруно, я хочу попроситься.

По коридору уже стучала трость воспитателя. Подростки расходились, превращаясь в безучастных прохожих.

– Что здесь за беседы? – Господин Трость остановился за спиной Горана, осматривая мальчишек, расходящихся от опального выпускника.

– Он первым затронул нас, – оправдывался Дирк.

Бруно закивал, подтверждая:

– Мы всегда сторонились его идей.

Горан смотрел на друзей и ему мерещилось, что перед ним говорили каменные статуи. Их лица, голоса, взгляды казались чужими, посторонними. Стены давили враждебностью. Ворчливая интонация воспитателя царапала слух.

Лучше уходить. Ступени шатались перед глазами подвесным мостом. Горан спускался под ударами мимолетных, упрекающих взглядов. Дети избегали его внимания, словно он посылал страшнейшее проклятие – исключение из бастиона. Кошмар разрастался паникой.

На улице хлесткий ветер мёл по брусчатке влажную листву. На верхнем этаже башни горели окна – началось собрание ордена воичей. Выпускники бастионов спешили мимо Горана, увлеченные радостным волнением предстоящих дискуссий, выступлений, – беззаботные, равнодушные к трагедии изгнанного мальчишки.

Мимо в потоке детей прошла Ализ с подругами. Горан остановился, думая, что ему привиделись ее светлые локоны и синева глаз. Их взгляды встретились.

Горан шагнул навстречу, радуясь последней возможности поговорить, оправдаться и... услышать слова поддержки. Ализ, накинув капюшон мантии, поспешно отвернулась, осуждая его безрассудное намерение. Дверь башни захлопнулась, поглощая хрупкий силуэт в темноту каменных стен. Господин Трость поторопил, но Горан еще минуту стоял, оглушенный беспощадностью правды.

Долгий путь за крепости града длился в молчании. Во-

евода Вацлав лично отворил врата. Мост опустили. Господин Трость поторапливал Горана передвигать ногами быстрее. Широкие доски поскрипывали под тяжестью тел. Река за кустистым рвом шумела скорым течением. Горан поднял взгляд. Чернолесье: угловатые прутья и темные столбы ольхи, дубов, вязов, путы кустарников и дерновые луговины. Солнце сквозь дым туч клонилось к закату. Вскоре Горан окажется за тысячи километров от замков, башен и мощных улочек.

Под ногами зашумел гравий, затем сухая трава поглотила звуки торопливых шагов. Воспитатель кивнул: «За камнями тропа – иди по ней, не оглядываясь».

Голые деревья чернели влажной корой. Ветер тревожил их заострённые кроны, ажурные паутины ветвей. Горану мнилось: он ступает во мрак безлунной ночи. Непроходимые чащобы, заколдованные тропы. Господин Трость поморщился под мелким дождиком, налетающим с холодным воздухом стаями мошек. Отвязал от цепочки плаща звёздную ветвь с начертаниями гербовых символов провинций, чиркнул её млечными краями о сапфировые рога трости. Голубые искры породили сине-белое пламя.

«Ступай, птенчик, – вздохнув, произнес Господин Трость. – Тропа вернёт тебя в Яругу».

Горан принял горящую факелом ветку, что дымилась и шипела под настырными каплями туч. Господин Трость, причмокнув с сожалением, похлопал воспитанника по спи-

не. Больше – ни слова. Воспитатель шаркающей походкой начал удаляться к крепостной стене. Бастионы горели вечерними огнями. Горану мерещились разговоры, накрытые угощениями столы, лучи свечей и речи мудрецов. Порыв ветра трепал пламя в руке, пронизывая насквозь стужей. Тело продрогло. Ноги замёрзли, пальцы рук онемели. Чернолесье шумело штормовым морем. В унисон душевному ненастью непогода демонстрировала свирепую мощь.

Кудесник осмотрел склонённые рогатины деревьев. Заросли дерезы сплетались сетями в пучине ветвистого шатра. Чаша кривилась голодным монстром.

Горан без оглядки побрёл в лес...

Глава 2

1

Ночь опускалась на землю холодом. Дождь прекратился. Ветер стих. Горан всматривался во тьму лесных дебрей, слыша только шелест травы под ногами. Он вновь отклонился от тропы путешественников. Опасная беспечность. Но изнутри кудесника поедали переживания и боль, давило тягостное бремя разрушенных надежд.

Чернолесье напоминало лабиринт. Туман крался сыростью по пятам. Вспыхивали и гасли тусклые блуждающие огни. Горан не боялся тайных сущностей колдовского леса. Он винил себя, злился на мудрецов. Он жаждал справедливых слушаний. За один проступок рушить судьбу непозволительно!

Деревья встречали путника палачами в тернистых мантиях. Никто никогда не видел их в листве. Зимой бородавки на колючих кустарниках распускались пунцовыми цветами, ввергающими сладкими ароматами путников в сон. Люди провинций сторонились чернолесьев, но жуткие слухи о монстрах, скрывающихся в неприступных чащах, множились. Горан остановился, озираясь. Левая рука ныла от тяжести багажа. В правой – догорала звездная ветвь путеше-

ствий. Тропа блестела в двух шагах сырым грунтом.

Над головой громко каркнул ворон.

Горан помахал рукой, распаяя покачиванием огонь сапфировых очагов. Он надеялся когда-нибудь увидеть деревья-великаны Звёздных гор, сейчас покрывшиеся кремневой корой на зиму. Воспитанником он представлял, как подготовит ветвь путешествий самостоятельно, вернётся к бабушке и дедушке стражем тайн цитадели грёз – гордостью семьи.

Кривые стволы в бурых мхах поскрипывали кроной, исчезая в темноте. Горан брёл, не чувствуя холода, не замечая отсветов любопытных глаз в зарослях. Млечное зарево ветви касалось его лица утешающе, безучастность останавливала страхи ночи. Тропа вилась в пугающую даль.

Когда луна осветила поляну в багровой траве, Горан понял, что достиг земель Бескрави. В каждой из восьми провинций каменистой Царны существовали хмурые обитатели – чернолесья – тёмные пятна на листе страны, которую окружали могущественные и враждебные колдовские миры. В чернолесьях стирались преграды народов, времен, ощущений. Заколдованные тропы могли увести опрометчивого путешественника в неизведанные края. Горан крепко сжимал рукоять тлеющей ветви, думая о доме, в котором провел детство.

Лоснящиеся влагой деревья расступились, тропинка скрылась в поросших бороатым мхом камнях. Путник пе-

ребрался через их острые глыбы, оглянулся, прощаясь навеки с таинственным миром волшебства. Трубное воронье «крух!» гнало прочь.

Горан ступил на сухую дорогу. Плывающие тучи чернили луну и алмазы звезд. Справа и слева простирались тихие степи Яруги. Ночь скрывала увядшую траву, что ещё недавно зеленела жизнью и буйствовала цветом. Одинокие дубы и багровые сухостои высились примитивной разметкой пустынной местности. Вдали светились окна домов.

Близость чернолесья обрекла Яругу веками существовать крохотным селением крестьян. Семь сотен построек ютились возле густого лиственного леса. Жители редко выезжали в другие населённые пункты, ведя уединенную жизнь: сеяли по весне пшеницу, овес, ячмень, просо, гречу, а осенью одаривали Скоп яровыми хлебами. Скоп – столица всей восточной провинции Царны, Бескравии. Во второй месяц осени леса Бескравии покрывались алым золотом, пламеня пожаром листвы и трав. Провинцию образно именовали в народе Багровым Горизонтом. Во времена пребывания в Башне Воспитанников Горана часто спрашивали об огненных змеях, обитающих в норах степей, которые осенью, разгневаннные наступающими холодами, воспламеняли деревья, взмывая к небу пожары. В граде шутили, что жители Бескравии – угрюмые и смуглые кожей, оттого что раскалённая листва опалила их, очерстила характеры. Горан не любил такие разговоры. Он знал не понаслышке, насколько изнури-

телен труд в полях под жгучим солнцем и беспощадны ветра в засуху.

Редкие огни Яруги превратились в прямоугольники окон. Тревога ночи сменилась умиротворением раннего утра. Скоро оранжевые лучи возвестят о начале нового дня.

Горан вошёл в черту селения. Улицы поблёскивали инеем, сливаясь и расходясь одинокими побегам к серпу леса. Деревянные избы соседствовали с каменными домами. Бедность. Хоромы.

Звездная ветвь погасла. Горан бросил её на землю, и она превратилась в пепел, который по грунтовой дороге рассеял южный ветерок. Треугольные крыши построек пронзали дымку утреннего тумана. Горан пересёк безлюдную площадь Сходов, преодолел улицу Лавочников и вышел на самую окраину селения.

Сердце защемило от нахлынувших воспоминаний. Шаги. Усталые шаги по тропе к бледному дому, окруженному низким плетеным забором. Сад недавно уронил разноцветную листву на гладкие камни двора. Горан торопливо поднялся по ступеням шаткого порога. Рука сжала медное кольцо дверного молотка. Туку-тук. Глухой звук разрушил покой дома.

В окне появилось заспанное лицо бабушки. Старик Прокош открыл дверь.

– Горан? – Дедушка не верил слабым глазам. На нём белела мятая рубаха, серые штаны были закачены, ноги босы. –

Сынок, ты откуда здесь?

– Примите? – Внук виновато опустил голову, осматривая грязный чемодан у ног и свои пыльные ботинки.

Дедушка отступил в комнату.

– Проходи, – произнес обеспокоенно. – Не стой же, дитя. Продрог весь.

Бабушка с причитаниями скинула с плеч пуховый платок и укутала Горана. На ней синела сорочка в пол, седые волосы облепили ключицы редкими прядями.

– Мой мальчик, – приговаривала она, ведя его к столу. – Как же так, среди ночи? Голоден? Сейчас накормлю.

В кухне зажгли свечи.

– Грозовые скаты ушли на юг. Дорого купить. Опять коптим свечами.

Старик посмотрел тоскливо на круглый фонарь над столом. Грозовыми скатами в Царне называли молнии, запасы которых служили людям источником света.

Горан опустился на резной стул за круглым столом. Льяная скатерть. Кувшин в горошек, две глиняные кружки. Дом стариков мало изменился. Пахло облепихой, сухофруктами и горечью степных трав. Стены в желтоватой побелке, деревянная мебель. Кружева – рукоделия бабушки – белели на окнах, комодах, столах. Доски пола покрывали шерстяные коврики ягодными островками. Горан поднял взгляд на взволнованных хозяев дома. Низкорослая бабушка за последние годы похудела, морщины обвисли на курносом лице.

Дедушка, высокий и худощавый, как прочная жердь, сохранил ещё стойкость к потрясениям. Его карие глаза темнели черноземом, что принимал в себя семена слов, прорастающих сегодня сорняками тревоги.

– Меня исключили. – Горан не решался оправдываться, ожидая обвинительных речей, горестных вздохов. Старики молчали. – Неслыханное происшествие для столицы Царны. Приведённый мной крадуш сбежал. Я неосмотрительно оговорился о брешах в крепости. Я виноват.

Тишина. Испуг угасал в глазах стариков, тлея сочувствием.

– Видел мать? – спросил дедушка, переживая о дочери, которая не предупредила родителей о возвращении внука.

– Да. Они с отцом плывут в Вистрию. У них полно дел. Забот. Мое преступление ляжет тенью на порядочность дома Мильвусов.

Отец и дядя Горана работали в казначействе Вистрии, юго-западной провинции Царны. Почётные должности, уважение в обществе, привилегии, поместья. Но Горан с младенчества рос в Яруге под опекой бабушки и дедушки. Матери некогда было заниматься им: она ездила по стране, изучая редкие виды растений. Горану часто казалось, что его родителей объединяет только любовь к работе, преданность делу. Семью мальчику заменили старики Прокош и Раска, а также соперники бастиона кудесников и строгие воспитатели. Он никогда не роптал на судьбу, давая бой грусти сме-

лыми мечтами. Теперь же...

– Двери Янтарного града закрыты для меня. О Замке Воителей не смею и говорить.

Дедушка приблизился, раздумывая, каким жестом унять ненастьё в душе внука, какой мудростью утешить. Его скупые сельские познания не годились для внимания смышлённого юноши. Бабушка торопливыми шажочками подошла к Горану, обняла его и сникшего мужа.

– Ничего. – Слеза скатилась по её впалой щеке. Тёплые руки окутали уютom защиты. – И не такое переживали. Как говаривает народ: «Лихо изводит, мудрости научает».

2

Два дня равнину Яруги омывали дожди. Горан скрывался от вопросов в комнатке, у окна, наблюдая размытый пейзаж леса. В гости заходили на посиделки соседи, злорадно расспрашивали о неожиданном появлении внука. Горан не желал ни с кем общаться, есть, выходить за порог тесного укрытия детской. Ему хотелось окаменеть и не чувствовать досады, не мучиться угрызениями. Он думал о будущем, выстраивал воздушные замки планов и... впадал в жуткую хандру. Капли стекали по мутным стеклам. Унылый день сменял бессонную ночь.

На третьи сутки солнце вернуло себе власть. Яркие лучи утра согрели продрогшую в ненастье природу. После обеда бабушка отправила Горана за пятнистыми грибами для теста. Она желала заставить его шевелиться, а не погибать на кровати от ядовитых переживаний. Не без упрямства Горан взял лукошко и поплёлся через огород в балку.

На холме начинался широколиственный лес. Горан преодолел кустарниковый подлесок; оставив за спиной заросли бузины и облепихи, понуро ступил в земли безмолвия. Над головой полыхали золотые кроны вязов, ясеней, кленов и дубов, создающих иллюзию янтарных шпилей града. Горан сохранял гордую осанку, но угрюмые мысли омрачали погожий день. Лесной воздух оседал во рту горечью гнилых трав

и тухлых веток. Ноги сами несли к озеру.

Яруга – небольшое селение, жители которого мало общались между собой. Таков нрав Бескравии: трудолюбивый, строгий, молчаливый. Все праздники и быт в восточных провинциях переплетены с посевными работами и урожаями. Нарядные одежды Горан впервые увидел в Янтарном граде. В Бескравии ремесленник считался благороднее ювелира. Здесь любовались красотами природы, а не театральными представлениями. Тень чернолесья лишала каждого ребёнка любопытства с пеленок. О дружбе никто не говорил, существовала лишь взаимопомощь и общее дело яровых хлебов. За лето солнце выпекало земли селения до подгоревшей корки, словно пшеничные ломти в духовой степи.

Горан остановился у кромки сонного озера. Жизнь разрушена. В Яруге его ожидали лишь ежедневные заботы о полях, огороде, своевременном дожде и ураганных ветрах. Горан взглянул на своё отражение. Печаль глаз делала серую гладь унылой картиной несчастного человека. Над головой пугливо вспорхнули птицы.

«Вот так встреча!» – задиристый голос обрушился наигранным смехом.

Горан очнулся от раздумий. Повернул голову. С бугорка по грязи к нему шагали трое подростков. Он с трудом узнал в них повзрослевших ребят, с которыми когда-то ходил в школу. Погодки брата Тукановы и широкоплечий Улакач. Чёрные волосы, смуглые лица. Крестьянские работы закалили

в них дюжую силу. Коренастые фигуры напоминали мешки, что катились сбить его с ног.

Горан покосился на своё пустое лукошко, затем робко отошёл от воды.

– Мы тебя сразу узнали, – произнес Улакач, останавливаясь. На его широком теле чернел меховой тулуп. Широкие штаны свисали с высоких сапог. – Тощий зяблик. Тебя, видать, не кормили в граде?

Кудесник осмотрелся, выискивая пути к отступлению. Братья стояли по бокам от него, потирая кулаки. Недоброе предзнаменование, но он надеялся договориться.

– Аппетитом вы всегда отличались.

Братья переглянулись, взвешивая хмуро: льстит или насмехается? Глаза, нос, губы уместались на их круглых лицах с маленькими подбородками по центру, словно на блюдцах.

Улакач, сын коваля, сговорчивостью отличался слабо. Горан должен был понимать это, когда пять лет назад обманом убедил злопамятную троицу пойти с повинной к управителю селения. За краденые арбузы их отчитывали прилюдно, а дома задали трепки. Горан тогда проучил обидчиков за тумачи и насмешки, но сегодня усомнился в оправданности наказания.

– И как? – ухмыльнулся приземистый Йом. – Вспорхнул в твердыню грёз?

Братья рассмеялись, наблюдая за безропотной жертвой. Горан молчал, исподлобья поглаживая на мальчишек, в об-

щем труде с которыми судьба теперь распорядилась ему вырасти и состариться. Малым ребёнком он намеревался оседлать одного из дозорных Замка Воителей, орлиноподобного Луту, и прилететь в Яругу с волшебным значком стражей Алефы на груди. Сейчас Горан стоял в старой безрукавке дедушки поверх поношенного костюма, и под ключицей его синела неровная латка.

– Надо ему помочь, парни. – Улакач опустил свою тяжёлую ручищу на плечо Горана. – Тяните его к срыв-камню.

Горана толкнули в спину. Он качнулся, но с места не сдвинулся.

– Упрямишься? – Улакач щурил узкие глаза, нервничая в предчувствии сопротивления.

– Вам троим неприятности ни к чему. Напакостите, а потом Йом обо всём расскажет родителям. – Младший из братьев прервал увещевания Горана возгласом. Кудесник развел руки в стороны. – Вы и в прошлый раз не хотели меня избивать, – невозмутимо уверял в обмане, оглядывая Тукановых, – но Улакач решил доказать бесстрашие. – Нире, вспомни, как ты отговаривал, как мудро предвидел последствия. И та кража... Арбузы вообще зелеными оказались – спор людям на смех. А я разбудил в вас совесть. Ваше покаяние затмило омерзительность воровства. И вообще, – храбрел кудесник в выдумках, – вы всегда восхищались моим талантом убеждать людей. Зависть – побочный эффект тугодумия...

Удар в живот заставил Горана согнуться пополам. Руки

ему заломили, крепко связали за спиной ремнем.

– Мы во всеоружии. Твои рассказы на этот раз не срабоят, окудник.

Морщась от боли, Горан посмотрел на лицо высокорослого Нире, уши которого скрывала треугольная шапка – из отворота ее торчало золотистое перо альтурга. Два похожих маховых пера белели в нагрудных карманах Йома и Улакача. Оперение альтурга – броня против магии.

– Где вы достали их?

Полнощекое лицо Нире ухмыльнулось, выпячивая неровный зуб:

– Взяли у лесного отшельника.

– Бахаря?

– Старого тюфяка.

Улакач отвесил Горану подзатыльник, и мальчишки со смехом повели пленника вдоль озера.

У воды трава зеленела весенней свежестью. Ветер шумел над головами, беспокоя листву. Стволы деревьев плыли жердями вольера. Начались камни. Карабканье вверх. Горан спотыкался, ругая себя за неосмотрительность и беспомощность. Ранее смелость крепла на особом таланте – заставлять людей считать его слова собственными воспоминаниями. Редкий дар не единожды спасал его от неприятностей, но сегодня хитрость сельских мальчишек обезоружила кудесника.

Глумливые шутки конвоиров в мыслях Горана раздува-

лись смиряющими угрозами. Он опять споткнулся. Нире потянул его за шиворот безрукавки, но ноги подвели – Горан упал во влажные листья папоротника. За спиной твердел горб срыв-камня – наивысшей точки леса и всей Яруги.

Срыв-камень венчал восточную окраину озера гигантским рогом. За ним, словно за предводителем воинства, росли из земли каменные столбы – на сотню верст серела гудящая полоса без единого деревца. На срыв-камень не садились птицы, он не обрастал растениями. Гиблое место. Полвека назад здесь казнили преступников Яруги, осужденных как сообщников крадушей.

Горан отполз от обрыва. В воде темнели острые глыбы озёрной пасти.

– Тебе не следовало возвращаться, – произнес Улакач. – Чернолесье вновь голодно выло.

– Ага. – Йом навис над пленником, скрещивая руки. – Мы видели, ты плелся из ведьминой пучины утром.

Горан осмотрелся. Тучи затягивали округу полумраком.

– Ты мастер дурачить народ. Слыхал, гончих видели под Скопом?

– Я никому не желаю зла, – но голос Горана дрожал ненавистью.

– Таким всё с рук сходит, – наступал Улакач. – В Яруге живут простые землепашцы, трудяги. Нам смута ни к чему.

Ветер холодил кожу – жар волнения топил доводы разума в гнев. Горан сидел под осуждающими, брезгливыми взгля-

дами мальчишек, заигравшихся в судей. Он понятия не имел насколько далеко способно зайти их безрассудство. Стоило выбираться из угла, в который его загнали, пока обрывистая сцена не превратилась в эшафот.

– Чего вы добиваетесь?

Улакач прищурился, выговаривая:

– Любопытно нам.

– Издеваться?

– Нет. – Йом навис обеспокоенным дрессировщиком. – Любопытно посмотреть, что ты еще умеешь, воспитанник Башни. Смотри, ты не лучше нас.

– Пусть управитель рассудит, – потребовал Горан, осматривая мельком перья альтурга.

Улакач криво усмехнулся. Братья переглянулись.

– Чтобы ты заговорил ему уши. Полезай на камень!

Нире выступил вперед, занося кулак для удара. Горан не отвел взгляда, ожидая нападения с вызовом. Трое против одного. В граде он вынес побои гораздо несправедливее. Йом толкнул его сапогом. Бросок кулака. Под рёбрами вспыхнула боль, но удар в лицо обездвижил челюсть. Горан зажмурился, с трудом смиряя стон. Новый удар. Он повалился на правый бок, выгибаясь от толчка в спину. Нире что-то выкрикнул. Улакач скомандовал прекратить:

– Тащите его наверх!

За ремень на руках дернули. Боль вынудила повиноваться, хотя ноги не слушались. Йом ставил подножки. Нире смеял-

ся, повторяя обвинительно: «Думал, лучше нас? Лучше?»

Пошатываясь, Горан начал двигаться вверх. Камни образовывали неровные ступени. Путь лежал над обрывом. Голова кружилась от ушиба тошнотворной скоростью. Горан посмотрел вправо, в пустоту высоты. Нире вытянул из расщелины сухую палку и приказал пленнику взбираться выше.

– Вы спятили! – вскричал Горан, когда каменная крошка посыпалась из-под подошв. – Чего вы добиваетесь? Расправы?

– Пошевеливайся! – Улакач упивался властью. – Двигай! Двигай ногами живее.

Горан, тяжело дыша, по узким плитам влез на новую ступень. Еще пять или шесть глыб отдаляли вершину.

– Вы хотите убить меня? За что? Мы пять лет не виделись! – он повышал голос в надежде, что кто-нибудь услышит, проявит любопытство к творящемуся безумию. – Здесь можно шею свернуть!

– И хорошо.

– Кому хорошо? – Горан впился взглядом в выпученные глаза Улакача.

– Будет всем в Яруге. Надо удостовериться.

– В чём? С ума сошли?!

Истертая подошва ботинок скользила по округлым выступам. Близость гибели туманила рассудок.

– Проверим твои способности.

Горан прижался спиной к камню. Он не сделает ни шага.

Палкой безжалостно ударили в живот. Нире словно видел в нём не человека, а деревянную мишень.

– Я не умею летать! – Горан надеялся вразумить бестолковую троицу, но видел в глазах мальчишек только расчётливое, жестокое любопытство.

– Сейчас проверим!

Нире сделал выпад, стремясь угодить палкой в лицо. Горан едва не взвыл от ярости. Мало было ему обвинений и исключения. Здесь из него сотворили зверька на потеху. Град не прощает изгоев. В селении понимали это. Многие в Бескравии презирали напыщенность столичных жителей. Горан стал уязвимой частью мира, который в Царне боялись и ненавидели за беспрекословное превосходство.

– Давай, покажи, чему научился! – желчно требовал Йом, потирая ладони. – Где Луту? Позовём его?

Палка описала дразнящий полукруг и ужалила в бок. Горан извернулся. Прыгнул с криком на нападающих. Удар его ноги выбил клюку из рук Нире. Улакач занес кулак. Горан нагнулся сбить его с ног, но поскользнулся. Они съехали с глыбы на ребристую плиту над обрывом.

Улакач кашлял от падения, потирая грудь. Горан не мог пошевелить пылающими болью руками. Бровь над правым глазом ныла ушибом, по щеке текла кровь. Теперь его точно не пощадят. Улакач поднимался на ноги с угрозами, пока кудесник изучал пустую плиту, выискивая возможности для сопротивления. Он не собирался сдаваться, хотя понимал:

местность предполагала трагический исход схватки.

Ветер налетел бойким порывом, выхватывающим перья альтурга. Мальчишки замерли, будто заслышав крик, – и закатились оглушительной истерикой, что ослепли. Горан лежал на боку, учащенно дыша и с подозрением наблюдая, как Йом и Нире хватаются за глаза. Улакач опустился на колени, обвиняя кудесника в колдовстве. Воздушный порыв стихал, обволакивая колючим ознобом. Тучи плыли по небу грязными водорослями.

– Идём!

Горан опустил голову на окрик. Ниже плиты, на квадратном камне, стояла девочка: прямо, руки по швам, хмурый взгляд гипнотизировал слушаться. В пяти шагах ползал Улакач, обшаривая хаотично руками опору: «Прочь! Прочь, чудище! Пощади!» Йом тёр глаза, Нире вопил о клыкастых деревьях. Горан вновь опустил взгляд на девочку. Низкого роста, худощавая, с загорелой кожей, покрытой веснушками. Русые волосы светлели выжженными на солнце прядями и вились по шерстяному пальто до локтей. Юбку бледно-синего платья в мелкий бело-зелёный цветочек трепал ветерок. Шею обтягивал изумрудного цвета шарф. Но тонкие губы были сурово сжаты, а зелень глаз волокла в трясину.

– Ты кто? – спросил Горан с недоверием, поглядывая на слепо пошатывающихся обидчиков, умоляющих призрачных чудовищ о пощаде. – Как здесь оказалась?

– Времени нет объяснять. Идём! Скоро солнце появится.

Горан решил оставить вопросы на спокойный момент. Он с трудом поднялся на ноги, неуклюже собрал перья альтурга связанными руками и, прихрамывая, начал пробираться по неровностям камней. Спуститься оказалось трудной задачей, но выполнимой. Незнакомка вела его за собой молчаливо, не обращая внимания на отзвуки мальчишеских рыданий.

– Они могут разбиться, – тревожился Горан, с облегчением чувствуя под ногами твердость почвы.

Фигуры Тукановых и Улакача содрогались призывами спасения.

Ветер дохнул с Яруги. Холод растаял в лучах света – солнце выглянуло из-за тучи. Девочка потянула Горана за полу безрукавки, увлекая в тень камней. Она разрешила ремень на его запястьях складным охотничьим ножом.

– Ого! Опасная вещь.

Незнакомка спрятала нож в карман платья и скорым шагом устремилась в укрытие деревьев. Плач мальчишек превратился в злобные выкрики, но беглецы уже ступили под покров леса. Озеро осталось за спинами. Палые сокровища листвы горели узорным ковром в песочных лучах послепопуденного солнца.

– Чудеса... – Горан обернулся, переживая, что ярая троица организует погоню.

Девочка уверенно шагала вперёд.

– В Яругу? – спросил Горан.

Она кивнула:

– Да, обойдём тропы грибников. Не переживай, – проследила за его взволнованным взглядом, – они смогут спуститься. Слепота не вечна.

– Если честно, впервые такое наблюдаю.

– Да? – Она с недоверием заглянула ему в глаза. – А я слышала, ты пять лет жил в Янтарном граде.

Горан ощупал опухшую бровь, морщась от боли в правом виске, в ушибленных пальцах, в боку.

– Жил. Верно. Но слухи о нём, думаю, здесь слишком преувеличены.

– Так ты не умеешь колдовать?

Спутница разочарованно остановилась.

– В Царне колдуют только крадуши.

Они смотрели друг на друга с недоверием и... любопытством.

– Откуда ты взялась? – спросил Горан, до конца не представляя, что отвечать девчонке, ожившей притягательной тайной.

– Я видела, ты пришёл из чернолесья. Я следила за тобой. – Она склонила голову набок, скептически осматривая его израненное лицо. – Расскажи мне о граде. Расскажи о себе. Эти дубины твердили о способностях. Что ты умеешь?

Поток вопросов вверх Горана в растерянность. Он тараторил на незнакомку, словно на морок лесной пучины.

– Кто ты?

Она удивленно вскинула голову, случайно открывая за прядями участок щеки: вдоль уха тянулись угольные шрамы – три, от подбородка до виска. Перехватив его испуганный взгляд, девочка застенчиво скрыла волосами отметины когтей ящеров.

– Злата, – улыбнулась ему. – В детстве мы встречались на улице Лавочников. Ты не помнишь? Ты рассказывал о твердыне грёз.

Глава 3

Листва покрывала россыпью рубиновых бликов терновые кустарники. Их заросли кривыми изгородями разделяли пригорки у подножия леса. Матовая паутина ветвей, багрянец и бурая трава степи. Горану казалось, что он шагает по полотну безотрадного художника.

Прошёл день со встречи с девчонкой у срыв-камня. День раздумий, сомнений. Немного оправившись от побоев, Горан решил пройтись к Бахарю – теперь дремучему старику с огромной библиотекой.

Бахарь жил в лесу отшельником. Он с детства писал фантастические истории, которыми зачитывались в Царне, но после гибели супруги и дочери слава стала тяготить его. Писатель переехал к чернолесью составлять энциклопедию степных животных. Преподавал несколько лет в школе. Бабушка предупредила, что чудаковатого сказателя давно не видели в Яруге.

Горан осмотрелся, ступая в лес. Слежки не наблюдалось. Хорошо. Уязвимость пошатнула его отвагу.

Западная окраина леса – дубравы. Горан бывал здесь в детстве почти каждый день. Ему нравилась безмятежность жилья Бахаря и его сказки. Взрослея, Горан узнавал от стареющего писателя всё новые и новые предания о Бескравии, граде, об Алефе. Легенды, ходившие в народе о западной

границе Царны, в устах Бахаря награждались фактами.

Тропы грибников вывели Горана к бирюзовой речушке, берущей начало в озере. Горан застегнул меховой воротник плаща. Погода пугала близостью дождя, но ненастный ветер остался за укрытием деревьев. В лесу царил мрачный покой осени. Серпантин речушки вывел к светлой избе. Строение не изменилось за последние годы: мощные брёвна стен, квадратные окна, крыльцо с креслом-качалкой. Раньше к порогу часто приходили олени. В лесу водилось много животных, в том числе хищников, но Бахарь не боялся. Он всегда уповал на безобидность собственного соседства.

Поляну у двора покрывал густой настил сухой остролистой травы. Заросли орешника ограждали избу забором.

Горан поднялся на высокое крыльцо.

– Бахарь! – позвал, вглядываясь сквозь своё тусклое отражение в оконные стекла. – Уважаемый Бахарь, это я – Горан. Ау?

Дом неприветливо молчал. Ни звука. Под ботинком скрипнула пыльная половица. Горан поднял взгляд. В приоткрытую дверь высунулась седая голова.

– Горан? – Дверь распахнулась, хозяин дома нацепил на крупный нос квадратные очки. – Но Замок Воителей?..

– Печальная история. – Кудесник пожал плечами, представляя с упавшим сердцем, как Хэварт сейчас изучает владения за Туманным лесом. – Меня выгнали из града.

Прямоугольник старческого лица вытянулся изумлением.

В сливовых глазах за толстыми стеклами очков угадывалось сочувствие. Впрочем, Бахарь всегда отличался бравым нравом.

– Проходи. Изгнание не беда, – улынулся задорно. – Бывали времена хуже.

Учитывая последние события, Горан бы поспорил. В его жизни сейчас развернулась трагедия. Ужаснее времен он не знал.

Дом старика насчитывал три комнаты. Горан повесил плащ на клюв вешалки. Следом за хозяином он пересек кухню, спальню и остановился в просторной библиотеке. Бахарь не часто принимал гостей. В селении никто не знал, что лесной отшельник – известный писатель. Пять высоких окон библиотеки выходили на речушку. Если открыть форточку, можно наслаждаться её умиротворяющим журчанием.

Старик закрыл дубовую дверь с жёлто-белыми фигурами дев-птиц, которые считались оберегами жилищ в Царне.

– Присаживайся, Горан, – указал рукой старик на кресла возле центрального окна, осматривая гостя с сердечным любопытством. – В граде ещё избивают за провинности?

Горан потёр запястья, вспоминая, что лицо его покрыто синяками и царапинами. Спина ныла ссадинами, правую руку словно пришили в плече.

– Нет. Это последствия изгнания.

Старик, поджав губы, кивнул, не желая спрашивать о том, что собеседнику неприятно.

– Я принесу тебе узвар с медом.

Горан начал возражать, но Бахарь отмахнулся, оставляя смущенного гостя. От деревянного пола до потолка выселились стеллажи с книгами. Разноцветье корешков, сложенных аккуратными стопками по алфавиту, неминуемо вызывало трепетное желание читать. В детстве Горан мечтал жить в этой комнате, говорить с героями историй, теряться в вымышленных мирах. Сухой запах бумаги и воска пропитывал воздух. Горан опустился в мягкую зелень кресла рядом со столиком-кубом. Изба находилась в глуши, в отдалении от Яруги, но здесь дышалось спокойнее, чем дома. С недавнего времени жители селения внушали страх. Утром приходил управитель. Он спрашивал у Прокоша о травмах Горана: беспокоило происшествие в лесу, о котором сплетничали крестьяне. Ещё бы! Улакач и братья утверждали, что Горан применил колдовство.

Но магией обладала девчонка. Злата. Горан смутно помнил то время, когда заглядывал к её старшему брату Азару. Их семья торговала поделками на улице Лавочников. Каменные обереги, редкие минералы, бытовые и сувенирные изделия. В девять лет они напоминали Горану сокровища гор. Он приходил к Азару вечерами, перед закрытием лавки, когда тот угрюмо выметал полы в ремесленной избе. Горан рассказывал ему истории Бахаря, а взамен Азар дарил занятные вещицы, которые кудесник представлял таинственными артефактами. Азар был старше Горана на два года, тучен,

неразговорчив и послушен родителям. С ним не общались сверстники. Он не любил игры. Но руки его вырезали из дерева удивительные украшения с узорами, которые чаще пугали, нежели восхищали. Уже год Азар жил на побережье Офитового моря в соседней провинции Орд. Там, за песчаными холмами, существовали лечебницы для душевнобольных. Сознание Азара помутнили ночные кошмары. В семье осталась Злата и младший брат Остип, слёгший месяц назад с грудной хворью.

– А вот и угощения. – Бахарь толкнул дверь коленом. – Утром пёк.

Он приблизился с улыбкой и поставил деревянный поднос на столик. Две кружки с дымящимся узваром, пирожки и слоёные булочки «вертушки» со смородиновым вареньем. Горан нигде не пробовал выпечки вкуснее.

Старик протянул гостю льняную салфетку и занял кресло напротив.

– Не стесняйся, прошу, – подвинул поднос.

Горан выдавил улыбку.

– Спасибо. Не стоило беспокоиться.

– Мне в радость.

В детстве Бахарь воспринимался Гораном строгим взрослым человеком внушительных размеров. Но повзрослев, мальчишка с упавшим сердцем заметил, насколько невысок и худощав красноречивый писатель. Ему шёл восемьдесят третий год. Глубокие морщины старили лицо, смягчая рез-

кие черты. Тонкие губы казались ссохшимися в окружении торчащих завитков бороды. Седина волос заостряла внимание на бледности дряблой кожи. Бежевая рубашка в веточках вышивки, коричневый пиджак с заплатами на локтях и мрачными пуговицами. Чёрные брюки белели пятнами муки.

– Как ваше самочувствие?

Бахарь усмехнулся, оголяя уцелевшие в старости передние зубы.

– Жалуюсь, а что толку? Больные колени жар камина лечит. А мне бы ходить. Давно не видел озера.

– А в Яруге бываете?

Старик нахмурился, вспоминая:

– Где-то недели две назад заглядывал, кажется. Ты ешь, Горан. Не обижай гостеприимство.

Горан откусил кусочек булки, вспоминая терпкость детских радостей, щекочущую нёбо медово-кислыми привкусами. Бахарь рассказывал о селении, а Горан жевал пухлую выпечку, забывая о боли синяков и ран.

– Я слышал, гончих видели под Скопом?

– Куда там! Встретил гончих Казмера в лесу дня два назад. Патрулируют, думаю. Они спрашивали о чернолесье. Тебя привела звёздная ветвь?

Горан кивнул, глотая сладкий узвар.

– Я был настолько подавлен, что толком ничего не запомнил.

– Опасно отправлять ребенка чернолесьем. Близость зи-

мы превращает те чаши в голодного зверя.

Кудесник вздохнул горестно:

– О моей безопасности не тревожились.

И Горан в сердцах рассказал предысторию его исключения. Бахарь выслушал, не перебивая. Он всегда отличался учтивым вниманием. Прекрасное образование, манеры, мягкий нрав. Горан дико поражался решению писателя поселиться в жуткой глуши Бескравии.

– Как быть дальше? – Горан уткнул расстроенный взгляд в пол. – Как я мог оступиться так? С виду Рох казался обыкновенным ребенком. Растерянным. Испуганным. Следовало больше читать о крадушках.

– О, мой мальчик. Правды о крадушках никто не знает.

– Страшилка провинций. В Царне детей пугают рассказами о крадателях душ. Воспитатели нам объясняли, что они – порождения чернолесьев.

Старик несогласно мотнул головой:

– Порождения чернолесьев – змеяды. Да и какие порождения? Некогда обыкновенные люди, что возжелали увечить и властвовать. Крадуши – иная сила.

Горан поставил кружку на стол, обхватил ладонью подбородок.

– Вы что-нибудь слышали о них?

– Да. Я много интересовался, но никогда – никогда не видел их своими глазами. Тебе посчастливилось.

Кудесник не разделял восторга собеседника.

– Встреча с крадушем – проклятие на всю жизнь.

Старик отвел взгляд на стеллаж библиотеки.

– Сейчас покажу тебе кое-что.

Хозяин дома подошел к полкам у двери и потянул за ко-
решок толстого тома. Горану открылся ящик – тайник. Ба-
харь достал из него на стол две книги. Одна из них напоми-
нала блокнот в черной обложке из коры вулканического де-
рева провинции Морион, нагревающейся в руках человека
теплыми углями. Старик открыл книгу, демонстрируя акку-
ратные записи.

– Мои заметки, – с загадочной гордостью признался писа-
тель, – копии текстов из библиотеки в Меловой башне.

Зрачки Горана расширились от удивления.

– Вы учились в граде?!

– Я родился там, жил и да, учился. Рядом с Гранитным
замком.

– Ничего себе! Вы жили... вы видели. Вы видели послов
Алефы?

– Послов? Теперь их так называют? Нет, – усмехнулся. –
Но я многое разведal о крадушaх.

Горан смотрел на блокнот, который краснел под пальцами
от тепла тела. Его не интересовали крадуши и Гранитный
замок. Он желал слушать о твердыне грёз.

– Удивительного в них мало, – вяло произнёс Горан, усту-
пая любопытству в глазах Бахаря. – Совсем обычные: гово-
рят, едят, спят.

– Нет. Крадуши – самые удивительные создания Царны. Самые удивительные... и опасные.

– Да уж, без их мятежного призрака воевода Вацлав утратил бы могущество. – Горан нахмурился, вспоминая властного предводителя воинства гончих. – Знаете, я не слишком силен в истории Царны. Господин Трость утомлял перечислением дат.

– Трость? Эрих Трость?

– Вы знакомы?

Горан вздохнул, понимая, что скучный разговор затягивается.

– Уф! Всем в Граде известна его биография.

– Знаете, редкий педант и, вообще, сварлив, как пес.

Бахарь вскинул брови, поражаясь безразличию Горана:

– Выпускником он совершил ужасный поступок – предупредил крадуша о ловушке гончих.

– Что?!

Перед глазами комната зашаталась.

– Позорная история. Эриха изгнали.

– Но он – уважаемый воспитатель.

В голове Горана вертелись шестеренки соображений. Старик выразительно посмотрел на озадаченного мальчика.

– Его помиловали.

– Такое возможно? Разве прощается самое тяжкое преступление в стране? Пособники крадушей – смертники.

Бахарь устало вжался в спинку кресла.

– Эрих искупил вину. Он два года скитался по Царне и отыскал крадуша, сочувствие к которому толкнуло его на измену. Он привёл беглеца в град.

– И восстановился в правах?

– Да.

– Мне не обнаружить Роха.

– Три века назад крадуши поставили Царну перед угрозой уничтожения. Сражения, болезни, нищета. Правители укрылись в крепости западных лесов, ныне Янтарном граде. Казмер, воевода короля Горислава, тогда храбрый и честолюбивый юноша, осмелился идти в твердыню. Силы династии таяли. Казмер с отрядом верных короне воинов смог пройти сквозь Звездные горы и Туманный лес в неприступную обитель магических сил.

– Он добрался, – завистливо сообщил прилежный воспитанник града. – Алефа исполнила его желание.

Старик кивнул:

– Да. Он грандиозно повлиял на историю страны. В Кодексе наказаний Казмер предусмотрел статью о помиловании за поимку крадуша. Вот почему гончим прощают многие злоупотребления особыми полномочиями. В цитадели грёз Казмер узнал тайны крадателей душ.

– И они стали уязвимыми, – поддержал Горан, сам размышляя о Кодексе, о восстановленном в правах воспитателе, о безжалостном воеводе. – Гончие, охотники, следопыты – все они выросли на знаниях, которые заполучил в твердыне

Казмер. Вооруженные ими, они уничтожили большую часть лютых созданий потусторонних миров.

Горан вздохнул печально. Он опять убедился в правдивости недостижимого волшебства Алефы.

– Откуда столько интереса к крадушам? – спросил Горан задумчивого старика. – Они – зло. Разве вам не страшно приближаться к их тлетворным следам?

– Они – побеги Древа времени.

Горан точно в столб врезался.

– Что за тексты вы читаете, уважаемый Бахарь? – Он посмотрел на блокнот и солнечно-желтую книгу в слановых цепях. Подобные цепи помещали кузнецы Орда по центру обложки для защиты редких карт от всевидящих глаз ворожей и змеядов. – Лучше вам не произносить такое вслух. Вацлаву и ветер шепчет.

– На Древе времени шумит крона потусторонних миров. Царна – всего лишь лист в магическом поле. Ты видел её карту?

Горан сжал руки, вспоминая уроки топографии:

– Да. Сходство есть. Восьмиконечный лист? Дубовый или...

– Реки – это жилы, питающие земли целебным волшебством. Существует легенда, что пять веков назад народы Царны воспротивились могуществу потусторонних миров. Создания, безобидные и пугливые, но сотканые из магии, уничтожались. Короли опасались их мощи. В провинциях

устраивались расправы над творцами чудес. Осужденных за мистический дар и угрозу правящей династии отводили в леса с озерами, связывали и сбрасывали с обрывов. Природа гибла в трауре. Вокруг мест казни проросли чернолесья.

– Мы изучали несколько другую историю. – Во рту пересохло. Горан отпил немного остывшего напитка. – Где вы слышали подобное?

Старик похлопал по блокноту.

– Не все письма легко уничтожить. Да и память людей сохраняет больше, чем желают правители. Создания, о которых мы слышим в сказках, живут в потусторонних мирах. И в неприступных чащобах Царны.

– Там обитают изверги, – возмутился Горан. – Жестокое колдуны раскалили огнем звезду Альфатум, нацеленную стереть крепости Царны за неповиновение. Они желали видеть её жителей рабами. Из слезы Древа времени выросла Алефа, о свет которой высоко, за облаками, разбился огненный шар Альфатум. Казмер обрел защиту в сетях перламутровых стен. Западная цитадель – форпост, оберегающий наши земли от захватчиков – колдунов, вносящих смуту в мирные умы напастью крадущей. – Кудесник сник, гневный запал шёл на убыль. – Пусть меня изгнали из града, но я верен клятве ордена воичей: оберегать жителей Царны от моровой хвори Альфатум.

Старик отвернулся к окну.

– Прости, Горан, – жар в его голосе сменился спокойстви-

ем. – Я понимаю твою преданность граду.

– Любой здравый человек верен тем, кто его защищает. – Горан немного ослабил обвинительную интонацию: – У тети Роха глухота появилась после его появления, а ещё – кошмары – жуткие, пожирающие силы. Вы просто не встречались с крадушами. Они действительно рушат судьбы.

Старик убрал книги в тайник стеллажа. Вспыхнувший луч доверия угас безотчетным порывом.

– Или встречали? – рассуждал Горан. – Кто подскажет, как распознать их в толпе? Лишь гончим известны приметы, но они – нечто вроде тайны преемников Казмера. – Горан возмущенно сплел руки. – Как понять, что перед тобой крадуш, а не самородок-кудесник или перерожденец? Ворожеи на воде показывали Роха гончим. Я сомневался.

Старик весь ожил знанием:

– Есть один способ.

– Серьезно?

– Существует поверье: осколки звезды, созданной для разрушения Царны, падают в чернолесья, становясь минералом крепким, как кремень, и сверкающим, как угли в печи. Гончие носят его оберегами, опекая пуще слановых булав. В руках крадущей этот минерал чернеет, рассыпаясь золой.

– А вы... вы видели его? – Горан с трудом скрывал интерес за дрогнувшим голосом.

– Да, признаюсь, – ответил Бахарь, утрачивая предусмотрительность в желанной минуте беседы с единомышленни-

ком. – У меня есть его частица. Я всегда надеялся повстречать крадуша. – Бахарь улыбнулся, трогая свой седой висок пальцами. – Что-то я разоткровенничался...

Но неотрывный взгляд кудесника превращал глаза старика в стекло. Горан напряженно замер, сцепляя пальцы.

– Нет. Я уже слышал от вас историю об этом удивительном минерале, – внушал Горан размеренным голосом.

– Да? – шептал, сомневаясь, словно запомнил, старик. – Аль – крайне редкий минерал. Мне достался он по наследству. У многих жителей града отняли такие сокровища гончие, но я сумел сохранить.

– Вы позволите мне взглянуть на него?

Горан поднялся.

Старик отрицательно мотнул головой, но оцепенелого взгляда не отвел.

– Бенедикт Вагус, – обратился к нему Горан по имени, которое знали все любители вымысла и книг. – Вы обещали мне показать аль, когда я закончу обучение в Башне Воспитанников. Пожалуйста.

Горан протянул руку, чувствуя, как щеки краснеют от стыда, но эмоции сейчас только усугубляли душевный надлом. Своё умение Горан использовал редко. Внушать людям воспоминания – изматывающая, крайне болезненная задача. Если увлечься, близок риск забыть собственное прошлое, самому поверить в обман.

– Эрса просила вас не копить тайны минувших лет то-

пящим грузом. Верно? – Напоминание о погибшей дочери – запретный и низкий шаг, но другой возможностью Горан не располагал. Бахарь предпочитал сидеть в панцире секретов. – Я верну аль завтра. И мы поговорим о Рохе.

Глаза старика вспыхнули надеждой:

– Ты расскажешь мне о крадуше?

– Да, если вы позволите изучить аль... и те две книги из тайника.

Горан требовательно указал на зелёный корешок тома-ящика.

Бахарь с минуту колебался, рассеянно осматривая книги. Но убеждающие слова кудесника подействовали. Старик достал из тайника в обложке блокнота цепочку с кулоном, рыхлым алым шариком, но при внимательном взгляде Горану померещились внутри металла сине-белые звезды. Цепочка легла в руку обманщика. Минерал кулона потемнел, словно подделка.

– Что с ним?

Старик изумленно отстранился.

– Впервые наблюдаю такое...

– Я пойду уже. – Горан с трудом выдерживал доверчивый взгляд Бахаря, который всегда относился к нему как к сыну. – Вот перья альтурга, – достал он из кармана пропажу. – Под креслом лежали. Спрячьте их надежнее.

Кудесник понимал: этим вины не загладить, но так он успокаивал себя, что никогда впредь не станет внушать ста-

рику лживые воспоминания. Горан, не поднимая головы, решительно направился прочь из избы.

На улице холод впивался ледяными когтями ветра. Стужа проникла во владения леса, словно это обман мальчишки осквернил покой чаш.

В селение Горан вернулся с наступлением сумерек. Тропуары пустовали. Жители коптели в домах дешёвые свечи, обсуждая новости, ужиная. Торговые избышки на улице Лавочников закрывались на ночь. Дворовые фонари с искрами грозových скатов, вспыхивая неисправно, догорали последние минуты. Хмурый час вечера. Он надеялся, что Злате позволят выйти.

Дом Златы располагался в дальнем углу площади Сходов. Рисунки на ставнях закрытой ремесленной избы взирали выпуклыми очами истуканов. За избой дремал дом из цветного камня с треугольной крышей. Горан дёрнул язык медного колокольчика у ворот. В бледно-желтом окне дома шевельнулась тень. Дребезжащий звон уговорил входную дверь приоткрыться. На пороге появилась Злата. Она смотрела на позднего гостя настороженно.

– Здравствуй! – Горан помахал рукой, приветливо улыбаясь. – Подойди сюда, пожалуйста. Не бойся, я не кусаюсь.

Злата скрылась за дверью, но через несколько секунд приблизилась к мальчику по каменной дорожке, надевая пальто поверх домашнего платья до пят. Её длинные волосы свисали двумя тугими косами за ушами, пронизанными мелкими,

но многочисленными серьгами: мастера украшений любили демонстрировать товар на своих детях. Голую шею обвивали сплетения шнурков и бус. Девочка накинула капюшон, стыдясь шрамов вокруг миловидных щечек.

– Время позднее. Родители скоро вернутся от управляющего и...

– Там сход?

– Да. – Она не смотрела ему в глаза – оба понимали, какое происшествие взволновало жителей. – Я думала, ты там.

– С чего бы?

– Ты вчера не пришёл.

– Прости.

Злата в лесу откровенничала с ним. О своей жизни. О больных братьях. Через неделю её вновь собирались отправить к дяде на восточную окраину Царны, к Спящим скалам забвения. Горан спрашивал ее о причинах ссылки в места, где жители наблюдали солнце чаще на картинах, чем над головой, но Злата не пожелала объяснить. Не рассказала даже, когда Горан с вкрадчивостью кудесника начал расспрашивать её о родителях, о том, как она смогла повлиять на трицу обидчиков у срыв-камня.

Горан взял девочку под локоть, побуждая идти к округлому фонарю на заборном столбе. В прозрачном стекле, как в аквариуме, плавали белые искры, озаряя двор полумесяцами света. Горан остановился в млечном ореоле, излучаемом затухающими скатами. Злата притихла напротив в замеша-

тельстве.

– Так ты расскажешь мне о твердыне? – Её суровые глаза вонзали в него пронизательные взгляды, но Горан более не пытался обманывать.

– Зачем тебе знать о ней?

Злата усмехнулась с его напускного удивления:

– В ней исполняется мечта. Об этом все дети знают. В граде ты видел стражей?

– Да. Одного.

Строгость зеленых глаз растаяла в тепле сказочных фантазий.

– Они трёхглавы? От их прикосновений оживают камни? Они могут победить любую болезнь?

– Болезнь? – Горан нахмурился, гадая над мыслями девочки. – Ты явно мало знаешь о цитадели грёз.

– И ты не расскажешь мне?

– Я... – он взял ее холодную ладонь в тепло рук, – принес тебе одну вещь. Она из окрестностей Алефы.

– Правда? – Злата затаила дыхание в радостном предвкушении, позабыв о прежней осмотрительности.

Горан улыбнулся, уступая неподдельному восторгу девочки, которая впервые раскрыла лучистый нрав, сокрытый скорлупой недоверия. Его рука извлекла из внутреннего кармана частицу метеорита, дороже которого в Царне не обнаружить клада.

– Возьми.

Злата задумчиво отступила.

– Рубин?

– Почти.

– Ничего подобного не видела. Там звезды. Внутри вспыхивают точки звезд! – изумилась она в восхищении. – Он темнеет в твоих руках. – Соболиные брови сдвинулись к переносице.

– Он волшебный. Аль.

Горан притянул её ладонь и вложил в хрупкий изгиб пальцев кулон. Минерал потускнел, треснул угасшим угольком и рассыпался горсткой золы. Злата опустила ладонь, отшатываясь.

– Что это?.. – прошептала в испуге. – Что это с ним? – Чёрные пылинки темнели на её коже сажей. – Он исчез, Горан. Горан?..

– Аль – осколок мертвящей звезды, Злата. Его разрушает прикосновение крадуша.

Глава 4

1

Обуглившийся кулон вверг Злату в ужас. Она ничего не произнесла в ответ на увещевания кудесника, убежав в дом, словно от преследователя. Горан не настаивал на встрече, заходя в полдень в ремесленную избу ее родителей; часами рассматривая товар и надеясь увидеть девочку, тайну которой грубо потревожил. Горан переживал, но в застенках души таил ликование. Он обдумывал опасное мероприятие. Для его воплощения требовалось узнать о мыслях Златы, о чувствах, сотворённых открывшейся правдой.

Старик Бахарь объявился в Яруге, ходил к управителю. Скоро он придёт за своими книгами, а до той поры Горану представилась редкая возможность ознакомиться с записями блокнота сказочника. Занимательная информация, хранящаяся в строках взрывоопасными фактами, могла служить на судах мудрецов весомым доказательством вины в смутьянстве – подтверждением содействию коварным замыслам крадушей. Выдержки из манускриптов, древних рукописей и заметки из путешествий рождали в голове иной, нежели в официальных учебниках, образ крадателя душ. Не добрый, не злой. Противоречивый. Почерк Бахаря получалось разби-

рать с трудом из-за вычурности и диалектных слов провинций. К тому же Горана постоянно отвлекали с домашними поручениями. Натаскавшись воды с окраины леса, он падал вечерами без сил, забывая о головоломках, измышлениях и уникальных наблюдениях скрытного писателя.

В выходной день бабушка с дедушкой ушли на базар за крупами. Солнце золотило стены лучами. Туманы ненадолго уплыли за чернолесье, позволяя жителям степей согреться в слабеющем тепле осени. Горан сидел за кухонным столом и рассматривал листы редчайшего атласа в слановых цепях, сущим чудом сохраненного Бахарем. Размером он немного превышал его ладонь, но вмещал подробные иллюстрации обширных земель Царны.

Дверной молоток возвестил о приходе гостя. Горан спрятал солнечно-жёлтую книгу под расшитую салфетку и тихо приблизился к окну возле двери. На пороге стояла Злата. Обмен недоверчивыми взглядами завершился извиняющимся приветствием Горана:

– Я боялся, что ты уехала. – Он замер у двери, трусливо осязая непогоду мрачного нрава гостьи. – Проходи, – махнул кудесник рукой, приглашая в дом.

Девочка прошла, застенчиво осматриваясь. Распушенные волосы скрывали шрамы на щеках. Горан взял у нее пальто, Злата нервно разгладила ладонями складки длинной юбки синего платья с грубыми лентами шнуровки по линии позвоночника. На ней по-прежнему темнело множество укра-

шений: тонких серебряных колец на пальцах, деревянных перстней с яшмой и красно-фиолетовыми аметистами; бус, спрятанных, за исключением одного амулета, под вышитой тканью платья. Злата сняла старые коричневые башмаки, оставляя ноги в одних носках из серой овечьей шерсти.

– На площади Сходов сейчас выступает управитель, – сообщила, озираясь на закрытую дверь. – Он говорит о крадушках.

Горан провел Злату к столу: усадил, напоил чаем.

– Ты должна понимать, что я не представляю угрозы, – признался, чувствуя себя не собеседником, а соперником.

– Зачем же ты принёс аль? – Злата настойчиво избегала пересечения взглядов. – У чернолесья все с младенчества слышат: они... крадатели душ... Они мерзкие чудовища, – голос её сорвался вздохом отчаяния.

– У срыв-камня ты сотворила жуткие вещи, да, признаюсь. Но чудовище – преувеличение. Правда. Улакач и Тукановы гораздо хуже. Они, – Горан вкрадчиво смягчил тон, – твердят, что видели многоликих.

– Я пришла тебе на помощь! – оскорбленно напомнила гостья. – Такова благодарность?

Горан ответил с возражающим жестом:

– Послушай, Злата, я жил в граде и видел, что крадущей неминуемо настигают гончие и заключают в Гранитном замке.

– И ты! – сердито бросила она. – Ты тоже лишил свободы

крадуша!

– Откуда такая осведомленность?

Зелёные глаза сверкнули раскаленными кнопками.

– Где-то месяц назад гончие прибыли из чернолесья. Ездили по Яруге, расспрашивали людей о тебе.

Кудесник склонил голову, оценивая знания гостыи.

– И они не заметили тебя? Гончие Казмера чувят крадуша в многотысячной толпе.

Злата воинственно вздернула подбородок.

– Может, я – исключение? Зачем ты вмешался?

– Рано или поздно они придут за тобой. Разве ты не догадывалась о своём происхождении? – Горан с недоверием осмотрел девчонку.

– Все считают крадушей злобными уродцами. Я встречала гончих несколько раз. Как видишь... – Она провела рукой вдоль невредимой себя.

– Последние полвека ни один крадуш не вырос на свободе старше четырнадцати лет. Тебе сколько? Тринадцать?

– Почти.

– Мертвящий дар выдаст рано или поздно.

– И ты предложишь мне сдаться?

Злата глубоко вдохнула сухой воздух комнаты. Печь за ее спиной бушевала пламенем, мысли – страхом.

Кудесник сплёл пальцы и постарался изобразить участливый вид.

– Злата, поверь, если бы я хотел выдать тайну, мы бы сей-

час не беседовали. Тебе, вероятно, известно, почему меня изгнали из града?

Взгляд гостя спрятал шипы подозрений.

– По твоей вине сбежал крадуш. Все в Яруге знают.

Горан посмотрел в окно, за которым тонкоствольная берёзка укуталась в шаль из нитей света.

– Хочешь, я покажу одну книгу?

Горан снял салфетку с солнечно-жёлтой обложки, подсел ближе к Злате. Он провел ладонью по цепям сланы – серебристому металлу, навеки затвердевающему послековки. Белая слана добывалась в рудниках западного Мориона только для нужд града. Редкий металл служил защитой от колдовства и чар. Зеркальные ромбы семи цепей скрывали за собой узорные ряды сапфировых глаз альтургов.

– Смотри, атлас Царны. Воспитанником я слушал о таких книгах, как об утеранных сокровищах. На обложке помещена слановая защита от присмотра ворожей и змеядов. Такие книги создавались старцами-затворниками Серебряных гор Мориона, которые, будучи купцами, увидели все уголки нашей страны. В руках путешественника этот атлас – щит от любопытного взгляда.

Кудесник открыл книгу. Первые страницы из желтоватой бумаги занимали красочные карты восьми провинций: Янтарного града, Вистрии, Узоречья, Мориона, Федарии, Ловища, провинции Орд и Бескравии. Искрились бликами движущиеся иллюстрации рек, пенные волны Кораллового и Офи-

тогового морей. В центре книги треугольные конверты листов раскрывались кувшинками, являя зрителю чёрно-белые торговые маршруты с указанием границ чернолесьев – схематических фигур воронов, по которым вились пунктирные тропы. Крайней западной точкой блестела твердыня. Ее защищали Туманный лес, Звездные горы, предгорья и скалистые леса – воины Янтарного града.

– Смотри, твой амулет похож на Царну, – и Горан указал пальцем на тёмное дерево в форме восьмигранного листа, свисающего с шеи Златы на бордовых бусах. Камни малахитовой расцветки соответствовали восьми провинциям страны. Жилы рек мерцали перламутровым глянцем. Вверху на ножке прозрачной каплей застыл кристалл. – Особенное украшение.

– Дядя говорит, что мне подарили его соседи на первый день рождения. У Спящих скал соседи считаются семьёй.

– Ты часто бывала там? У скал?

– Да. – Злата перевернула шероховатую страницу, рассматривая крайнюю западную провинцию Царны, напоминающую птицу, расправившую крылья в полете. На хвосте птицы темнели крепости Янтарного града. – Братья болели. Я жила в Яруге только летом.

Пальчик Златы двинулся мимо черточек укреплений града, вдоль золотушных лесов, оживающих берёзовой листвой, сквозь скалы и сумрачные деревья-великаны, по вершинам заснеженных гор – прямо к подножию Алефы. От касания

цитадельные стены засверкали перламутром. Карты мастеров Мориона сказочно передавали облик местности и сооружений, под наклоном увеличивая изображение напротив правого зрачка.

– Она существует? – шепотом спросила Злата, словно сквозь замочную скважину созерцая витражи окон, всматриваясь в грозные скульптуры каменного воинства Туманного леса. – Поразительно! Она существует! – Улыбка смягчила строгость голоса. Злата любовалась, позабыв о нависшей тени правды, что разделила её жизнь на до и после.

Лучи бродили по комнате, повинувшись течению времени. Тепло очага окутывало уютom, защищённостью.

– Хочешь, я отведу тебя туда? – предложил Горан, безотчетно хватая мирное мгновение, как южный ветерок.

Злата пугливо отняла палец от страницы, останавливая магию текучих красок.

– Куда?

Горан кивнул на карту и улыбнулся ей заговорщиком.

– К перламутровым стенам. В твердыню грёз. Если решишься, мы отправимся за мечтами вместе.

Согласие Златы положило начало тернистому путешествию.

Попасть в магическую цитадель – фантастическая, неосуществимая мечта миллионов жителей Царны. Большинство из них считали Алефу мифом, единицы посвящённых –

неприступным оплотом волшебства. В народе о ней ходило множество легенд, слухов, ужасающих преданий, неизменно околдовывающих даже самых предвзятых слушателей обещанием – в цитадели грёз исполняются безвинные желания детства. Самые сокровенные мечты срываются туда, в сети окон, белыми звёздами в лунные ночи, расцветая картинами витражей, покрывающих перламутровые стены до самого неба. Над хрустальными ступенями заснеженных лестниц звучат колыбельные. Чтобы мечта исполнилась, существовало условие – узнать её в сюжетах картин, рассыпанных в Алефе больше звезд. Давалась всего одна попытка. Ошибка уничтожала мечту, обрекая человека навеки в грусть.

Правды о западной цитадели не знал никто, кроме стражей Замка Воителей и хранителей сказаний. Рассказывались разные истории. Горан верил, что достаточно ступить в хрустальные чертоги и открыть створку окна – отпустить огонёк мечты с вольным ветром.

Горан и Злата, одержимые замыслом путешествия, много общались. Каждый день он приходил к её дому. Они крались вдвоем в лес, избегая посторонних глаз. Горан делился планами, знаниями о крадушках и твердыне, уверяя, что их беды решаться, стоит лишь достичь магического рубежа грёз.

Какую-то неделю назад идеи странствия виделись невыполнимыми. Но Горану сопутствовала удача: в его владении оказался редчайший атлас Царны, а в лавке родителей Златы обнаружился обломок звёздной ветви. Обывателям они ви-

делись невзрачными ручками сувенирных чаш. Обожжённая ветвь дерева-великана скалистого леса превращалась в мутно-серый слепок. Ничего примечательного, если не ударять ею о сапфиры. Два года назад Господин Трость настоятельно обучал воспитанников мудреному мастерству путешествий.

Опыт пересечения чернолесьев у Горана имелся скудный. Ветвь пришлось связывать из кусков проволокой, а размер сапфира на карманных часах не превышал мышиного глаза. Но для попыток у Горана осталось в запасе десять дней. Ровно через десять дней Злату отправят в дом дяди к скалам забвения. Завершался третий месяц осени. С наступлением холодов чернолесья превратятся в неприступные чащи, а путники – в лакомства многоликих чудовищ. Горан третий день бился над кривым творением длиной в две ладони, но ветвь лишь чуток нагревалась, не издавая свечения.

Злата нервничала. Она много спрашивала, уточняла, сомневалась. Твердила, что не страшится гончих, и всё же... осознание себя крадушем обернулось предчувствием несчастий. Горан упрямо желал достигнуть цели. В разговорах с девочкой, которую он уговорил на побег в вымышленные дали, – Горан держался бесстрашным кудесником, которому пересечение чернолесьев казалось не труднее прогулки в степи. Мало-помалу Злата уступила спорным доводам нового друга, понимая: одной ей не скрыться от беспощадных преследователей. Теперь она смертельно страшилась гончих. Будущее приближалось угрожающими видениями.

2

За четыре дня до отъезда Златы Горан решил отправиться к чернолесью с твердым намерением зажечь ветвь. Он встал ранним утром, собрался, но его поход задержало поручение бабушки убрать в детской комнате, запущенной до нежилого состояния. Скомканные листы с расчётами маршрутов валялись ошибочными черновиками. Горан спрятал их в чемодан, вымыл мебель, полы, двери; выстирал постельное бельё и одежду.

В обед с мельницы вернулся старик Прокош. Пронести ветвь незаметно не получалось. Горан пообедал и остался в комнате ждать, когда старики обсудят на кухне последние новости селения и прилягут отдохнуть. Тревожные голоса за дверью усиливали волнение внука, намеренного вернуться в смертоносные заросли леса. Неисправная ветвь обречёт их со Златой на гибель. Следовало испытать шаткую конструкцию и убедиться в собственных силах.

Горан беспокоился. Ожидание подтолкнуло собрать вещи для путешествия. Невзрачный рюкзак из черной рогожки на ремнях, с которым он когда-то ходил в школу в Яруге, оказался вполне прочным и вместительным: поглотил сменный костюм из серой шерсти, бурый свитер, рубашку. Во внутреннем кармане Горан спрятал книги Бахаря и долгие сбережения, на которые в граде планировал купить зимнее пальто.

В правый карман рюкзака он засунул тёплые носки и складной нож. В левый – тощий блокнот и чернильную спицу.

Кудесник вздохнул, осматривая скудные пожитки. Опять извлёк из рюкзака монеты. Деньги пригодятся в любом пути, но в лесу компас – помощник важнее. На улице Лавочников он видел один по приемлемой цене. Гул отвлёк от раздумий: за окном ветер тревожил ветви ивового кустарника и березы, тихим свистом проникая в дом. Горан достал из рюкзака бурый свитер и натянул его поверх льняной рубашки. Высокий воротник согрел шею. Застегнув на поясе брюк ремень, Горан прикрепил к нему ветвь и похлопал себя по карманам брюк. Монеты звякнули глухо. Он спрятал рюкзак под кровать. Следовало торопиться.

Кухня пустовала. Стены смолкнувшего дома неодобрительно следили за спешными сборами юноши. Горан зашнуровал ботинки, натянул шапку, застегнул плащ. Дверь скрипом возвестила о его уходе, но старики, дремавшие на кровати в дальнем углу дома, не придали значения шуму.

Горан шагал по тротуару, сутулясь под назойливыми взглядами прохожих. Оживление на улице Лавочников подстегивало переживания. Пасмурное небо предвещало ненастье. Воздух жег обоняние прелой сыростью листьев и глинистой почвы.

На пути мимо посудных лавок и кузницы Горан вовремя заметил Улакача. Сверстник стоял к нему боком, в десяти шагах, на пороге соседнего с кузницей товарного домика. Он

толкал носком стрелу вывески, пытаясь заставить её крутнуться вокруг оси. Нетерпеливость отнимала у тела часть ловкости. Вывеска со звоном стукнулась о низкий заборчик, возвращаясь ударом в голень. Улакач зарычал.

Горан нырнул в ближайшие двери.

Пекарня... Запахи свежей выпечки одурманили голову, отзываясь голодным урчанием в желудке. Горан обошёл колонну из стекла: внутри маняще блестели подносы с пирожными. Поворот к прилавку. Его лицо уперлось в тёмную грудь высокого человека.

– Внимательнее!

Рука в кожаной перчатке отстранила Горана на шаг. Угольная шерсть плаща. Красное зарево клыков командирских шевронов опалило взгляд. Костюм пешего воина, высокие сапоги. Глаза скрывала тень шляпы. Горан утратил дар речи, ветвь за поясом брюк показалась огромной корягой. Перед ним возвышался гончий Казмера.

– Простите, – тихо ответил кудесник предводителю группы, опуская взгляд в сторону.

Пекарь, краснощекий скупец Томху, прервал разговор с двумя гончими, посылая неуклюжему мальчишке угрожающий взгляд. Важные посетители отказались от льстиво предложенного Томху пирога и обернулись к Горану. Он робко попятился к деревянной стене. Предводитель шагнул следом.

– Род, – потребовал, протягивая руку.

Родом в Царне называли нашейные кулоны в форме крупной капли из прозрачного минерала геуса, внутри которого мастер родословных помещал имя человека, имя семьи, дату и место его рождения. В зависимости от рода занятий человека, геус отливал бирюзой у моряков, золотом у ремесленников, зеленью у крестьян. Крадущей он не чувствовал, только кудесников – геус Горана пульсировал красками, словно хамелеон. После административных и военных реформ Казмера каждый житель страны носил при себе Род как вещь, обличающую человека пред скипетром власти.

В крупной руке гончего фигура минерала напоминала горную слезу с чёрными вкраплениями букв. Горан затаил дыхание, в страхе осматривая шиповые булавы из моровой сланы в крепежах за спинами гончих.

Ни слова.

Гончие Казмера попрощались с пекарем и бесшумно удалились.

Кудеснику показалось, что свечи вспыхнули ярче, запахи обрели сладость, тепло вернулось к рукам и ногам, ведь посетители унесли с собой казематный холод.

– Ты поглазеть явился? – сварливо спросил Томху, скреживая загорелые руки на белом фартуке, обтянувшем округлый живот. Мелкие глазки пекаря терялись за кустистыми бровями, и Горан не мог понять, на что так рассержен обеспеченный человек. – Речь отняло? Эй, покупать будешь?

Горан нерешительно приблизился, осмысливая внезап-

ную встречу.

– Это были гончие?

– А то ты не знаешь? – Томху прищурил глаза и ухмыльнулся.

За спиной пекаря румяным ассорти ютилась на полках выпечка: булочки, косы с вареньем, пирожки, «завертыши» с сухофруктами. Круглые булки ржаного хлеба белели россыпью семян.

– Я прежде не видел гончих в Яруге.

Хмыкнув, пекарь позвал младшую дочь вернуться за прилавком.

– Разыскивают крадуша. – Томху остановился у массивной двери, скрывающей кухню. Окинул презрительным взглядом Горана. – В Яруге учуяли. Что за напасти на наше селение? – и скрылся в темноте коридора.

К посетителю вышла девочка в ярком платье, но с тусклыми глазами и сонными жемами.

– Хлеба? – спросила она, поглядывая с любопытством за окно.

Горан мотнул головой.

– Нет, я деньги забыл. – Развернулся и зашагал, не чувствуя пола, на свежий воздух.

Мимо торговых рядов он спешил, позабыв об Улакаче, компасе, выискивая взглядом лишь крылья плащей гончих. Улица вымерла. Визит мрачных конвоиров остановил шумный дневной ритм селения. Жители спрятались в до-

мах, задёргивая занавески на окнах, с немеющими сердцами ожидая настойчивого стука в дверь. Гончие Казмера, при невзрачной внешности и немногословности, вселяли в людей трепет заточения и мертвящей хвори. Каждый в Царне знал: появление их плащей – верный знак близости крадателя душ.

Горан поднял в небо взгляд. Под рябью туч кружил серпокрылый сокол. Кудесник толкнул доску забора, проворно влез во двор Златы. По лужайке за порогом бродили куры. Отбросив церемонности, Горан повернул ручку двери и ступил в длинный коридор. Полумрак помещения окутал беспокойством. В нос ударил затхлый запах полынных лекарств.

– Злата, – тихо позвал Горан, опасливо оглядываясь на улицу. Паника ускоряла стук сердца. – Злата!

Она возникла на его голос из дальней спальни.

– Горан? – хмуро удивилась, торопливо приближаясь. Юбка синего платья развивалась на ходу, напоминая движением складок покачивание плащей преследователей. – Мы договорились завтра...

– Злата, гончие здесь! – в нервной горячке прошептал Горан, закрывая за собой дверь. – Я столкнулся с ними в пекарне. Они ищут крадуша. Они чувуют.

Глаза девочки наполнились ужасом.

– Где твои родители? – Горан схватил её за плечи, уводя в тень высокого шкафа. – Злата, пора бежать.

– Нет! – Она прижала ладонь ко рту, испугавшись гром-

кости голоса. – У Остипа жар... Отец уехал в Скоп. Мать пошла за лекарем, я не могу оставить брата.

Горан встряхнул ее с ярим призывом понять:

– Они пришли за тобой. Нам нужно спешить. Сейчас или никогда!

Девочка притихла, сжав ладони, уронив взгляд. Минута её раздумий показалась Горану вечностью.

Вещи Златы собирались в дорожный рюкзак, с которым она ездила жить к дяде, к Спящим скалам. Горан выглядывал в окно, поторапливая её брата только самое необходимое. Он просчитывал безопасный маршрут к дому. Без книг Бахаря не сбежать.

Перед уходом Злата не удержалась – заглянула в комнату брата. Остип, шестилетний черноволосый мальчик, лежал в постели на деревянной кровати у окна. Тени усиливали его худощавость и печальные черты личика. Пот блестел на розовой от жара коже.

– Остип, – Злата присела с ним рядом и ласково откинула влажные пряди со лба. – Солнышко моё, я вынуждена скрываться.

Братик открыл глаза и кивнул понимающе.

– Я слышал, – хриплый голос сорвался шепотом на последних буквах. – Вы в лес?

Злата отвела взгляд. В глазах её стояли слёзы.

– Скоро вернусь, обещаю.

– Азар не вернулся.

– Мы все вернемся, слышишь? Непременно вернемся, только держись.

Остип закашлял, поворачивая личико к проходу, где замер с рюкзаком Горан.

– Не ходите туда, – попросил мальчик, возвращая взгляд к сестре. – Вы заблудитесь.

– Остип, это путешествие, – согревая его улыбкой, ответила Злата.

– Вы встретите там чудовищ. Многоликих. Как в наших кошмарах.

– Мы победим их. Ты поправишься.

Остип устало моргнул, взгляд его посветлел на мгновение.

– Когда я представляю тебя рядом, чудовища прячутся.

Злата закусила губу, по щеке её беглянкой скатилось сле-
за.

– Они знают, как я люблю тебя, солнышко. В мыслях я всегда с тобой, помни.

Их взгляды сомкнулись общей надеждой.

Злата покидала дом в беспамятном волнении. Она тенью плыла за Гораном по чужим огородам, кралась за стенами чужих домов, бежала по грязи садов, сквозь колючие заросли кустарников.

Горан не набрался смелости признаться старикам, что покидает их. Внушать им воспоминания казалось преступлением. Он перемолвился на кухне с бабушкой о погоде. Зашёл в свою комнату, выбросил из окна рюкзак. Не все вещи

для путешествия удалось собрать, но Горан переживал сейчас только о том, как сбежать из Яруги. Группа гончих Казмера составляла от пяти до семи человек, двое – непременно патрулировали чернолесье.

Кудесник вёл Злату вдоль спорящего с ветром леса, смотря под ноги и видя мираж деревьев, слыша топот сапог и шелест плащей. Солнце катилось к закату. Дубрава косо уходила в море сухощавой степи. Кудесник остановился, раздумывая: «Как приблизиться к запретным массивам зарослей? Дорога бегом займет около пятнадцати-двадцати минут». Горан придирчиво осмотрел спутницу: пальто, платье до пят, увесистый рюкзак. Им не уйти от ловких преследователей.

Деревца робко дрожали листвой. Горан сел на бревно у сырых камней. Ему не хватало воздуха, ветер будто нёс их страх в селение дымкой. Он придумал такой план! Он жизнью рискнул для его совершения и... поражение? Мысли пререкались сварливо.

– Горан... – рука Златы коснулась его плеча.

– Я думаю.

– Горан, темнота не скроет от гончих.

Он поднял голову, осматривая пасмурное небо. Солнце садилось за чернолесьем. Справа, в отдалении, вспыхивали огни Яруги.

– Так и есть, – согласился с ее напоминанием. – Наше преимущество – время. Мы напрасно теряем его.

Кудесник поднялся, храбрясь. Всматриваясь в игольчатые выступы чернолесья, он сделал решительный шаг из укрытия мшистых дубов. Лес чудовищ на горизонте разросся тенями, предчувствуя близость вечера. Горан отвязал от ремня ветвь путешествий, достал из плаща карманные часы с сапфиром – сжал их бронзовый шар в кулаке.

– Бежать не станем, – предупредил Злату. – Иди за моей спиной, смотри под ноги и старайся не бояться. Хорошо?

Девочка кивнула, опустив взгляд, вышла на открытую местность степи.

– Вы не пройдёте и двадцати шагов, как вас заметят гончие.

Горан и Злата обернулись, не решаясь двигаться. У бревна, где минуту назад сидел кудесник, ногой притопывал мальчик в великоватой куртке из овечьей шерсти. Тело его с плеча диагональю пересекал ремень квадратной сумки. Мальчик потёр указательным пальцем над тёмной бровью. Его юркие глазенки казались растерянными, но взгляд поражал уверенностью.

– Ты как здесь оказался? – спросил Горан, возвращаясь в поросль молодых деревцев.

– Я умею кое-что. – Мальчик поправил на голове шапку из свальной шерсти. Сделал шаг и – исчез.

Злата испуганно завертелась. Кудесник процедил вопрос:

– Где он?

– Бамц! – Мальчишка появился рядом с Гораном и дерзко

выхватил ветвь путешествий. – Но вы талантливее меня.

Горан осторожно забрал ветвь. Незнакомец остался стоять, едва достигая ему головой груди. Совсем ребенок. Худенький, пусть куртка и широкие серые штаны визуально добавляли килограммы веса. Ботинки без застёжек. Так просто и удобно в Царне одевались пастухи. Черты лица точно вытесал из бледного камня ветер. Небольшой нос, рот и карие глаза, в гуще которых Горан всё же различал страх.

– Мы спешим. – Кудесник взял Злату под локоть.

– Погоди, – заупрямилась она, останавливаясь. – Я знаю его.

– Что?!

– Это Тамибаудус.

– Кто?! – Горан оглянулся на чернолесье, понимая, что разговор лишает драгоценных минут побега.

– Он живет у скал забвения. Я знаю его давно.

– Это не важно. Идём!

– Гончие выйдут со стороны правого рога, – сообщил мальчишка. – Трепещите. Они слышали вас.

Горан поднял руки, призывая к тишине:

– Что он городит?

– Я умею пересекать местность, – игнорировал сердитые жесты мальчишка, – вот так. – Он поставил ногу на пропитанный влагой стукам – сизо-чёрный камень, не высыхающий и в удушливый зной. Как не бывало. Но спустя миг он вновь возник в шаге от Златы. – Эти камни из чернолесья.

Они для меня как дыры в пространстве.

– Отлично! – Ярость Горана заглушало предчувствие беды. – Ребёнок, ты появился некстати.

– Я могу помочь!

– Тише! – Горан сжал в руке ветвь до боли, удерживая себя от необдуманных действий. Закрыв глаза, хаотично сообщая, как остаться незаметными! как не вспылить!

Вмешалась Злата:

– Путь опасен, Тами. – Она поправила на светло-русых волосах мальчишки съехавшую на ухо шапку. – Возвращайся!

Мальчик сжал её руку, глаза его заблестели упрямой надеждой.

– Вы идете в Алефу! Я знал, Злата, это не сказки, – знал, что она существует. – Голос Тами понизился до шепота: – Я всегда чувствовал, что ты крадуш. Я сам такой.

Горану мнилось: он побагровел от злости, лишь здравый смысл остужал пыл. Правый рог чернолесья огибали две фигуры. Различить их удавалось с трудом. Ветер дул в спину. Приближался серпокрылый сокол – дозорный казмеровских ищек. Горан похолодел от предчувствия неминуемой поимки.

– Чем ты можешь нам помочь?

Злата агрессивно подняла ладонь.

– Он слишком мал, Горан. Возвращайся домой, – приказала мальчишке.

– Ты сама говорила...

– Уходи! Здесь опаснее, чем думала.

Фигуры у чернолесья замерли.

– Нужно отступить к озеру. – Кудесник спрятался за изогнутый ствол дуба. Сердце торопилось в страхе. – Перебегаем от дерева к дереву, – распорядился.

– Я могу помочь, – настаивал Тами. – Я отвлеку их!

– С ума сошел?!

Взгляд Горана метался от мальчика к окраине чернолесья.

– Я уведу их в противоположную сторону, только обещайте, что дождётесь меня у груд стукама. – Тами указал на холмик, блестящий камнями под чернолесьем. – Обещайте, что возьмёте меня с собой!

Горан кивнул неопределенно:

– Мы будем ждать тебя у холма три минуты. Не более.

Понял?

– У меня часов нет.

Кудесник отмахнулся безразлично.

– Ладно. Только исчезну, вы должны бежать. – Тами с упрёком взглянул на рассерженную Злату. – Ты зря мне не верила.

Ступил на скользкий камень – и растворился в воздухе. Через минуту его светлая куртка появилась за спинами гончих.

– Безумец! – выдохнул Горан, выглядывая в испуге из-за дерева.

Мальчишка будто поманил красной тряпкой быков. Свет-

лое пятно его фигуры исчезло, гончие пустились в погоню.

– Бежим! – скомандовал Горан и отчаянно рванул вперёд, к лесу.

Злата, подняв до колен юбку, последовала за кудесником. Чудилось: тысячи лучников за их спинами натянули тетиву стрелами, целясь в мчащиеся в западню мишени. Дыхание сбивалось, жар волнения ускорял движения. Они достигли холмика сизо-чёрных камней. Злата озиралась, заламывая пальцы.

– Они поймали его, – рассудил Горан, направляясь в лес.

– Стой! – Злата не верила глазам. – Мы обещали ждать!

– Ждать гончих?!

Её взгляд твердел непреклонностью.

– Я не оставлю его. Иди!

Горан упёр руки в ремень; забывая о предосторожности, громко задал вопрос:

– Да вы с ним друзья? Ты рассказала ему, верно? Рассказала о твердыне?

– Я просила присматривать за Остипом. Что, если не вернусь? Тами – единственный, кому могу доверять.

– Как? – размышлял вслух Горан, прыгая взглядом по оконным огням Яруги. Сумерки покрывали степь туманом. – Сквозь воду говорят только ворожеи. Он... следил за нами? Прыгал по стукамам и следил?

– Я не уйду без него, – упрямо отрезала девчонка.

В селении грянули трубы – объявлена тревога. Горан пнул

камень под ногами, сжимая кулаки.

– Этот прыгун – крадуш?

Злата опустила взгляд.

– Она говорила, ты не боишься нас, – произнес внезапно Тами. Он стоял на холмике, лицо его покрывали царапины.

– Откуда раны? – Злата обеспокоенно поманила его спускаться.

– Гончие скоро вернутся. Бегом! В чернолесье! – Горан на порывистом ходу чиркал ветвью о грани сапфира.

Жесткие края ветви ранили кожу до крови, но кудесник дрожащими пальцами продолжал рассекать искры.

– Ты когда-нибудь зажигал её? – задыхаясь, спросил Тами, пристроившись слева – поглядывая на руки Горана.

Злата отставала на шаг.

Деревья чернолесья сомкнулись призрачными вратами подземелья. Полумрак окутал сырым холодом. Ветер стих. Тишина запретных мест впитывала звуки шагов, бечёвки колючих кустарников сплетались за спинами путников вязью. Кудесник поднял взгляд. Тьма зарослей. Части звездной ветви, скрепленные проволокой, гнулись руками марионетки.

Плечо Горана сжала ладонь. Он вздрогнул, обернулся. Злата прошептала с обреченностью во взгляде:

– Они близко.

– Ещё есть время. Без предводителя группы гончим не войти в лес. Ветвь у него.

Горан достал из рюкзака атлас и, сверяясь с картами, на-

чал царапать камнем на ветви символы. Затем сжал пальцами часы, чиркнул сапфиром вдоль шершавого рисунка. За часами хвостом вспыхнуло синеватое пламя. Ветвь путешествий холодным факелом осветила смутную тропу, проторенную нелюдимыми существами чернолесья.

– Я начертил на ветви гербы провинций. – Горан посмотрел на спутников, чувствуя, как волнение разрастается головокругением. – Они послужат пропуском, осветят нужные тропы. Просто не останавливайтесь.

Злата и Тами боялись говорить, поглядывая на пламя в ладонях кудесника. В зловещих тенях чернолесья крадуши выглядели обыкновенными детьми, измученными побегом, но бережно лелеющими мысль о лучшем дне и о сказочном рубеже Царны. Горан поманил рукой – странники торопливой походкой устремились в чашу.

Глава 5

1

Над головой гортанно каркнул ворон. Горан достал из кармана плаща часы – единственный подарок отца, приуроченный к зачислению сына в Башню Воспитанников. Старинный хронометр. Тикающий шар из бронзы с поцарапанным сапфиром на фамильном гербе Мильвусов – дарейсе – древнейшей монете Царны. Задняя стенка-решето открывала вертящиеся механизмы. Острая часовая стрелка показывала полночь. Близился первый час нового дня.

Злата споткнулась о корягу, умоляя Горана:

– Мне нужна остановка. Прошу.

– Ничегошеньки. Мы блуждаем вечность. – Тами крутнулся, осматриваясь. – Однажды я заблудился в горах, даже не знаю их названия... Шагнул на стукам за домом, подумал о крылатых бестиях из «Латорума» Бенедикта Вагуса – и очутился в прекрасной долине. Там повсюду лежал снег. Хм. Скалистые пики подпирали небо. Мне было лет пять. Я впервые видел снег. Шагал, удивляясь, что следы не исчезают, и потерял свой стукам из виду. – Мальчишка нервно почесал ладонь. – Плакал я минут десять, даже звал на помощь. Никто не пришёл. Но я выбрался, – с улыбкой успокоил он.

– А сколько тебе сейчас лет? – поинтересовался Горан.

Разговорчивость мальчишки раздражала его сильнее напыщенности Хэварта. Они давно должны были выйти ко рву града. За полукругом света, источаемого ветвью, чернели незнакомые деревья-мётлы, в туннелях между ними серел туман. Ворон каркнул рассерженным управителем.

– Мне десять лет, – ответил неунывающий попутчик. – Через семь дней исполнится одиннадцать. Представляете, отпраздновать день рождения в цитадели грёз!

Горан остановился:

– Напомни, как тебя зовут?

– Ты сердисься, я вижу. Но это такой шанс! – усмехнулся прыгун. Глаза его горели мечтой. – Я так боялся упустить вас. Неделю метался: скалы – Яруга. Приходил к вашим мамам.

– Здорово. – Горан округлил глаза. – Он следил за нами.

– Горан, вы бы прогнали, согласись? А мне нужно в твердыню. Очень. Кстати, я Тамибаудус. Сложноватое имя, – хихикнул. – Моя тётка... все зовут меня Тами. И ты можешь.

– Я буду звать тебя Липучкой. Привал пять минут.

Злата сняла с плеч рюкзак и обессиленно опустилась на примятую траву.

– У меня плечи горят от ремней этого мешка, – призналась, потирая шею и разминая руки. – Сейчас свалюсь без сознания. Ноги гудят.

Тами распластался на земле со вздохом:

– Столько я никогда не ходил. Пить хочется.

– Мы не успели набрать воды.

– Пруды искать нет времени. От тропы отклоняться запрещено. – Горан сел на рюкзак, положил догорающую ветвь в центре их привала. – Небо в тучах, – заметил грустно.

– И ворон смолк, – напомнил Тами, садясь. Он обхватил согнутые колени руками и шмыгнул носом. – Зябко. Кроны над головой спутаны, как клубки тёткиной пряжи.

– Мы заблудились?

– Нет, Злата. – Горан потер лицо, проясняя мысли. – Ветвь выведет нас в чернолесье Янтарного града. Я преодолевал такой путь.

– Мне кажется, мы ходим по кругу, – высказался Тами. – Ни одного стукама. Как в темнице.

– Нечего было навязываться в спутники.

Мальчик ответил Горану обиженным взглядом.

– Если бы чуток вздремнуть, – мечтала Злата, кладя голову на рюкзак.

Тами хмыкнул:

– Шутишь? В обители многоликих?

Он опасливо поднял взгляд на связки ветвей.

– По нашим следам рыщут гончие, – досадовал кудесник. – Для вас двоих они страшнее всех чудовищ Царны.

Ребята оцепенели в молчании, усталость порядочно ослабила переживания.

Горан застегнул плащ и скомандовал вставать. Возобно-

вилось изматывающее блуждание в потёмках. Ёрник протягивал вдоль тропы голые ветви заслоном. Гнулись низкорослые деревца, напоминающие сломанные рябины с увядшей кроной. С колючих кустарников капал гной, вызывая зловонием тошноту. Ни проблеска звёзд. Трава под ногами чернела сырой почвой.

Минуты молчаливого шага. Часы... В прелых примесях воздуха появился солёный привкус.

– Сырость... чувствуете? – обеспокоился Тами.

На его вопрос лес отозвался шорохами. Горан испуганно повёл ветвью – дикий кот, вильнув мохнатым хвостом, пугливо нырнул в укрытие трухлявого пня. Тропа из низовья вновь пошла на подъем.

Злата с улыбкой вспомнила:

– Дядя рассказывал, что на Древе времени существуют миры, где коты – ручные, а люди зовут их друзьями. Я никогда не гладила кота.

– Он расцарапает тебя насмерть, – предупредил Тами. Если бы не страх, Горан от души бы рассмеялся. – Тётка пугала, что на их когтях шипят хвори слепоты.

В отсветах пламени фосфором блестели глаза зверька. Горан всмотрелся в заросли. Он тоже тревожно чувствовал близость моря.

– Голова кружится. – Злата остановилась. – Нет сил идти дальше.

– И ветвь догорает. Пришли?

Горан обернулся, упирая ладонь в ноющий болью бок.

– Вы тратите силы на разговоры, – и поморщился.

Тами расстегнул куртку, избегая смотреть на разгневанного провожатого. Духота густых зарослей вгоняла в сон.

Шествие возобновилось с черепашьей скоростью.

– Может, нам пойти за теми красными огнями? – предложил Тами, указывая пальцем вправо, в пустоту тьмы – на обвислые ветви деревьев. – Я часто оказывался в чернолесьях, но никогда не задерживался надолго. И в этой траве ни одного стукама! В детстве читал о блуждающих огнях. Они помогают путникам?

Тами, заговорившись, перестал следить за тропой и налетел на Горана. Кудесник сдавленно предупредил:

– Это не огни.

В нескольких шагах атели выпуклые глаза с иглами-зрачками. Десятки глаз. Справа и слева заскрипели деревья. Горан попятился, но жуткие глаза начали приближение – пламя звёздной ветви осветило оживших деревьями монстров. Ветви свисали с их надломленных тел безвольными руками. Покачиваясь, существа впивались отростками корней в почву, громадными червями подползая ближе. Их темные, дырявые тела гнулись под невероятными углами, разрывая укрытие сизой дымки.

– Бежим! – крикнул Горан.

Ребята рванули вперёд. Никто не оглядывался, задыхаясь от усталости и паники.

– За мной! Держаться вместе!

Тропа нырнула в ущелье. Беглецы наталкивались на массивные камни. Боль вспыхивала, застилая глаза слезами. Они не успевали осторожно огибать нерушимые выступы камня, вскрикивая от новых столкновений, но неотступно следуя за пламенем дрожащей на ветру ветви. Позади обезумевшими злодеями ползли обитатели чернолесья.

– Многоликие! – крикнула Злата Горану, отшатываясь от колючек кустарника. – Их не счесть!

Каменистое ущелье закончилось. Злата теряла скорость. Узлы на юбке развязались, цеплялись за когти трав, – длинный подол вновь сковывал бег. Тропа плыла грязной жижей. Тами спотыкался, скользил, озираясь и поторапливая подругу.

– Горан!

Кудесник остановился, оценивая шансы спастись: Злата и Липучка отставали на десяток шагов. Чудовища скрипящим механизмом ускоряли преследование. Темнота не позволяла посчитать их, рассмотреть подробнее. Горану мерещились они повсюду. Бежать некуда.

– Шевелитесь! – прокричал он, всматриваясь в лазы ветвей.

Липучка и Злата немного сократили расстояние. Горан обогнул камень, ударившись коленом об острый выступ. Скалистая гряда в двух шагах посыпалась крошкой, словно песочный замок.

– Тут... А-а-а!

Земля задрожала, расходясь трещинами. Ветвь упала. Горан зашатался, хватая руками воздух. Спина уперлась в широкий ствол дерева, руки удерживали равновесие. Ветвь исчезла в чреве лопнувшей земли. Дерево за спиной резко наклонилось. Хлопок. Острые ветки разлетелись писклявыми птицами. Горан закричал, чувствуя, как лиановые кустарники верёвками тянутся по ногам.

Дёрнувшись в панике, кудесник упал в широкие листья травы, взбив облако искрящейся пыли. Громко чихнул. Попытался подняться. Откуда-то справа по слуху ударил визгливый крик Златы. Липучка звал её с противоположного края, из омута зарослей. Горан открыл рот, чтобы дать о себе знать, но вновь чихнул. Слезы слепили глаза, насморк отстранял запахи. Апчхи! Горан с трудом поднялся, весь переливаясь пылью, как планктон в бухте отца. Апчхи! Голова загудела.

Линии местности сужались в пещерные лабиринты. Столбы деревьев покачивались, но ветра не ощущалось. Горан пробирался сквозь туман, во всё горло выкрикивая:

– Злата! Липучка! Злата! Где вы? Сюда. Эй!

Их голоса звучали приглушенно на неопределимом расстоянии. Горан потёр глаза. Справа вспыхнули четыре алые точки, круги зрачков сузились хищно. Скрип возвестил о нападении. Горан бросился бежать. Звериные взгляды деревянных монстров налетали призрачным светом, словно ле-

тучие мышцы в подземелье башни. Страх гнал непослушные ноги вперед. Сухая трава сменялась лужами. Горан отчаянно закричал.

– Сюда! – голос Липучки раздался совсем близко.

Хлопок. Дерево в шаге взорвалось безумным потоком писклявых птиц. Горан, закрывая голову руками, поплёлся на тонкий голосок Тами, охрипшего от надрывных криков.

Спустя несколько минут мальчишки столкнулись спинами. Тами пустился бежать, но вовремя спохватился, узнавая в мерцающем силуэте Горана:

– Где Злата?

– Тот же вопрос.

Кудесник закашлялся, щурясь в полумраке. Лицо Тами темнело полосами грязи. Правый бок испачканной куртки облепили колючки.

– Ты цел? – спросил Горан, упираясь руками в колени и переводя дыхание. – Давно её слышал?

Хлопок дерева оглушил. Туман вокруг почернел дёгтем. Птицы пищали, царапались крыльями, как огромные жуки. В треске хищных летунов Горан различил дребезжащий крик Липучки. Стая рассеялась. Тами за ногу волочили по земле – горбатое деревцо двумя лапами тащило добычу с поляны в дебри чернолесья.

– Горан!

Кудесник ринулся на помощь. Тами дёргался рыбой на леске, навзрыд угрожая деревянному монстру костром. В

Башне Воспитанников о многоликих вспоминали редко. Горан знал лишь, что обличия эти чудища меняли с ужасающей ловкостью. Их места обитания считались далёкими от троп путешественников. Звёздная ветвь всегда избирала безопасные маршруты. Очевидно, Горан о многом не знал, во многом ошибся.

Он с разбега ударил камнем по сгибу ветви, волочащей за собой ребенка. Чудовище заскрипело, ослабляя хватку. Внутри его заклокотали звуки ярости. Новый удар сломал ветвь. Многоликий взревел, корнями вздымая землю. Горан схватил за шиворот Тами, заставляя подняться. Они нырнули в кустарник. Тропа покатила на спуск. Камни, трухлявые ветки, грязь.

Беглецы неслись вниз без оглядки. Ужас не выбирал дороги. Утратив покой, лес бушевал, разгоня свистящий ветер. Мутная синева ночи просачивалась сквозь кроны, скудно освещая местность: поляны, непроходимые кустарники, сплетённые корни деревьев. Горан обернулся проверить, где затерялся Липучка. Светлая куртка мелькала за стволами, отдаляясь.

– Сюда! – позвал Горан, поднимая руку.

Повернул в сторону. Ноги потеряли опору. Он почувствовал, что летит вниз.

2

Темнота. Со всех сторон окружала беспросветная темнота. Горан открывал глаза, всматривался и вновь истощенно скреплял веки. Жажда покидала во сне, но приходили чудовища. Их лица устрашали выпяченными глазами – алыми карикатурами сфер. Облик чудовищ менялся: удлинялись ветки-носы, кора трескалась бородой, над глазами вырастали ребристые листья.

Горана разбудил робкий голосок. Где-то высоко его звал Липучка.

«Очнись! Ничегошеньки дыра. Ты жив, кудесник?! – настойчиво будил прыгун. – Просыпайся, неженка!»

Звуки стихли. Горан посмотрел вверх. Над ним в круге почвы серело небо. Рассвело. Счастливое лицо Липучки раскачивалось от взмахов руки.

– Цел? Цел! Поднимайся! Я кричу тебе битый час.

Горан пошевелился. Тело окоченело от холода. Сколько он пролежал здесь? Вчерашний побег напомнил о себе ноющей болью в мышцах. Руки покрывали глубокие царапины. Горан оценил обстановку: яма среди корней и жёстких листьев травы.

– Я провалился сюда? – поразился стыдливой неудаче. – Олух.

– Это нора. Давай, выбирайся скорее, пока не проснулось

новое чудище.

Жуткая информация придала бодрости обессиленному телу. Горан, цепляясь за корни, лез вверх, стараясь не думать, что замерзшие руки царапались о костяные наросты. У деревьев в чернолесье на корнях росли острые когти. Мерзость. Представлять не хотелось, чья нора закрыта сетями травы.

Правое колено и весь правый бок немели от ноющей боли. Горан закусил губу, сдерживая мученический стон. Тело словно треснуло на несовместимые части. Тами поторапливал, расхаживая маятником.

Кудесник перекинул ногу и выбрался на настил травы. Встать ровно далось испытанием. Тами нервничал:

– Нужно искать Злату! Столько времени потеряно!

– Искать? Даже не знаем, где мы. Ни одной тропы.

Отмахнувшись от слов, Тами направился в пролет между колоннами пузатых деревьев.

– Не отставай! – позвал Горана. – Нам помогут искать.

Утро превратило чернолесье в неприглядную чашу дикой природы. Горану вспомнился лес Яруги, поляна и изба Бахаря. Он обманул старика, унёс его книги. Все жертвы – зря. Горан на ходу снял с плеч рюкзак и проверил содержимое внутреннего кармана. Блокнот и атлас лежали невредимо. Но в правом кармане зияла дыра, из которой торчал шерстяной носок. Ремни расстегнулись. Содержимое рюкзака чудом уцелело в бесконечных столкновениях с камнями и де-

ревьями.

– Потерял что-то? – спросил Тами, оглядываясь.

– Нет. Выкладывай, куда ты ведёшь меня?

– К стукаму.

– О, путешествовал?

– Да. Немного.

– Кто бы сомневался.

Тами передёрнул плечами, разгребая сапогами сухую траву.

– Я потерял тебя из виду, Горан. Понял, что несусь в неизвестность. Звал на помощь, а потом... потом наступил на стукам и еще минут пять бежал, не понимая, что очутился в бору. Огромные хвойные деревья. От свежести воздуха даже закашлялся. На мои крики появилась девочка. Исмин. Она живет там, в заимке, – неопределённо указал Тами в сторону, – собирает цветки купены.

– Цветки? Стоп. – Горан тряхнул головой. – Купена растёт на побережье Офитового моря.

Тами сострадательно кивнул, останавливаясь.

– Кудесник, мы в чернолесье провинции Орд. На родине змеядов.

Горану показалось, что буро-серые ширмы кустарников закачались. Вернулись головная боль и тошнота.

– Не может быть.

На поваленном дереве за ёрником их ожидала девочка в коричнево-зелёном мальчишеском костюме. На плетеном

ремне белели мешочки собирателей трав, на ногах серели остроносые сапоги путешественников. Короткие, по линии подбородка, черные волосы с длинной челкой до ресниц сливались с тёмно-синим капюшоном безрукавки.

– Исмин – Горан, – познакомил Тами, жестикулируя поцарапанными ладонями. – Исмин – талантливый крадуш. Она найдет по следам Злату. – Он виновато потёр носком землю. – Но взамен мы возьмем её в цитадель.

Девочка поднялась. Она была ниже Горана на полголовы и младше года на два. Высокие скулы и раскосые оливковые глаза придавали её смуглому лицу схожести с лесным зверем, но во взгляде таилась кротость.

Горан сухо поздоровался, обдумывая ужасный поворот событий. Их маршрут разрушен. Опасности – за каждым шагом. И пропала Злата.

– Как ты сможешь помочь? – спросил Горан, сомневаясь в отважности застенчивой девчонки.

– Я умею читать следы.

Тами выступил вперед:

– Она нашла тебя. Будь дружелюбнее.

– Нельзя доверять тайны первым встречным!

Мелкий защитник всплеснул руками:

– Я полночи искал вас в чащобах многоликих. Глаз не сомкнул. Ты двоишься сейчас – так устал я. Тропы, холмы...

Горан отвернулся, морщась от вибрирующей интонации охрипшего голоса Липучки:

– Я уговорил её помочь. Все мечтают увидеть сказочную Алефу. Особенно крадуши.

– Ты в них, вижу, разбираешься!

– Да!

– Тише! – вмешалась девчонка, осматривая пугливо кроны. – Не будите ворона.

Пререкания смолкли. Споры напрасно сотрясали воздух, пока время летело вперёд. Горан, отбросив подозрения, заверил Исмин, что возьмет её к перламутровым стенам, если отыщется след Златы. Учитывая ужасы событий, найти Злату в логове монстров мог только волшебник.

Исмин, казалось, брела без цели. Она гладила рыхлую кору деревьев, склонялась над лужами, ворошила носком сапога траву. Тами кружил подле неё, с надеждой всматриваясь в туманные дали леса.

Карманные часы отсчитывали десятый час дня. Горан пытался вспомнить, где они разделились ночью. Но изломленные чудища заслоняли картины памяти прыгающими видениями. Жуткий лес. Разрушенная глупым сочувствием судьба. Позор. И двое детей, считающих себя крадушами.

Они нашли Злату спустя полчаса. В окружении кварцевых кристаллов, она сидела, прислонившись к дымчатому минералу, обессиленной узницей. Глаза её были безмятежно закрыты, колени согнуты, грязные ладони касались земли. Лицо отливало мертвенной бледностью, и путники замерли в десяти шагах, боясь подтвердить страшные опасения.

Тами жалобно позвал:

– Злата.

Ресницы девочки дрогнули. Тами подбежал с широченной улыбкой. Обнимая подругу, он не сдерживал слёз. Так встречал её после длительной разлуки Остип. Мысли о больном братике вернули силы. Злата слушала о фантастическом спасении Тами, украдкой поглядывая на Горана. Затеявший путешествие кудесник не скрывал безнадежности их положения.

– У вас есть книги, – напомнила сникшим ребятам Исмин. – Вы проложите новый маршрут. Я помогу. Усталость мешает вам видеть путь.

Спорить никто не стал, позволив Исмин увести себя из ловушек чернолесья. Неподалёку располагалось селение рыбаков, Утёс, омываемое водами Офитового моря. Но жила Исмин в бору за дремучим лиственным лесом, защищающим Утёс от чудовищ чернолесья. Здесь, в провинции Орд, колдуны добывали змеевик для ядов. На родине змеядов власти Царны с трудом контролировали разрозненные селения мореплавателей, рыбаков и каменщиков. Юго-восточная провинция Орд ютилась под Бескравией пустынным краем с одним звездам известными существами.

Заночевать неудачливым путешественникам предстояло в охотничьей заимке. Постройка скрывалась в подушковидных зарослях брусники. Если бы Горану позволили вернуться в чернолесье, он бы не отыскал пути назад. Сосны напо-

минали глиняные столбы в облаках изумрудной пыли. Воздух успокаивал свежестью, чистотой. Здесь солнце казалось ярче, невзирая на кружевные тени густых крон.

Заимка из сосновых брёвен высилась неровным квадратом. На камнях плоской крыши зеленели лоскуты мха. К строению примыкала поросшая густой травой лужайка.

– Ты живешь здесь одна? – спросил Горан, не замечая вокруг признаков жизни.

Тишина и покой. Заброшенность.

– Мой отец – лесник. Они живут ближе к Утёсу.

– Они?

– Отец и Данья, его жена.

– Тебе не страшно? – спросила Злата, понимая насколько близка здесь Исмин к мареву чернолесья.

– Я люблю одиночество.

Заимка представляла собой комнату с деревянной кроватью у стены, двумя лавками, печью, столом и шкафом. За печью, в тесной каморке, закрытой полосатой шторой, стояло корыто, висел примитивный ручной мойник. Гости умылись.

Исмин закинула в печь дров, нагрела грибной суп. Дети ели, жадно кусая черствые лепёшки хлеба. Кружка в заимке имелась всего одна, но каждому налили в неё травяного настоя. Тепло и сытость подействовали снотворными дарами.

– Заимка – мой второй дом. Охотники давно забросили её. – Исмин достала из шкафа стеклянный пузырек. Несколько капель из него она уронила на тёплую кашницу

пряных трав в ступке. – Вам нужно смазать раны. В чернолесье всё отравлено.

Ребята подставляли израненные руки и лица, иной раз думая, что бредят в лихорадке. Мазь холодила ноющее тело.

– Спасибо за приют, – искренне поблагодарил Горан.

– Я надеюсь, ты сдержись слово, кудесник.

Исмин сдвинула лавки под окном и забрала на них один из матрасов кровати. Горану и Тами выделили одеяло и небольшую подушку. Злата сняла пальто, башмаки и легла на кровать: вжалась в стенку, натянув покрывало до подбородка. Исмин села рядом с ней, осматривая изможденных побегом ребят.

– Ты заперла дверь? – спросил Горан, сердито ожидая, пока Тами вымостит себе постель.

– Вокруг заимки груды стукамов. Люди опасаются их, да и многоликие избегают.

Тами улыбнулся, кутаясь в одеяло:

– Боятся невысыхающих камней! Горан, ложись, под одеялом хватит места. Не вздыхай так. Я что, драчлив?

Злата подавила смешок.

– Кто знает? Мы знакомы день. – Горан засунул под голову рюкзак и повернулся спиной к несмолкающему мальчишке.

Собственный плащ служил сносным покрывалом. Мысли мятежно вспыхивали и гасли.

– Ваш друг исчезал на стукамах призраком. – Исмин легла на кровать, укрывая плечо шерстяной безрукавкой. – Не

ожидала такого упрямства.

– У Тами есть второе имя, – сообщил Горан в полубреду сна. – Скоро ты поймешь, насколько этот ребёнок упрям.

Тами возразил. Исмин прокомментировала осуждающе их разрозненные действия в лесу. Горан соглашался с критикой, видя перед глазами стены Янтарного града. Он вновь шёл воспитанником по хвойной улочке в Башню. Навстречу двигалась Ализ. Её пепельно-белокурые волосы спутывал ветерок. Ритм сердца ускорился. Она улыбалась: «Горан, я искала тебя...»

Глава 6

1

Просидев полдня над картами – всматриваясь в координатную сетку с условными знаками, Горан набросал несколько маршрутов: по Офитовому морю приплыть в Вистрию, где он сможет просить о помощи мать; пересечь Офитовое и Коралловое моря на торговом судне Янтарного града; раздобыть ветвь путешествий, чтобы вновь попытаться пройти по чернолесьям. Но эти кропотливые расчёты поддались разгромной критике: крадуши посчитали их слишком рискованными.

«Лучше потерять время, но сохранить жизнь», – настаивала Исмин. Она предложила плыть до Узоречья на корабле по Талой. Крупнейшая река Царны – Талая – охватывала все провинции страны, кроме Бескравии и Янтарного града, на спуске с гор Мориона в Офитовое море. За Утёсом, в её устье, Исмин планировала сесть на корабль – спустя трое суток прибыть в Шерт, торговую столицу Царны и главную крепость провинции Узоречье. На рынках Шерта продавались редчайшие товары, среди которых существовал заветный шанс обнаружить звёздную ветвь.

После обеда Исмин отправилась к отцу: объяснить и по-

просить помощи. Исмин уверила новых знакомых, что доверяет родителю и сумеет заручиться поддержкой. В голове Горана подобная возможность укладывалась с трудом. Он слабо представлял, как отец может быть другом, организующим сомнительное путешествие с малознакомыми детьми.

Корабль отправлялся завтра вечером. Исмин обещала вернуться ночью. Ребята, устав от анализа ошибок ночных скитаний, направились искупаться в озере.

Злата всю дорогу мечтала о море:

– Я никогда не видела его. Оно солёное? Бескрайнее? Управитель рассказывал как-то, что порой на морях появляются парусные лодки. Они дрейфуют призраками, покуда с туманом не возвращаются в свои миры.

Тами фыркнул:

– Басни моряков. Трепещите! Офитовое море... Ничего особенного. Змеядова зелень. Только в Коралловом море вода – теплая лазурь.

– Здесь тоже купаются. Исмин сообщила, когда течения уносят бурые водоросли – вода становится прозрачной. – Злата всматривалась в песчаные дали сосен, представляя волшебную палитру неба и рокот волн, нехотя описываемых Тами. – Оно так близко. Щекочет прибоем берег.

Слева от тропы показалось округлое озеро, обросшее кристаллами розового кварца. Вода застыла покорным отражением бирюзового неба. Злата оставила пальто на тропе и скрылась за выступами камней. Тами и Горан нырнули в за-

росли кустарника. Раздевшись, они спешно влезли в прозрачную воду, запоздало попятившись: она оказалась ледяной. Постепенно тело привыкло к холоду. Тами прекратил взвизгивать «ничегошеньки!» и отважился плавать проворной рыбёшкой.

– Юг, – шурясь от ярких лучей, напомнил Горану. – Солнце греет по-летнему.

– Жаль, что редко появляется.

– Ему не заглянуть только в чернолесье.

Горан оттолкнулся от скользких камней и поплыл. Мышцы ещё отзывались болью, но влага успокаивала раны. Птицы, облетающие стороной заимку, здесь щебетали в игольчатых кронах. Ясная голубизна неба пленяла мысли. Тами барахтался, хихикая и задавая вопросы, половину из которых Горан молчанием превращал в риторические. Липучка в деталях вспоминал, что учился плавать сам, восхищаясь через каждое предложение лучезарными заливами Кораллового моря.

Кудесник помнил чарующие пейзажи дома. Вистрия имела огромную береговую линию, застроенную замками из ракушечника, гранита и чёрного базальта у подножия вечнозеленых лесов. Живописная провинция в меловых столбах и песчаниковых мостах на краю морей. Туда подземными водами устремлялись финансовые нити Царны. Монетный двор. Счётные палаты, казначейства и воинства чиновников. Роскошью Вистирию затмевал только Янтарный град.

– Наперегонки? До верескового берега!

– Вылезай, Липучка! – настойчиво позвал Горан. – Вода слишком холодная.

Можжевеловые кустарники вились по кварцевым камням завитым орнаментом. Горан надел рубаху и шерстяной костюм, зашнуровал ботинки. Плащ остался в заимке. Не верилось, что через несколько дней – зима. Погода напоминала раннюю осень. Тами с плеском выскочил, прыгая с ноги на ногу.

– Зябко, зябко, – приговаривал он, сжимая кулаки от дрожи. – Как тут зябко.

Горан улыбнулся, отворачиваясь от скачущего с одеждой мальчишки. В ушах Горана писклявое «зябко» превращалось в «жабка». Он посмотрел на притихшего прыгуна. Тами уже натянул штаны и пытался просунуть влажные руки в узкие рукава рубахи. На его правом боку, ниже ребер, краснели вросшие нити давних швов. Льняная ткань скрыла нательные отметины. Тами обернулся.

– Прутья змеядов?

Мальчик, опустив голову, надел вязаную жилетку.

– Да. Тётка говорит, что на меня напал пылевой змей. На руке тоже шили. Другие нити гнили – и лекарь за мешок зерна достал прутья. Они останутся навсегда. Тётка предупредила, что выгонит меня, если кто увидит рубцы. Извини, они гадкие, знаю.

Горан отвёл взгляд.

– Где твои родители?

Тами признался без эмоций:

– Не знаю. Тётка говорит, что померли. – Тами нахмурил лоб, вспоминая что-то или намереваясь признаться, но ответил тихо: – Не знаю.

– Прости.

Мальчишка кивнул, отмахиваясь рукой в стремлении создать видимость безразличия. Натянув сапоги, он направился следом за кудесником к тропе. Ребята начали подниматься и опускаться по кристальным призмам.

– В твердыне... – голос Тами сник порванной струной.

Горан обернулся. Крадуш испарился без следа.

– Липучка!

Возвращение на несколько шагов прояснило исчезновение. Во мхах плавником акулы блестел стукан. Неугомонный крадуш сейчас щебетал в неизвестном месте. Горан присел на корточки, осматривая следы сапог Тами на желтоватом коврике мха. В кварцевом полукруге прозрачной водой воссоздал облака родник. Горан сложил руки лодочкой, намереваясь зачерпнуть глоток.

«Горан...»

В родниковом зеркале смутно белело лицо Ализ.

Кудесник онемел.

– Горан, – Ализ вновь позвала его, словно сидела рядом. Белокурые локоны, мягкая улыбка. Синева глаз похищала беспорядочные мысли. – Горан, где ты? Что с тобой?

Ее искреннее волнение отозвалось в груди щемящим чувством. На плечи навалилась вековая усталость, обида развелась. Их с Ализ разделяли непреодолимые дали.

– Ты в чернолесье? – ответил он вопросом, сжимая ладонь, рвущуюся коснуться призрачного плеча подруги.

– Да. – Её глаза наполнились грустью смирения. – Тринадцать лет...

– Я обещал на день рождения перламутровую брошь.

Ализ усмехнулась, вспоминая, как с восторгом убеждала его: «Перламутр цитадельной стены, смотри! – вела пальцем по фреске в библиотеке Башни. – Над сердцем наставительницы ворожей. Он отпугивает многоликих». Горан тогда твердил: «Многоликие – страшилка для любопытных». Теперь кудесник разделял боязнь девочки, заточённой нести дозор в ведьминых чашкобах.

– В пределах замка безопасно. – Она взглянула куда-то в сторону настороженно. – День и ночь в чернолесье схожи. Я видела перламутровую брошь на Зодже, нашей предводительнице. Подарок наставительницы ворожей. Волшебство существует, Горан.

– Я достану её тебе, – заверил он. – Помнишь, как и мечтали? Ни одна тень не коснётся тебя болезнью.

Ализ улыбнулась.

– Твердыня недосыгаема, Горан. Где ты?

– Вот увидишь, Ализ, – отвечал он клятвенно. – Я принесу её.

За спиной зашелестели листья шиповника.

– Сколько мне ждать вас? – Злата неуклюже пробиралась сквозь призмы кварца. Подол её синего платья напоминал обтрепанный абажур. Она откинула мокрые волосы за плечи, позабыв о шрамах на веснушчатых щеках, окрашенных румянцем. Глаза её блестели радостью. – Где Тами?

Горан пожал плечами, возвращая испуганный взгляд на гладь родника. Образ ворожеи исчез, водное зеркало вновь отражало взбитые сливки облаков.

– Наступил на стукам. Где-то за тысячу верст?.. – Горан махнул рукой.

– Кошмар! – Она села рядом, изучая придирчиво сырой камень чернолесья. – Ему пора научиться контролировать перемещения. Жаль, Тами не по силам перенести нас в Звёздные горы. С их вершин видна цитадель грёз.

– У скалистых лесов обитает тьма монстров. Град выделяет колоссальные средства на патрулирование границ и походы. За год гибнут сотни воинов.

– Мы сможем пройти, – упорствовала Злата.

Горан невесело усмехнулся:

– Мы – беглецы. Преступники. У нас нет другого выхода.

Собеседница отвлеклась на ослепительный блеск лучей, пронзивших облака стрелами.

– Здесь прекрасно, – заметила она с сожалением, что вскоре придется покинуть озеро, тихий лес и безопасный кров заимки. – Азара утешило море, – вспомнила она о брате, про-

живающем сейчас в одной из лечебниц на побережье. – Здесь гораздо спокойнее, чем дома. Жаль, я не смогу навестить его. День пути, но нам нужно спешить?

– Увы, Злата. Мы должны отплыть завтра.

На стукаме возник Тами. Он весь встрепенулся, ладонями осыпая с волос снег, стуча зубами от холода. «Ничегошеньки трягнуло! – пугливо возмущался крадуш. – Впервые трягнуло во время путешествия. Даже не понял, где очутился».

Окрыленные шутками, ребята направились в заимку. Тами всю дорогу уверял кудесника, что стукамы иногда сами затягивают его в дыры пространства. Обычно он попадал в места, о которых думал, но чаще – его заносило в неопишуемые дебри. Люди ему встречались редко, в основном – дети. Необычные. Он считал, что все они – крадуши, потому как творили феноменальные вещи. Повторно ему удалось найти только Злату. Она жила в соседнем селении. Поладили они сразу: возле Спящих скал забвения осталось слишком мало детей.

Дальнейшую историю Горан слушал краем уха.

Щебет леса стих на пороге заимки. Злата пожарила коренья репчатых трав. До вечера гости проспали, согретые теплом печи и надеждами путешествия.

Ночью пришла Исмин. На ней темнела плотная куртка с широким воротником-шарфом и дымчатая шляпка из валяной шерсти. Высокие сапоги доходили до колен. Мальчишеский костюм. Вязаный капюшон безрукавки торчал из объ-

ёмного рюкзака. Исмин подготовилась к дальнейшему путешествию основательно. И она принесла деньги. Завтра её отец обещал отвести их на причал. За каюту платить не придется: капитан – его сводный брат.

Под утро в заимке царили сны. Не спалось лишь Злате. Она лежала на боку, прижавшись спиной к стене, и страшилась возвращения давнего кошмара. Многоликие. Они заглядывали в окна, вцепляясь в неё горящими взглядами. И вот она опять шла по стукамам к воющему ветрами озеру. Чудовища хищно ползли позади свитой.

2

Офитовое море переливалось в лучах заходящего солнца. Линия горизонта сгорала в красно-оранжевой дали. Зелёные волны скользили по белому песку, словно листва по облакам. Их перекастистый шум завораживал. Злата стояла на корме огромного парусного корабля «Крылатый», любясь непостижимой стихией воды.

За спиной Горан и Тами волнительно поглядывали на причал. Рыболовецкие лодки покачивались в серо-голубых водах Талой. Близилось отплытие. У трапа Исмин прощалась с отцом, и Горан украдкой наблюдал за их скорбными лицами.

Отец Исмин, широкоплечий здоровяк, держал окружающий мир за непроницаемой стеной понурости. Вязаная шапка скрывала лохматую голову, в короткой чёрной бороде светлела седина. Глубокие морщины тянулись от впалых глаз до серебристых висков. Невзрачная одежда лесника сливалась с тёмным деревом палубы. Отец что-то объяснял дочери: монотонно, будто учил ориентироваться в лесу. Пришло время прощаться. Исмин кивнула на предупредительный взмах пальца, шагнула к отцу и крепко обняла его, зажмурив глаза. Этот жест растопил суровость взрослого человека. Руки здоровяка заботливо сомкнулись на спине дочери. Близость разлуки пронзила тоской спокойствие взгляда.

На причале нарастал гомон: суетливо собирались пассажиры. Зазвучали окрики – команда «Крылатого» готовилась поднимать якорь. Капитан Вус, приземистый старичок, с бравой выправкой и прищуренным глазом, отвёл детей в каюту и приказал запереть дверь.

Каюта напоминала чулан возле трехкомнатных апартаментов капитана, но невзрачность укрытия служила безопасностью. Скромный интерьер. Две койки, столик, круглое оконце. Углы занимали шкафы с тряпками, ведрами, швабрами, вениками. Очевидно, здесь спала прислуга.

Спутников Горана теснота не беспокоила – лишь бы нашлось, где согреться в осеннюю сырость. Туалет находился в круглом свесе на боку кормы. В эту часть корабля пассажиры не поднимались. Голоса доносились с палубы. Иногда по коридору громыхал тележкой с посудой повар. После отплытия ребятам тоже принесли поесть: каша, тушёнка, хлеб. Горячий чай показался дивной сладостью.

После ужина девочки уснули. В десять вечера, перечислив все любимые легенды о реках, Тами наконец-то уткнулся носом в подушку и размеренно засопел. Корабль покачивался на волнах, убаюкивая страхи. Но Горану не спалось. Он смотрел в бледно-синий круг иллюминатора, с трудом привыкая к шаткому движению. Прадеды Мильвусы владели несколькими торговыми судами. Инвестициями во флот отец укрепил состояние, но сам Горан никогда не плавал на корабле. Он видел море лишь с берега в далеком дет-

стве, которое сейчас казалось ему сновидением. Мысли металась всполошенными стервятниками, кричащими об угрозах грядущего дня. Кудесник не замечал их. Перед его глазами скульптурой жил образ расстающихся Исмин и лесника, казавшегося ледовым изваянием рядом с взволнованной дочерью. Горан сомкнул веки, мыслями возвращаясь в комнату Башни Воспитанников, к скупым фразам разговора с родителями. Ему никогда не узнать, каково это – зажмурить глаза и укрыться в опекающем объятии отца.

Утром солнце залило каюту ярким светом. Горана мучила морская болезнь. Он лежал на койке тюфяком, слушая разговоры спутников. У Исмин в рюкзаке имелась впечатляющая аптечка трав, но жевательные лекарства от тошноты не помогали. Не помогали ему одному. Более немощным Горан себя не чувствовал. Повезло, что этот позор не наблюдали Бруно, Дирк и Хэварт. И Скурат. Гончие являлись непримиримыми соперниками кудесников. Позеленевшее лицо неvezучего беглеца изрядно позабавило бы неуязвимого Скурата.

Злата сидела на койке у окна, всматриваясь в покатые берега. Её восхищенными взглядами Горан наблюдал за местностью, поверхность которой зеленела опочивальней лета, а мрачные недра таили бесчисленные хранилища монет. Вистрия. Отчий дом, где он бывал, словно гость, редкими визитами. Злата не скупилась на восторженные ассоциации: «опушка солнца», «песня моря», «самоцветы неба». Горан непривычно наблюдал опасливую девочку беззаботным це-

нителем речных пейзажей. Талая несла корабль на скорых волнах в Шерт.

Остановки в портовых селениях постепенно растягивались на часы. Качка унялась. Вечером Горан заставил себя поесть немного каши. Маслянистая жижа вызывала рвотные спазмы, но сырная лепешка задобрила измученный желудок лакомством дома. Жажда объединяла мысли желанием пить. Тами отдал Горану свою кружку чая. Злата пыталась спрашивать жертву морской болезни об атласе Бахаря, но вразумительных слов не расслышала. Горан провалился в сон, только лампа над дверью погасла.

В полночь их разбудил шум. В замочной скважине вертелся соскочившей гайкой ключ. Капитан открыл дверь и командовал собираться:

– У вас пять минут. Следующая остановка – Клета.

Горан всполошился:

– Клета – крепость Ловища. Нам нужно в Узоречье, в Шерт!

– В Клете на судно сядет девять гончих Казмера! – прикрикнул старик, зажигая в лампе над дверью огни. – Живо собирайтесь. Я высажу вас у рыбацкого селения.

– Здесь поблизости чернолесье, – испуганно вразумлял Тами.

– А откуда, по-твоему, несут плащи гончие? – Капитан обернулся к Исмин: – В портах только и разговоров: «Крадуши!» – Старик отмахнулся от вопросов. – Шепатый, матрос,

отведёт к моему приятелю. Тот отыщет для вас судёнышко. Не медлите. Собирайте вещи!

Дети спешно надели верхнюю одежду и застегнули неразобранные рюкзаки.

В сырости ночи за бортом плескалась черная бездна Талой. Лодка резала воду, держа курс к редким огням чужого берега. Матрос Шепатый, молчаливый дядька, налегал длинными ручищами на весла, озираясь на удаляющиеся паруса «Крылатого». Задание капитана взбаламутило в суеверной матроской голове недобрые предчувствия, но работой Шепатый дорожил, а потому опять и опять приводил весла в круговые движения.

Тами замер в углу лодки зайцем. Он смотрел на тьму, окружающую со всех сторон, как на стены пыльного мешка. Лодка тащила их в неизвестность. Горан вглядывался в непроницаемое лицо матроса, стремясь разглядеть скрытый умысел за бескорыстным намерением помочь. «Возможно, правильнее – воспользоваться своим умением стирать в людях прежние намерения? Но если старик-капитан действительно желает спасти их, а не гонит прочь, как угрозу седой голове? Вдруг матрос предан и добр? Внушение повредит в памяти многие планы».

Шепатый пресёк назойливое внимание кудесника сварливым взглядом: «Чего уставился?»

Горан отвернулся, жалея, что умеет окутать человека обманом, но не узнать правду.

Лодка причалила к шаткому помосту. Матрос привязал её к косому столбику и помог детям выбраться на берег. В отдалении блестели несколько глаз-окон низких строений.

– Что это за селение? – спросил Горан, не в силах опознать серо-чёрные заросли.

Темнота надёжно скрывала местность. Плеск волн о берег отвлекал напряжённый слух. Деревья заслоняли дома, а грунтовая дорога ускользала за ивами.

– Угол.

– Угол?

Матрос сплюнул, оглядываясь на беспросветную даль реки:

– Так мы его называем. Селение в сто душ. Рыбацкие семьи.

Но Горан понимал, что для гончих нет неприметных селений. Их учили этому в Башне – в тихих гаванях прячутся крупные рыбы.

Матрос повёл детей мимо селения в лес. Тами озирался, держась Горана, словно старшего брата. Злата опять превратилась в непроницаемую тень. Исмин читала следы.

Шепатый вывел ребят к ветхой избушке, спрятанной за неровными досками забора. В захламленном железяками дворе ловушкой висели сети. У порога лежала лодка, в корыте ветерок гнал воду рябью. Кудесник чувствовал только осенний холод и смрад тухлой рыбы.

Матрос постучал в мутное стекло окна. Тишина. Свет не

зажегся и после второго удара кулаком. Шепатый толкнул ногой дверь. Не заперто. Вход в дом зиял кривой пастью великана.

– Гривач? – позвал дядька, сердясь на глухоту старого моряка. – Гривач, крыса вернулась без записки. – Он продвигался сквозь комнаты, выискивая среди захламлённой мебели кровать. Кудесник брёл следом. – Ты читал просьбу Вуса? Капитан направил к тебе... – Шепатый осёкся, поднимая ногу с ругательством. – У тебя тут по полу... слизь.

Горан попятился, улавливая шорох, – никого за спиной. Злата, Тами и Исмин в неведении ожидали на улице. Половица ворчливо скрипнула под подошвой. Голос Шепатого окончательно стих. На столе у окна завибрировал квакающий звук. Жаба сидела на перевернутой кружке, надув шею пузырем. Горан обернулся бежать. С улицы отчаянным звоном донёсся крик, и грохот переворачиваемых предметов подтвердил нападение.

Из темноты угла на Горана бросились тощие фигуры. Они шипели, тянули руки, но кудесник уже бежал к выходу. У забора двое рыбаков в лохмотьях связывали Тами. Исмин визжала за лодкой: над ней с веревкой склонилась тучная тётка в порванной шляпе. Горан бросился на помощь, но тут ему в спину врезалась Злата. За ней из дома вылетел долговязый мужик в телогрейке.

– Что им нужно? – крикнула Злата, вцепляясь в воротник Горана. – Кто они?

Мужик промычал беззубым ртом брань и, расставив пальцы, бросился на детей. Горан оттолкнул Злату, прыгая на безумца. Удар сбил мальчишку с ног. Удушающая хватка сомкнулась на шее жгутом.

– Ты спешил к реке! – задыхаясь, шептал кудесник душегубу. – К реке!

Беззубый мучитель не реагировал на слова. Его глаза выступали шарами из глазниц. Зрачки напоминали слепые щели, широкая радужка чернела пятнами. Неизвестный крик-тел одичало, обостряя хватку. Горан извернулся – ударил его коленом в живот, запрокинул голову, отползая. Бег Златы прервался в углу ползущих сетей. Палка выскользнула из ее рук шипящим прутом. От дома к беглянке спешил высокий человек в узорном балахоне, скрывающем лицо. Крики Тами стихли. Мужик наотмашь ударил Горана по щеке. Темный двор заплясал точками, а потом Злата закричала...

Кровь в венах оледенела, парализуя движения. Горан увидел во тьме сознания паукообразные деревья, хищно вонзающие корни в землю. Они приближались – бежать, но руки и ноги не слушались. Тусклыми огнями пожара вспыхнули немигающие глаза. Десятки глаз. Ветви ползли, чёрные стволы пошатывались. Пасти монстров оскалились – взревели, смыкаясь чернотой... Горан подумал, что больше никогда не увидит свет дня.

Щеку обдало сырым холодом. Кудесник нахмурился, но очнуться не смог. Новый шлепок по щеке мгновенно привёл

его в чувства. Над ним нависало лицо Златы, её мокрые руки похлопывали щеки с требованием опомниться.

– Очнулся! – радостно возвестил Тами.

Девчонки шикнули на него: «Тише!»

Горан поморщился, вытирая влажную щеку ладонью:

– Я умер?

– Сомневаюсь. – Злата помогла ему подняться. – Нам нужно уходить. Скорее!

Люди в лохмотьях ползали по земле, невнятно бормоча. У порога лежал чужак в балахоне. Серую ткань просторного одеяния покрывали драгоценностями орнаменты заостренных символов. Горан приблизился, троица крадущей осторожно последовала за ним. Незнакомец лежал на спине, его открытые глаза незряче смотрели впереди себя. Из кармана балахона торчал кусок пергамента с морским узлом.

– Послание капитана, – шепнула Исмин. – Записку перехватили.

– Он жив?

Палка, которую оживил чужак, извивалась возле лысой головы бородавчатой гадюкой. Горан толкнул ногу в кожаном сапоге:

– Дышит.

Тами выглянул на сраженного противника:

– Злата спустила монстров.

– Я видел, – Горан сглотнул, чувствуя, как от воспоминаний роятся по коже мурашки.

– Нас всех задело, – призналась Исмин. – Эти, – она кивнула на ползающих бедняков, – до сих пор оглушены ревом многоликих.

Злата обхватила голову руками, пятась в сторону.

– Простите. Я хотела остановить этого монстра. Я не желала вам зла!

– Кто он такой? – Тами бесстрашно шагнул к незнакомцу с любопытством. Палка угрожающе поднялась над телом чужака сторожем. – Зачем они напали на нас?

Исмин сняла с крючка качающуюся лампу с грозовым скастом и осветила поверженного противника.

– Это змеяд. – Горан смотрел на синюшную кожу, в мутную дымку широких глаз недруга. Бритое темя покрывала печать отступника – клубок змей. Над чёрной губой желтело шесть клыков. Руки подрагивали, впиваясь чешуйчатыми пальцами в землю. Он видел ужасы и не мог вырваться. – Этих бедняков одурманило его заклятие.

– Змеяд?

– Перерожденец? Здесь?

– Ты уверен? Откуда он знает о нас?

– Что ему нужно?

– Даже представлять не хочу, – отшатнулся Горан.

Крадуши испуганно расступились.

Кудесник схватил Злату за руку, уводя от змеяда:

– Мы уходим. Немедленно.

– Нужно его связать! – настаивал Тами, всматриваясь в

жуткое лицо неприятеля. – Он направит погоню.

– Мы уходим! Слышали?! – Горан обвел крадущей приказывающим взглядом. – Исмин отыщет укрытие.

Дети осторожно обошли встающих на ноги рыбаков. Те не пытались преследовать их, пугливо озираясь, словно припоминая, как попали во двор моряка Гривача. В дверях появился Шепатый. Он прижимал руку к окровавленной голове, окрикая убегающую племянницу капитана.

Двор остался за камышовыми зарослями. Исмин огибала чудаковатые деревья, искривлённые тонкими трубами. Троица спутников безропотно шагала за ней. Палая листва шуршала под ногами мятой бумагой. Лес густел, становясь бесконечным.

– Слишком близко, – отбросил просьбы о привале Горан. – Преимущество – час. Нельзя задерживаться.

Они набрали во фляги воды в роднике и устало продолжили путь.

Небо серело. Близился рассвет. Ребята вереницей пересекли заброшенное поле. Рощи, скалистые балки, лесополосы за дымящимися селениями. Ноги вяло несли в неизвестность, утешающую мнимым чувством сохранности от могущественных преследователей.

В полдень путники вышли в степь. На расстоянии в два часа пешей дорогой по сухостою, лохматыми холмами возвышался лес. Исмин видела там укрытие. Ветер продувал до костей, но никто не жаловался на погоду и усталость, пони-

мая: промедление – смертельный риск.

На полпути Тами заметил у мышиных нор стукам с ладонь.

– Рядом чернолесье, – он посмотрел слезящимися на ветру глазами вдаль. – Мы вблизи Клеты.

Горану чудилось: он переместился на лист учебника по страноведению. Крепости и провинции, о которых скучающе читал вечерами в Башне, ожили под ногами, заговорили птицами над головой. Клетка считалась главным рынком браконьеров. В провинции Ловище испокон веков жили голворезы-охотники, на берегах Талой им содействовали рыбаки, бывшие пираты морей. Живительные притоки Талой превратили лесистую местность Ловища в заповедник Царны, в котором некоторые семьи уподобились хищным стаям.

– Захвати стукам с собой.

Тами расстроено вздохнул:

– Он так не действует, Горан. Пробовал. Словно корни вырываю.

Кудесник поравнялся с мальчишкой, вынужденно напоминая:

– Ты можешь вернуться домой. Мы бредём вслепую.

Исмин спросила:

– Как скоро достигнем твердыни?

– Если вообще достигнем.

– Злата, ты ведь мечтала! – вскричал Тами обиженно. –

Ты так мечтала попасть в неё.

– Тами, нас преследуют. Что за существа – змеяды? – Она вопросительно посмотрела на Горана.

– Крайне опасные.

– Слышал? Тами, ты мал для такого путешествия, – Злата говорила тихо, но интонации её скакали вверх-вниз. – Мы выросли дикарями. Нам крохи известны о Царне, о династии, о гончих и об этих злобных змеядах. Исмин?

Девочка испуганно подняла голову на вопрос. Держалась она по-прежнему отстраненно, избегая взглядов, словно пряталась за нависшей над ресницами челкой. Горану порой казалось, что они – первые сверстники, с которыми Исмин общается.

– Я слышала о змеядах, – призналась она, уступая пристальному вниманию. – Перерожденцы. Ведут охоту на крадушей, как на жертвенных зверей. У тебя есть шанс спастись, Тами.

Увещевания прекратились.

– Неправда! – закричал вслед ребятам Липучка. – Мы выберемся вместе! Я не хочу возвращаться к скалам.

Горан шагал поодаль, избегая развивать сентиментальные темы. Девчонки уговаривали Тами – тот молчаливо двигался рядом. «Откуда в этих крадушях столько сопереживания?» В башне Воспитанников Горан видел нескольких. Их приводил Харман на экзамен по стратегии перемещений. Девочки и мальчики, напоминающие хищных ящериц с одичалыми взглядами. Двое – валились с ног от сонливости. Горан не

предугадал ни одного их шага. Крадуши метались по лекционному залу: лезли к окнам, царапали двери в поиске выхода, самые смиренные вдруг встrepенулись – бросились нападать на воспитанников. Хаос. Крики. И безумные видения пожаров, войн, ураганных смерчей. Крадатели душ похищали рассудок человека, его память, образы близких, ясность мыслей.

Горан оглянулся на пререкающуюся троицу ребят. Он тоже вредил сознанию, но был человеком – обыкновенным, пусть и с редким талантом. Его силы не являлись угрозой свергнуть страну в бойню обезумевших жителей. Дети за его спиной, похоже, толком не осознавали всей пагубности исключительных умений. Призраки многоликих обезоружили змеяда. Редкая удача. Змеяды выслеживали крадушей для изучения, перевоспитания, источника сил, и... неизвестно ещё каких ужасов заточения, закаляющих в перерожденцах несокрушимость. Если злость Златы обездвигила змеяда, в венах которого больше ядов, чем крови, а рассудок не восприимчив к магии, – что она способна сотворить с ним? с миллионами других людей?

Лес вокруг понемногу вселял ощущение спокойствия. Непроходимые чащи приютили беглецов в деревянных коридорах природы. О преследователях они больше не говорили. Бессилие валило с ног. Свет дня гас. Еды не встречалось: ни грибов, ни ягод.

Вечером ребята вышли к пещере, за которой родник жур-

чал кристальной энергией в топкой пучине безвременья. Сырость пропитывала палую листву гнилью. Голые ветви деревьев разбили серый небосвод на мозаику туч. Лучи гасли в холодном воздухе.

Забившись в пещеру, как в нору, ребята настелили коры и сухой листвы; сжавшись кучно, уснули, сморенные голодом и дорогой. Сны не утешили появлением. Реальность просто исчезла на несколько часов.

Ранним утром Исмин разбудила продрогших спутников, настаивая на продолжении пути. Ее тревожили звуки леса: робкие, ускользящие, сродни биению больного сердца.

В обед к их привалу забрёл лось. Они попятились с полными ртами кислых ягод, готовясь к побегу, но рогатый зверь, понюхав заросли жимолости, скрылся за холмом. Юные путники побрели дальше. В полдень их обогнала стая волков. Кудлатые хищники задержались лишь на мгновение, парализовав детей своим гипнотизирующим вниманием.

– Они тоже спешат скрыться, – призналась Исмин, провожая беспокойным взглядом удаляющуюся стаю. – Змеяды в пути. Медлить нельзя.

К утру странники планировали выйти к Жиле, притоку Талой. Горан сверялся с масштабом карты Ловища, рассчитывая приблизительное расстояние до соседнего с Клетой селения. Они шагали по крупнейшему лесу провинции на север, ориентируясь по мхам и солнцу. Параллельно тянулось чернолесье. Исмин растягивала их путешествие безопасны-

ми тропами. Горан доверял её предчувствиям, но боялся далеко удаляться от реки. План оставался прежним – сесть на корабль в Шерт.

Голод валил с ног, но на охоту и ловушки не оставалось времени. Исмин нервничала, поторапливая шаги. Водянистые ягоды немного унимали рези в желудках, ручьи спасали от жажды.

Ночь путники встретили в дикой глуши. Исмин вела их по следам луннорогих косуль. «Они – дети лесных родников, – рассказывала она почтительно. – Душа леса». В Царне верили, что луннорогие косули топотом выбивают из земли воду. Людская молва превратила их в мифических существ, опекающих источники водоёмов от тлетворных взглядов ненасытного зла.

Исмин читала царапины рогов и копыт там, где Горан видел лишь треснутую кору, согнутую травинку и рыхлую грязь. Они шли. Шли. Бесконечно шли по палой листве, путаясь в колючих травах и пробираясь сквозь стены розоцветных кустарников. Казалось, они слепо блуждают, боясь остановиться и признать поражение. Исмин повествовала о поведении диких животных и птиц, которые, как заметил Горан, сторонились её, будто пожара.

Тучи рассеялись. Луна осветила поляну леса. И тут кудесник увидел в высокой траве свечение. Он присмотрелся. В нескольких метрах пепельными полумесяцами пронзали мрак рога косули. Заслышав шаги, животное опасно под-

няло голову. Ребята оцепенели. Близкое расстояние позволяло ясно видеть призрачный облик волшебного существа. Из подлеска за его спиной появилась ещё одна косуля. Ее изящную голову не венчали рога, но ободки вокруг глаз блестяли серебром, образуя кружево маски.

– Это обеспокоенные родители, – пояснила Исмин, не в силах отнять замороженного взгляда от сакральных обитателей леса. – Они заметили нас давно. И теперь ведут прочь от родников. Там их дети.

Животные уловили шелест ее голоса. Рогатый самец прыгнул в сплетения кустарника. Самка проворно скрылась следом.

– Поспешим.

Горан перехватил Исмин за руку:

– Зачем нам преследовать их?

Девчонка остановила торопливый шаг.

– Они ведут прочь из леса. Надеются отвести взгляды от своих укрытий. По нашему следу мчит погоня.

Поляна растворилась в лесной чаще. Передвижение и обзор затрудняли деревья. Ноги спотыкались о корни. Горан пытался рассмотреть время на часах, но полумрак путал стрелки на циферблате: час ночи? два? Звезды волнами пожирал смог туч.

«Бяу-бяу-бяу». Дети остановились, вращая головами в поисках источника звука. Пепельные полумесяцы вынырнули из кустарника в нескольких шагах. «Бяу-бяу», – вновь взы-

вало к ночи существо.

– Что это с ними?

Исмин испуганно оглянулась:

– Чем-то встревожены.

– Чем? – Горан вновь утратил полумесяцы из виду.

Косули исчезли. Тами попятился к Злате. Она обняла его рукой, не обращая внимания на перешептывание Исмин и Горана, а вслушиваясь в тревожный говорок ветвей. Чаша молчала, словно лёд, словно разом и ветер стих, и звуки вымерли.

– Нам нужно сориентироваться.

Исмин ничего не ответила на требование Горана. Она сосредоточенно всматривалась в гущу леса за столбами деревьев. Вдалеке сверкнули полумесяцы рогов.

– Видели? – вскрикнул Тами. – Там! Там...

Сквозь тело жуткой волной прошло верещание – стон раненного животного, взывающего к матери-природе о помощи. Ноги сорвались с мест, повинувшись инстинкту. Горан спрашивал Исмин, что случилось, но плотные островки кустарников разделяли барьерами. Злата и Тами отклонились в сторону. Горан поманил Исмин рукой, но через секунду её тело исчезло в сплетениях ветвей. Справа вскрикнул Тами. Горан завертелся на месте. Ни следа крадушей. Болотная тишь...

Горан осторожно начал пробираться сквозь шиповые заросли. Листва под ногами шелестела, обнаруживая его при-

сутствие. Правая нога скользнула по грязи – и провалилась в ямку. Горан опустил голову. В нос ударил приторно-сладкий запах, глаза запорошило пылью. «Что за гадость?» Он утер лицо рукавом. Густая пыльца заполнила легкие тошнотворными парами, а голова загудела болью. Зрение ограничила пелена.

Лес расплывался пятнами. Горан, вытянув руки вперёд, нетвердой походкой продолжил путь, но почва под ногами прогибалась пухом. Шаг. Тело ослабло. Плечо пронзила боль падения. Горан попытался открыть глаза, но веки уже не слушались. Усталость показалась непреодолимой. Мысли поглотила тьма.

Глава 7

1

Рассвет испепелял вершины лиственных деревьев, пробираясь холодными лучами сквозь сумрак леса. Жерди вязовой клетки вонзались кривыми кольями в каменный потолок. Колючий ветерок скользил по земляному полу из открытой настежь двери, выветривая запахи отхожей ямы за занавеской. Поляна и четырехугольные хижины казались нелюдимыми. Гнетущее затишье.

– Они скоро появятся.

Горан метнул взгляд на голос, влево от дверного прохода, в угол хижины. Там возвышалась ещё одна клетка. Из квадратов смолевых жердей на него смотрел рыжеволосый паренёк с бледно-серой кожей и какими-то совиными чертами лица. Вероятно, он был сверстником Горана, но болезненная худоба широких плеч превращала незнакомца в долговязого ребенка в грязном одеянии нищего.

– Кто? – спросил его кудесник.

– Грабители лесов.

– Браконьеры?

– Они не любят такое название. Лучше помалкивай и смотри в пол.

Горан оглянулся. Крадуши жались к стене беспризорниками. Истерика давно стихла. Пришло смирение. Их схватили. Одурманили пыльной травой чернолесья, бросили в клетки. Заплаканный Тами дремал на коленях Златы, исподлобья поглядывающей на рыжеволосого узника в соседней клетке. Исмин, прикрыв глаза, слушала разговор.

– Ты давно здесь? – спросил Горан, всматриваясь в тень собеседника у дальней стены.

– Я – недели две. Точно не скажу. А Эфа здесь уже месяц.

– Эфа? – Горан удивлённо посмотрел в сумрак третьей клетки справа от двери. В углу под холмиком тряпья притаился ребёнок. – Эфа? – обратился он к личику в коконе покрывал. В лохмотьях с трудом получалось различить девочку, вернее, некое хрупкое существо с блестящими глазами. – Меня зовут Горан. Это мои друзья: Злата, – он указал пальцем назад, – Исмин и Липучка. Мы тоже в беде.

– Она не слишком общительна, – осведомил паренёк.

– Зачем мы браконьерам? – обратилась к нему Злата.

Узник привалился спиной к выступу наклонной стены.

– Не знаю, – развел руками, смотря на неподвижную Эфу. – Розги отбили желание спрашивать.

В полдень в их хижину вошёл человек – упитанный здоровяк в засаленном фартуке поверх поношенной одежды на шнуровках. Лицо его напоминало грушу с двумя косточками глаз. Придирчивый взгляд осмотрел невольников. Нос засопел звучными вдохами-выдохами, и рот оскалился в кривой

улыбке.

– Проголодались? – Рука здоровяка опустилась в плетёную корзину. У ног Горана упала хлебная лепешка. – Сколько там вас? Четверо?

Горан кивнул.

– Немой? – рявкнул верзила, сжимая кулак.

– Четверо.

«Еще четыре рта, – ворчал, добавляя лепёшек в клетку. – Харчи расходую зря. Эй, костлявый, держи!» Кусок хлеба упал рядом с рыжеволосым пленником. После – лепёшек бросили Эфе. Дети не трогали сдобу, смиренно замерев извращениями. «Проголодались, – приговаривал под нос надзиратель, роясь в корзине. – Всем здесь еды подавай. А запасы пополнять? А собирать дрова? Скоро прекратите жевать задаром. – Он остановился напротив Горана. – Продадут вас. – В дыре его рта улыбка оголила редкие зубы. – А мне заплатят за работу. И за харчи! – пригрозил пальцем. – Никто не хочет стеречь запасы».

Бурча под нос нарекания, верзила зашаркал к выходу. «Воду забыл, – спохватился на пороге, трясая корзиной. – Опять забыл». Без оглядки он направился к хижинам.

– Кто это? – Горан поднял с земли лепешку, стряхнул грязь.

Рыжеволосый за обе щеки уплетал хлеб:

– Повар. Скрыга Масляк.

– Ты тоже не представился.

– Уц. Так меня зовут.

– Откуда ты? Как вы попали сюда?

Паренек впился зубами в чёрствую лепёшку.

– Я из Федарии. Провинции, кормящей овощами Царну. –

Уц прекратил жевать и с трудом глотнул пресный ком. – Мы с братом родом из селения на севере провинции. Рядом с озером. С озером Корвум. Близ чернолесья. Не слышал?

Горан кивнул, смутно припоминая название из карт атласа.

– А вы?

– Я из Бескравии.

– Багровый горизонт, понятно. Змеи впрямь поджигают деревья осенью?

– Не в Яруге. Сказки...

Уц качнул головой в такт бойким мыслям:

– Так ты из землепашцев. Моя мать до замужества жила в Скопе. У вас жуткие суховеи.

Горан откусил лепёшку, уступая голоду. Кислятина, но, чтобы выжить силы пригодятся.

– Как ты попал сюда? – спросил он Уца, протягивая лепёшки Злате и Исмин.

Девочки без брезгливости приняла пищу.

– Как и вы. Угодил в ловушку. Мы с братом прибыли в Клету с пустыми карманами. Решили выследить луннорогих косуль, но...

– Они невинные животные, – сердито перебила Исмин. –

В этом лесу запрещена охота.

– Сейчас мы на окраине чернолесья.

– Что?

– Да. У банды Зуха здесь логово.

С минуту пленники осмысливали новость. Горан спросил.

– Где твой брат?

Уц склонил голову, голос его сник:

– Надеюсь, сбежал. Из ловушки он выбрался, а потом напали...

Звук шагов прервал разговор. В хижину шагнул подросток: невысокий, жилистый, с колючим ёжиком тёмных волос. На нем чернела меховая куртка с кожаными нашивками на груди и локтях. На поясе серых штанов висел охотничий нож.

– Я принёс воды, – произнес он, с подозрением осматривая новых пленников. В мозолистых руках покачивался на двух верёвках бурдюк.

Уц и Эфа протянули из клеток деревянные стаканы. Мальчишка наполнил их до краев, размеренным шагом приблизился к Горану. Жёсткий взгляд превращал правильные черты лица в углы. Кудесник отвернулся, заметив на скуле подростка свежий синяк. Тот достал из карманов куртки два стакана, плеснул в них жидкость.

– Пейте.

Горан сделал несколько жадных глотков. Исмин робко последовала его примеру.

– Спасибо, – поблагодарил незнакомца. Медно-карие глаза замерли на лице кудесника. – Спрашивай, – подтолкнул с вызовом Горан.

– Мне нечего спрашивать.

– Есть. – Взгляд Горана отбился от каменных зрачков. – Ты шел сюда, чтобы освободить нас. И задать вопросы.

Магия внушения не подействовала, но Горан интуитивно почувствовал затаённый интерес. Предыдущий визитёр не задерживал на них взгляды, не всматривался в лица.

– Зачем вы схватили нас? – гневно спросила Злата.

– Узнаете, – голос враждебностью пресекал дерзость, но Злата проявляла настойчивость:

– К чему скрывать правду? Мы в клетках. Обессилены. Вы... убьёте нас?

Мальчишка налил в стаканы воды, но затем вновь протянул руку в клетку и оставил бурдюк.

– Мы – нет. Пейте.

Развернувшись, он бесшумно покинул хижину.

– Это Клюв, – тихо произнесла Эфа, потирая горло. – Он не всегда так сердит. – Ее слабый голосок утонул в хрипах кашля. – Иногда он приносит нам пирожки с мясом и... кхе... сладости.

Злата взъерошила волосы Тами:

– Просыпайся, именинник. Нужно поесть.

Тами сдавленно ответил:

– Я не сплю. Не хочу есть. – Утёр влажные глаза рукавом. –

Ничего не хочу.

Она его крепко обняла, сквозь щемящую боль в душе улыбаясь:

– Мы его отпразднуем. Обязательно. День рождения в твердыне грёз!

Горан кивнул, подыгрывая с интонацией «почему бы и нет?»:

– Нарядимся в маскарадных зверушек. Злата будет ежом, Исмин – бурундуком.

– А ты индюком! – хохотнула Исмин.

Горан приосанился, оборонительно раздвинув врознь пальцы:

– Я буду росомахой. А Липучка защебечет скворцом.

– Нет! Я буду забавно улыбаться, как пушистый крякос.

– Мы возьмем с собой Уца и Эфу, – импровизировал Горан с деланой беззаботностью. – Будем петь, кружиться, топтать ногами в чудаковатом танце. Отрывная банда!

– Даже ты? – усмехнулся Тами.

– В первых рядах. Посажу тебя на плечи и стану скандировать нечто вроде: «Тамибаудус – покоритель!»

Хихиканье стихло. Так огонёк гаснет, уступая стылой тьме.

– Выше нос, Тами, – обратилась Злата ободряюще. – Преодолеем и это. Попей. Клюв принёс воды.

– Мы не знаем его имени, – признался Уц, – и прозвали Клювом. У него рукоять ножа в виде клюва.

– Их много здесь? – Горан битый час изучал поляну. Из хижин не выходили люди.

– Нет, – мотнул головой Уц. – Человек десять-пятнадцать. Но это вовсе не означает, что вам удастся сбежать.

Днём пленников вывели на прогулку. Поодиночке. Сзади сопровождало двое молчаливых конвоиров с арбалетами. Повсюду валялись обглоданные кости и черепа копытных животных. Бородавчатые кустарники отравляли воздух гнойным зловонием. На поляне насчитывалось пять хижин. Вокруг них в сумрачном пространстве темнели сгорбленные деревья. Только сумасшедшие могли поселиться на опушке чернолесья.

– У них нет сердец! – раздражалась тирадой Исмин. – Нет разума, нет душ. Прожорливые тела и всё.

Вечер вползал в клетку мучительным холодом. Открытые двери поскрипывали на петлях, не позволяя забытью скрепить веки. Горан тоскливо раздумывал в углу. Рядом лежал на сене Тами, а далее – бок о бок сидели Злата и Исмин.

– Они слишком умны для дикарей, – произнес Уц. – На их шеях горит аль. Видели? Вокруг хижины тоже вкопаны крупницы.

Горан сверкнул взглядом на всезнающего паренька:

– Ты слышал о ней?

– Слышал. Видел. Но никогда не носил. Не получится – рассыпается. Клюв один не прячется за алью. Он тоже крадуш.

– Откуда знаешь?

– Я умею слушать. А еще догадлив. У всех свои монстры.

Этот мелкий и девчонки, – он махнул рукой в сторону спутников Горана, – крадатели душ. Как я, как Эфа. Но не ты.

Горан смолчал. Новые факты вращали шестерёнки размышлений.

– Ты зря зовёшь их, Злата, – вдруг обратился Уц, всматриваясь в сумрак леса.

– Кого?

Уц подался вперёд, пронзая её наблюдательным взглядом светлых глаз коршуна:

– Многоликих.

Тишина загудела страхами. Злата спряталась в тень стены:

– Ошибаешься...

– Вокруг поляны щитом повешены рога косуль. Колдовству не проникнуть за их обереги.

– Они убивают косуль? – голос Исмин дрожал ненавистью.

– Чаще продают. Поговаривают, змеяды платят за священное копытное сумму соразмерную кораблю. Мы слышали раз их крики на поляне. Теперь опять.

Горан посмотрел на дальнюю хижину. Испуганные голоса животных взывали к милосердию. Млечное свечение в грязном окне дрожало от беспокойных движений.

– Теперь они продадут нас, а сами отправятся зимовать в Клету. У браконьеров там роскошные дома, семьи.

Тами привстал на локте, боязливо спрашивая:

– Кому продадут?

– Змеядам, думаю. – Уц поднял с земли кусок ткани и накинул её на плечи. – Может, гончим. Встречали гончих?

– Встречали.

– Наверно, они всё ж добрее змеядов: заточение лучше смерти.

«Тебя пощадят, – прошептала Злата Горану. – Ты не крадуш. Притворись немощным, скудоумным. Убеди их, что бесполезен. Они отпустят».

Горан мотнул головой:

– Куда мне бежать?

– Была бы жизнь!

– Слишком поздно. И... наши вещи у них. Мой рюкзак. Там книги. Этот Клюв видел их. По пытливому взгляду заметно.

Кудесник посмотрел на Злату. В глазах девочки стояли слёзы.

– Призови чудовищ, Злата.

– Ты слышал, Горан. – Она заламывала пальцы от бессилия. – Аль как зеркало – бьем в себя. Даже кошмары не снятся.

Исмин шмыгнула носом, заслоняя лицо рукой. Беззвучный плач тискаами сжимал сердце. Эфа опять вздрагивала хриплым кашлем.

– Мы обречены?

– Исмин, с самого рождения, – вмешался Уц. – Властями

Царны. Четырнадцать лет я парил вольной птицей.

– И всё же угодил в клетку!

– Выберемся, – огрызнулся Горан трусливым мыслям.

Взгляды ребят устремились к сумеречным хижинам. – Среди них – крадуш.

2

В пяти шагах справа брёл Клюв. Горан поглядывал на него, слушая пререкания мальчишки с браконьерами. Они гнали его прочь, но Клюв изворотливо грубил конвоирам: «Я приглядываю за вами». Гадкие смешки верзил не беспокоили подростка. Горан цеплялся за его бесстрашие, а ещё... за любопытство – спасительный лаз из ловушки.

Тропа вилась по кругу. Горан чувствовал себя животным на выгуле. Его доводили до дерева со светящимся рогом козули – поворот – шествие возобновлялось до нового оберега. Истекал четвертый день заключения. Утром Масляк хвалился, что завтра получит монеты. Значит, завтра. Завтра придут покупатели. Времени оставалось слишком мало, а Клюв игнорировал вопросы.

– Кому вы нас отдадите? – настаивал Горан, косо поглядывая на задиристого мальчишку.

Конвоиры не удосужились открыть рты, но Клюв неожиданно ответил:

– Змеядам.

Хоть что-то.

– Вы торгуете людьми?

– Нет. – Крадуш безразлично смотрел сквозь преграды деревьев. – Кабанами, пушным зверем. Косулями. Я охотник. Все мы здесь кормимся лесом.

– Вы истребляете животных.

– Потому что Велирадовичи не любят марать руки! – про-
басил конвоир, похлопывая арбалетом по ладони. – А платят
щедро.

Смешки верзил затрещали в ушах.

Горан решил не злить разбойников праведными нотация-
ми. Исмин уже достаточно измучила их криками о прокля-
тии. Кровь священных животных вернётся в землю кровью
убийц. Горан поёжился от колючего ветра. Рогатые деревья
торчали высохшими обрубками увядающей местности. Сре-
ди чернолесья в проклятия верилось особенно.

– Где наши вещи? Я могу забрать книги?

Клюв склонил голову.

– Они тебе ни к чему. – Достал из кармана куртки часы с
сапфиром: – И это. Теперь я – знатный отпрыск.

Верзилы загоготали.

– Твой отец – богатый человек, Мильвус, – рассуждал с
презрением Клюв. – Все в Вистрии богачи.

– Я давно там не был.

– А я – никогда.

– Ты ничего обо мне не знаешь! – рассвирепел Горан,
останавливаясь. – О нас. И о себе.

Конвоиры толкнули кудесника арбалетом в спину. Шаг
возобновился, но крадуш побрёл прочь.

Поздним вечером Клюв забрёл в хижину пленников. Он

принёс два покрывала: рванных и разящих плесенью. Сквозняки пронизывали невидимыми спицами мороза. Зима наступила. Отныне воздух таил в себе умерщвляющую стужу.

Тама поблагодарил за пусть скудное, но укрытие. Крадуши кутались, понимая, что их часы в клетках сочтены. На смену холоду возникнет опасность страшнее.

– Они знают правду о тебе?

Вопрос Горана остановил Клюва на полпути. Мальчишка обернулся, отвечая снисходительно:

– Знают. Вздумал торговаться правдой? Я лучший охотник в Клете. В банде Зука уже три года. Всё, что написано в твоей книжке – выдумки, кусок хлеба для гончих.

– Ты читал? – Горан старался сохранять равнодушный вид. – Читал записи о крадушках?

– Только первые страницы. Заумь мудрецов о порождениях древнего зла, уничтожении людей.

– В банде так же считают? Они – обычные люди: уязвимые, суеверные. В тайне они остерегаются, а потому носят аль. Тебе не найти в них союзников. И в Клете. Во всей Царне никто никогда не поймет тебя, кроме таких же изгоев.

Тишина в хижине окутала невесомостью. Дети всматривались сквозь полумрак в обездвиженного сомнениями охотника.

– А ты, выходит, особенный? – Клюв недоверчиво усмехнулся. – Отчаявшийся кудесник, которого вышвырнули из палат града. Последняя надежда крадушей. Лепечешь им о

твердыне грёз? О лучшей жизни? – Клюв хмыкнул. – Они могут доверять тебе? Ой, – он наигранно прижал ладонь к сердцу, – и мне можно?

Охотник угрюмо направился к открытой двери.

– Тебя продадут, Клюв! – выкрикнул Горан, сжимая кулаки. – Вопрос зарыт в цене. Для них всё имеет цену, ты лишь живой товар.

Ночью холод заявил свою власть над всем теплокровным. Ветер скорбно гудел над крышей. Горан проснулся от громкого вороньего «ток-ток». В хижинах испуганно трепетали огни скатов. Рядом дрожал Тами. Злата обняла его, укутывая покрывалом. Исмин не спалось. В клетке напротив, сжимая прутья, стоял Уц. Эфа ходила беспокойно, всхлипывая и гремя кашлем.

– Многоликие явились к хижинам, – прошептала Злата.

И тут Горан понял, что в кронах воет не ветер – чудовища внимали к людям: вьюга кружила голодным зовом. Фигуры браконьеров заметались с факелами. Закричали пугливо косули. Ругательства верзил тонули в потусторонних звуках чернолесья. Горан видел за хижинами огни алых глаз, испуганные метания злодеев. Туман напелзал ознобом. Клетку будто пошатывали щупальца речного чудовища.

В хижину ворвался Зух – упитанный чернобородый главарь, обвешанный всевозможными амулетами, как жрец. Он тряс кулаком и требовал прекратить колдовство. «Я подожгу клетки! – вопил безумно, размахивая факелом и вертясь

на месте оборонительно. – Думаете, испугаюсь? Решили, боюсь?» От намерения предать хижину огню, чернобородого остановили жаждущие наживы браконьеры. Зух был пьян, разъярен, но им удалось увести его под руки прочь от клеток. Угрозы испепелить бестий тьмы долго звенели над поляной, сливаясь с утробным мычанием пучеглазых деревьев.

Утром прибыли покупатели. Тами пугливо забился в угол, царапая грязными ногтями одежду. Исмин заплаканными глазами смотрела на поляну, мертвенной тишиной напоминающую виселицу. И только Злата стояла у прутьев клетки обзолённым изваянием, испепеляя яростью взгляда округу.

В хижину пришли шестеро конвоиров. По тропе крадущей вели, подталкивая в спины дубинами. Горан плёлся позади с завязанным ртом. У глыб дымчатого кварца нетерпеливо ожидали Зух и четверо головорезов. Трое змеядов, высоких, синюшно-худощавых, стояли в стороне. Горан сразу узнал их по мутным, будто слепым, глазам и чёрным линиям ртов. Тканевые повязки скрывали головы колдунов, широкие перчатки – руки; темные костюмы отличались простотой и невзрачностью. У их ног сидели пунцово-бородавчатыми наростами жабы, пытливо выпучив незрячие глаза. Вяло ползали мохнатые жуки.

Приблизившись, кудесник понял, что браконьеров и змеядов разделяла невидимая черта, вдоль которой, позвякивая хрусталем на ветру, с дугообразных деревьев свисали рога и копыта косуль.

Зух прошёлся мимо пленников.

– Разжимайте руки, – скомандовал, доставая из мешочка на поясе дроблёные угли али. – Живее!

Покупатели хотели лично удостовериться, что приобретают редкий «товар». Аль рассыпалась в детских ладошках в золу. Сомнений не осталось, и Зух окончательно почувствовал себя хозяином положения.

– А этого – можете съесть, – пробасил он с улыбкой, хлопая Горана по щеке. Кудесник отвернулся, но его дёрнули за волосы вперёд. – Он шибко наглый. Отдам за полцены.

Накаленную обстановку веселье главаря распаяло ветром. Верзилы стояли бойцами на посту, держа пальцы на спусках арбалетов и рукоятях дубин. Змеяды, игнорируя собственную малочисленность, хранили надменность и не скрывали брезгливого отношения к шайке похитителей. Наглая бравада дикарей Ловища их раздражала.

– Мы заберём всех, – уведомил перерожденец, осматривая понурых крадушей. На его выпирающих скулах серебрили шрамами крючковатые символы ордовых волхвов. Змеяд шагнул к главарю, снимая перчатку. – Всех крадателей.

– Купите, – рыкнул Зух. – Это хотел сказать?

Змеяд облизнул жёлтые клыки, морщась от отвращения. Горан с трудом воспринимал ситуацию, когда гадкому существу казался омерзительным человек. Хотя... Зух и в нём вызывал схожие чувства. Но перерожденцы...

– Шестерых детей.

– Этот не крадуш, – кивнул Зух на Горана.

Один из верзил вложил в его ладонь аль. Металл потемнел, но не обуглился.

– Кудесника оставьте себе.

Зух взбесился:

– На кой он нам сдался! Пять крадущей! Считать умеешь? – Главварь приблизился к змеяду, выставя кулак. Их разделяло два шага. Зух начал распрямлять пальцы, указывая на понурых подростков: – Один, два, три, четыре, пять. Усёк? Золотом. Никаких самоцветов.

Змеяды предвзято смотрели на браконьера.

– Ты сам позвал нас. Условия здесь определяем мы.

Верзилы переглянулись. Зух потёр лоб. Рука его сняла с пояса охотничий нож. Глаза с прищуром осмотрели перерожденцев.

– С чего это ты взял, жабоголовый? – Зух угрожающе почесал лезвием шею. – Мы найдем других покупателей. На пятерых кра... – слова его замерли хрипом в горле.

Никто толком не сообразил, что произошло. Главварь повернулся, губы его беззвучно зашевелились. На шее пиявкой чернел мохнатый жук.

Змеяд невозмутимо натянул перчатку.

– Скрываться бесполезно. Речь скоро вернётся, чтобы объяснить это мальчишке в хижине. – Перерожденец немигающим взглядом подтолкнул спутников уходить. – Яд отравит тело к утру, – бросил напоследок. – Мы прибудем в пол-

ночь. Шесть крадушей в обмен на мешок золота и противоядие.

Змеяды простились кивками. Верзилы, обнажившие оружие, переминались с ноги на ногу, тревожно поглядывая на беззвучно глотающего воздух главаря. Из глаз Зуха исчезло высокомерие и алчность. Теперь его действиями руководил страх.

Вечер пленники встретили в одной клетке. Клюва с крадушями заперли сразу после переговоров. Он отчаянно сопротивлялся, угрожал гневом Зуха, не подозревая, что приказ о его заточении отдал до смерти перепуганный главарь.

Ребятам вернули рюкзаки с вещами, забрав оттуда монеты и все металлические предметы. Горан и Злата не нашли охотничьи ножи.

– Где мои часы? – набросился кудесник на мальчишку, преданного ради наживы и выживания.

Бронзовый шар упал возле ноги безделушкой.

– Забирай, Мильвус. Отсчитывай последние минуты.

Горан, хмурясь, спрятал часы в карман. Что теперь бо-
даться? Они взаперти, а солнце давно село.

– Откуда змеяды узнали о тебе? – спросил кудесник, всматриваясь в притихнувшего напротив охотника.

Они сидели в разных углах клетки. Рядом с Гораном бу-
равили взглядом нового узника Злата, Исмин и Тами. Эфа
опять плакала. Уц злорадствовал над бестолковостью Клюва,
впрочем, с горечью, ведь всех их ожидала одинаковая участь.

Всех, кроме Горана, которого, вероятно, убьют сразу после успеха сделки.

Клюв дёрнул плечами, не видя смысла отвечать.

– Они всегда узнают нас, – проговорил Уц. – Словно чувствуют.

– От Зуха скрывают, что я в клетке.

– Твой главарь при смерти, Клюв. – Горан сплёл немеющие пальцы, не представляя, о чём говорить. Ему хотелось выть от отчаяния.

Время неустанно бежало, бежало, бежало...

– Да, с этими тварями шутки плохи. – Уц попытался заглянуть в дверной проем. В хижину воришкой полз дымок костра. – Собираются резать косуль.

Исмин поднялась, приблизилась к прутьям.

– Переживай о себе, – проворчал Клюв, поглядывая на её агрессивную позу. – Эти животные всегда будут чувствовать в тебе врага. Сочувствие выдаёт слабость.

– Я им не враг! – возразила Исмин. В глазах её дрожали слезы бессилия. – Тебе не понять. Я жалею их, а ты – думаешь о себе. Но мы оба в клетке.

Последнее слово ударило по слуху хлыстом, жутким предчувствием страданий. Решётка прутьев показалась липкой паутиной.

– В клетке, которую я могу открыть.

Пытливые взгляды молниеносно впились в одиноко сидящего пленника. Клюв сложил руки на груди, вытянул ноги.

Казалось, он скучал, а пристальное внимание его тешило.

– Открыть? – шепнул Тами.

– Ключом. – Клюв поднял голову, осматривая металлический замок. – Я отпирал эти клетки сотни раз. Убирал навоз за животными. Да, охотника во мне признали не сразу. Ключ один, и я, чтобы не будить лишний раз Зуха, изогнул язычок бляшки с ремня отмычкой. – Клюв кивнул на свой ботинок: – Она всегда под шнурком.

– Мы сможем сбежать? – тихо спросила Исмин, сомневаясь в искренности браконьера. – У них аль, оружие, преимущество в численности и силе.

– А что нам терять?

– Мы в чернолесье, – напомнил Горан, уже обдумывая план побега.

– И хорошо. Только ворожеи знают все тропы. Есть шанс скрыться.

– И угодить в когти монстров.

– Да, – иронизировал Клюв, – лучше поедem «в гости» к змеядам.

Шептание крадущей набросилось на него порицанием. Ему не доверяли, отлично помня о причастности к их заточению.

– Наш единственный шанс! – пресек нападки Горан. – Единственный шанс спастись.

– Еще бы, кудесник, – подначивал Клюв, не шевелясь с места. – Напомни им о цитадели грёз.

– Она существует! – вскрикнул Тами.

Злата зажала ему рот рукой. Крадуши тихо, озираясь на дверь, обрушились на охотника вопросами. Клюв не стал отвечать, строго предупредив:

– Выберемся, когда начнут резать косуль. Их крики скроют шум побега.

Ожидание превратило время в бесконечную череду вдохов-выдохов, в сопротивление дрожью холоду. Звенящую тишину нарушал кашель Эфы. Крадуши переглядывались. Горан изредка поднимал взгляд с соломенного настила на зарево поляны.

У хижин вспыхнули голоса косуль. «Ведут», – оповестил Клюв. Он осторожно поднялся, вглядываясь в отсветы костра, в нечёткие тени. Браконьеры переговаривались краткими командами.

Беглецы повесили за спины рюкзаки, напряженно готовясь покинуть клетку. Клюв прислонился к решётке. Руки его сомкнулись на замке. Несколько поворотов отмычки – путь на свободу открылся шкафчиком фокусника. Прогулки давали беглецам некоторое представление, куда стоит двигаться. К тому же Клюв знал слепые зоны. Они проберутся за хижинной по земле к кварцевым глыбам и – отчаянный бег в ночь. Горан настойчиво повторил: «Не разделяться. Не отставать».

Пленники бесшумно покинули хижину. Воздух чудился живительным эликсиром. Ощущение свободы питало изму-

ченный организм силами.

Несколько фигур в отдалении тащили на веревках косуль. Животные упирались светящимися копытами, мотая непримиримо головами.

Клюв махнул ложиться. Крадуши поползли по сухой траве к глыбам, в темноту кустарников. Кудесник лёг на живот, поглядывая на скачущие отсветы костра. Из дальней хижины, потирая широкий нож о грязный фартук, появился Масляк. Горан заработал локтями, упираясь коленями в твёрдую почву. Жар волнения горячил кровь, мысли стучали в такт пульсу: «Скорее! Скорее! Скорее!» Животные беспокойно застонали.

Тами остановился:

– Мы не можем этого допустить.

Горан, сцепив кулаки, прошипел:

– Ты жить хочешь?

– И они хотят. Это убийство!

Злата оглянулась. Взгляд её горел ненавистью и болью. Жалобные стенания косуль истязали совесть эхом.

– Где Исмин? – спросила она Горана.

Кудесник осмотрелся. Клюв уже спрятался за кварцевый выступ. К нему подбирались Уц и Эфа. Горан попытался восстановить предшествующие события: «Исмин брела позади. Она всё не могла застегнуть рюкзак и...»

– О нет! – Горан отчётливо осознал, куда исчезла сердобольная девчонка.

Свирепый клич браконьеров подтвердил худшие опасения. Хижина за спинами верзил вспыхнула пламенем. «Оружие!» – рокотал крик. Верзилы бросились в пылающую лачугу. Масляк, справившись с растерянностью, поманил двоих головорезов к широкому пню. Косулю потянули за рога, но внезапно её конвоир прижал ладонь к лицу – в него летели камни. «Девчонка! Справа!» Рогатое животное вырвалось из рук, но сделав несколько прыжков, остановилось. Ещё одна косуля оставалась на привязи, стягиваемой браконьером. Меткий удар камня разъярил верзилу, сжимавшего привязь. Он вскричал, верёвка выскользнула из рук. Косуля, брыкнув копытом, рванула прочь. Верёвка зацепилась за кустарник, но самец поддел хомут рогом, освобождая дикую узницу от пут. Млечный свет их копыт отбил от земли топотом побега.

Воздух всколыхнулся проклятиями. Исмин и не думала бежать. Мелкие кустарники поляны служили слабым укрытием.

– Что она думает?! – Горан вскочил, вернулся к стене хижины. – За камень! Прячьтесь! – Но крадуши исчезли.

Над поляной сыпал ядовитыми оскорблениями Зух. Он, пошатываясь болезненно, стремился остановить хаос басыстым ором: «Где оружие? Оружие!» Стрела из арбалета впиалась в руку Исмин. Она вскрикнула, рухнула на колени, мыча от боли. «Поднимайся! – стучало в голове Горана. – Беги! Беги!» И тут его взгляд уткнулся в рюкзак за её спиной. Он

светился жирным камнегрызом², наглотавшимся огневиков. Исмин сорвала береги.

Свечение привело верзил в бешенство. Они замедлились нестройным полукругом, обдумывая расправу над беглянкой. Человек пять уже торопились к хижине пленников.

Горан обогнул строение. «Убить паскудницу!» – взвыл Масляк. Землю пронзила дрожь. Верзилы схватились за грудь, сгибаясь, словно от ударов. Горан же навзничь упал на землю. Мир вокруг рушился: иллюзия землетрясения завладела разумом.

Крики Тами и Златы немного прояснили мысли. Держась за стенку хижины, Горан с трудом поднялся. Исмин сидела на земле эпицентром дрожи. Пожар неостановимо уничтожал вооружение браконьеров.

Масляк, размахивая нервно ножом, начал пробираться к раненой девчонке. Из-за глыб кварца полетели камни. Крадуши. Тами звал Исмин отступить, но она билась в жутком ознобе.

Исмин отняла ладонь от виска, смутно различая наступающую фигуру. Марево подземных толчков развеялось. Над ней блеснул нож. Взмах. Масляк пошатнулся от удара. В его живот плечом врезался Клюв, с разбега сметая противника на землю. Здоровяк скинул руки крадуша с шеи. «Ты с ними? Паршивец! – кряхтел Масляк в попытках подняться. – Нужно было утопить тебя. Еще тогда...» Рука его коснулась

² Камнегрыз – рыба, питающаяся древесными камнями озер.

пустого шнурка. Крупицы золы темнели на рубаше. Аль исчезла.

Масляк отшатнулся от мальчишки, заходясь буйной истерикой: «Только не ножи! Нет! Это не я! – голосил он безумно, отползая от озлобленного взгляда крадуша, будто от падающего дерева. – Нет! Не пальцы! – прятал он руки за спину. – Нет, – мотал головой. – Нет. Не-е-ет!».

Завывание леса ввергло людей в панику. Ветер скользил туманными змеями морозного воздуха. В гуще леса вспыхивали огнями багровые глаза. Многоликие.

Горан помог Исмин подняться. Под её левой ключицей торчали острые лопасти стрелы. Рукав пропитался липкой кровью насквозь.

– Идти сможешь?

Она кивнула.

Удар в спину отбросил Горана на шаг. Верзила потянулся к Исмин, но его тут же сбило с ног рычащее чудовище.

Агонизирующий крик помутнил восприятие сильнее боли. Многоликие метались по поляне взбешенными монстрами – медведями, сплетёнными из ветвей. Гроздьё глаз в пустотах голов перекатывались всевидяще, выслеживая жертв. Всхлипы, стенания, рев браконьеров росли незримыми скалами. Горан потянул Исмин за рюкзак. Свечение оберегов в нем рассеивало чудовищ, как солнце – мрак. Клюв начал проталкивать ребят к глыбам кварца. Там, обмерев вокруг Златы, сидели крадуши.

– Нужно уходить! – суетился Горан, – за Исмин. Шагаем возле Исмин! А она – по пятам за Клювом.

Треск пылающих хижин смешивался со вскриками жертв, со скрежетом беснующихся стражей чернолесья. Кровавое пиршество тонуло в сизой пелене тумана.

Клюв не представлял даже, куда торопится скрыться. Деревья твердели кривыми линиями в парующем воздухе. За спинами обрывались крики. Он просто смотрел вперёд, шагал вперёд. Преисполненные ужасом беглецы безрассудно следовали за ним.

Глава 8

1

Ночь далась изматывающим скитанием. Погоня мерещилась за каждым вскриком ворона, хрустом ветки. Рюкзак с рогами и копытами нёс Клюв под бдительными взглядами остальных крадушей. Жутковатые обереги служили тусклым освещением, но надёжной защитой от монстров, населяющих чернолесье. Краткие привалы не приносили достаточно отдыха. Из тела Исмин вытащили стрелу и перевязали рану. Она с трудом волочила ноги, пошатываясь от слабости. В гораздо худшем состоянии брела измученная кашлем Эфа.

Утро прояснило путь. За колоннами деревьев желтело сухостоем поле, открывающее возвышенность густого леса. Долгожданную радость спасения от хищных змеядов, конец неопределенности блужданий омрачили усталость, боль и угасающие на глазах беглянки: одна – от ранения, другая – от усиливающейся лихорадки.

Рядом с измученной Эфой на бревне сидела сонная Исмин. Остальные ребята расположились от них в стороне, удручённо совещаясь.

– У неё жар, – сообщила Злата, беспокойно оглядываясь на бревно, где лежала укутанная в плащ кудесника Эфа.

– Здесь вас схватили, – пояснил Клюв, указывая рукой на ряды лиственных деревьев.

– Куда дальше? – Горан рассматривал карту Ловища, с трудом представляя безопасный маршрут. – Приток Талой в сутках пути отсюда. Клета ближе.

– И как мы доберемся туда? – пробормотал Уц. – Ни еды, ни денег.

Клюв покосился на свою кожаную котомку, забранную из тайника в дупле во время побега.

– Есть немного монет. Но они даже меня не прокормят... Все невольно скрестили взгляды на девочках, застывших в болезненной полудреме. Недуг съедал румянец, оставляя коже бледность, а телу – беспомощность.

– Мы будем двигаться сообща? – удивился Уц. – Бывший караульный и пленники. М-да.

– Воровские опасения? – огрызнулся Клюв.

Уц душил взглядом. Горан захлопнул книгу, рассудительно призывая:

– Давайте сосредоточимся на общей цели – выжить. Сообща у нас получилось преодолеть опасный путь. Если кто желает сейчас уйти – все дороги открыты, – неопределенно махнул рукой. – Важно решить, где найти убежище и пропитание.

– Мы не бросим их, – напомнила Злата, вступаясь за Исмин и Эфу.

– Никто не говорит об этом!

– И как быть, Горан? Они больны.

Ответ на этот вопрос затерялся в пропасти несбыточных чудес. В Башне Воспитанников кудесников не готовили к бесконечной череде неудач. О взаимопомощи он слышал только от своих стариков.

– Переберёмся в подлесок. – Горан поднялся, всматриваясь в древесный шатёр зарослей. – Пока ещё можем здраво рассуждать. Уверен, вдали от ведьминых чащоб в голове прояснится.

Когда они пересекали степную равнину, солнце выглянуло из-за туч: ярко, властно, напоминая всему живому, что за топиями мглы оно неугасимо испепеляет страхи. И пусть северный ветер остужал лучи – их медные блики проникали сквозь толщу переживаний, опускаясь согревающими крупицами на мутное дно душ – туда, где невинно покоились кладом заветные мечты. Мечты, ради которых путники превозмогали слабость, голод и боль.

В подлеске крылья ветра утихли. Беглецы сидели на палой листве, жуя сухие ягоды кустарникового скледа, которые, как уверил Клюв, вполне съедобны и крайне питательны.

– Терпкая гадость, – промямлил Уц, но жевать не прекратил.

– Эти ягоды любят косули, – сообщил охотник, раскусывая жилистую мякоть. – Зух часто приносил в кармане.

Исмин отняла плечо от бурого камня, смотря волком на бывшего противника:

– Зух убивал косуль?

Крадуши переглянулись. Унизительные моменты заточения вновь всколыхнулись в памяти.

– Он ведь охотник. Много кого убивал.

– И ты? – Исмин прожигала взглядом мальчишку, который игнорировал её вопрос, осматривая ягоды.

– Исмин, побереги силы, – вмешался Горан. – Ты сама нас чуть не загубила. Мы договаривались бежать! – Он разочарованно отвернулся.

Исмин привалилась спиной к камню. Слабость делала её голос затухающим:

– Я думала, вы поймёте.

– Сомневаюсь.

– Да ладно, – вступился Уц. – Склоним голову перед её смекалкой – у нас теперь целый рюкзак берегов. – Он театрально кивнул. – За них можно выручить уйму денег. Интересно, сколько?

– Нет! – запротестовала Исмин, обхватывая здоровой рукой рюкзак. – Я сняла их, чтобы похоронить.

Недоумение исказило лица мальчишек. Один Тами проникновенно поддержал:

– Им не место среди людей. Дикость – прятаться за убитыми животными.

Уц усмехнулся, поражаясь серьёзности намерения:

– Твою рану никто не вылечит в дар. Косули давно мертвы...

– Убиты.

– Да, убиты. Они не обидятся.

– Нет!

– Ис, отдохни, прошу, – примирительно заговорила Злата. – Ты поступишь, как считаешь правильным. – Она настойчиво посмотрела на Горана, требуя подтверждения.

Ситуация слаживалась патовая, но других способов раздобыть денег он не видел:

– Исмин...

Та мотнула головой упрямо, заслоня собой рюкзак, – глаза застилала слезы, губы дрожали. Клюв поднялся, за ним выдвинулся Уц. Горану пришлось присоединиться. Исмин попыталась встать, но тут же схватилась за повязку шарфа на плече. Отчаяние отбирало последние силы.

– Нет! – крикнула. – Нет! Не троньте рюкзак!

Злата тихо попыталась вразумить ребят. Обстановка накалялась схваткой. Эфа и Тами взирали с осуждением.

– Этих оберегов хватит на дорогу в любую точку Царны. – Клюв остановился напротив девчонки, осмотрел крадущейся. – Вы сможете купить ветвь путешествий, коней, лодку... что пожелаете. Обереги – единственная защита от змеядов.

Исмин непреклонно мотнула головой. Она не протестовала, просто сжимала отчаянно рюкзак. Клюв тяжело вздохнул, оглянулся. На лице Горана явственно читалось сомнение.

– А ты знаешь, кому продать? – сдвинув брови, поинтере-

совался Уц. – Так, чтобы нам заплатили, а не обообрали?

– Знаю.

– Оставьте её в покое! – настаивала Злата, всё же не решаясь подняться. – Горан!

Кудесник потёр рукой лоб. Ему хотелось только одного – рухнуть спать. Вместо этого приходилось отстаивать сомнительные замыслы в словесной перестрелке. Клюв шагнул. Исмин разразилась обвинительной речью. Слова не задевали ребят, в головах которых сейчас заправляли голод и расчет. Но их шаги остановила знакомая беспомощность, избитый взгляд жертвы, до последнего защищающей вымирающие убеждения.

Клюв наклонился и схватил рюкзак, не встретив опасного сопротивления.

– Я надеюсь, мы не пожалеем.

Он грузно направился к поваленному дереву в зарослях орешника. Горан выдвинулся следом. Мальчишки отломали от сухого бревна прочные ветки и стали копать сырую землю. Получались узкие, но достаточно глубокие ямки, в которые двое напарников опускали тлеющие млечным свечением рога и копыта косуль.

– Захоронение должно сопровождаться заклятиями? – Клюв вонзил рог в темноту углубления слитком золота. Глаза не верили, что руки закапывают драгоценность. – Почему они не меркнут? – Он потёр пальцем ребристый серп, которым некогда ночную мглу рассекало кроткое животное. В

серой коре миллиарды вкраплений пульсировали искрами.

Над головами прозвучало пояснение Исмин:

– Согласно преданию, в оберегах остались души, обреченные сиять годы, отпущенные на жизнь луннорогой жрице. Но лишь в лучах светил. В земле они погаснут, призраки убитых косуль обретут покой.

Подошедшие Злата и Тами принялись неумело ковырять новые тайники для волшебных останков. Никто из крадушей особо не верил в правдивость предания о призраках. Но Исмин утешилась, словно они бродили печально рядом, и Горан решительно, уступая её необъяснимым предчувствиям, скрывал навеки от посторонних глаз магию, живодерами похищенную из леса.

Места над погребениями утоптали ногами, засыпали палой листвой и ветками.

– Нужно искать ночлег. – С ноющим сердцем Злата посмотрела на обессиленных Исмин и Эфу, апатично моргающих на голоса рядом. – Им нужны лекарства. Срочно.

Горан, поджав губы, вспоминал рассказы бабушки о болезнях, о помощи при сквозных ранах и удушливой лихорадке. Промыть от грязи, перевязать, дать выпить глоток родниковой воды – скудные познания в хаосе предположений и догадок.

– Есть одно место, – предложил с сомнением Клюв, когда невнятный список лечебных снадобий увенчался тревожной паузой. – Здесь недалеко, – указал пальцем в сторону леса. –

Попробовать стоит, но... я ничего не могу обещать.

Единственное предложение помощи. Все молчаливо признали: стоит рискнуть. Клюв поднял на руки хрупкую Эфу, и беглецы начали огибать лес, удаляясь от скрежета черноты.

Несколько привалов – ребята свернули с равнины в подлесок. Глазам открылась пёстрая берёзовая роща. Голые ветви монохромных деревьев золотились солнечными зайчиками. Ржавая листва мягко прогибалась под подошвами до сырой почвы. Родник убежал от глаз звонкой речушкой в поросшие мхом камни. За камнями росли холмики, пронизанные массивными корнями. Могучие дубы прожорливыми сетями обвивал вечнозелёный плющ. Три поворота – появился бревенчатый дом с острой крышей, упирающейся в широкую грудь оловянного дерева. Дом ютился под раскидистыми ветвями, всматриваясь округлыми глазами-окнами в дикие заросли. Над дубовыми кронами темнели витые ветви оловянных великанов леса. Горан впервые видел такие широкие и гладкие деревья.

Группка обессиленных путников остановилась на каменном пороге. Узкие двери напоминали плитку шоколада. Облицовка стен пестрила серо-зелёными красками – своеобразной маскировкой в тенистой чащобе. Издалека прохожему с трудом получалось бы заметить в нагромождении темно-коричневых планок строение. Горан постучал в дверь. Молчание. Из-за стены выглянула узкая мордочка изумруд-

ной лисицы с перламутровыми рожками, и Горан отступил за спину Клюва:

– Выглядит нежилым.

На нижней ветви дерева, над крышей, караульным застыл чёрно-синий ястреб. В окнах колыхнулись вязаные занавески. Дверь приоткрылась, явив молодую женщину в длинном платье. Узоры птиц на холщовой юбке двигались в такт плавным движениям. Несмотря на вынужденную суровость, в ней всё казалось приветливым, доброжелательным: взгляд серых глаз, осанка, мимолетные жесты. Вид израненных подростков хозяйку дома встревожил.

– Что случилось? – спросила она, в замешательстве осматривая едва стоящих на ногах гостей. – Льван, кто эти дети? – Её строгий взгляд застыл на Клюве.

– Зух растерзан многоликими. Вся банда... – Охотник умоляющим голосом пояснил: – Они пленники. Товар для змеядов. Ночью мы сбежали. Хотя бы двоих, Мирна, немощных девочек, приюти.

Молчание хозяйки росло непреодолимой горой. Они пришли заплетающимися ногами, безотчетно уповая на чужую доброту, редкое, словно солнце в грозу, сострадание. И вот теперь в гудящих от бессонницы головах поселялся призрак поражения. Одиночества. Бессилия и напрасности попыток спастись.

Мирна протянула руки с намерением взять под опеку Эфу, прислоненную к Клюву выпавшим из гнезда птенцом.

– Проходите, – произнесла женщина, с опаской всматриваясь в темноту леса. – Только не шумите, прошу. Мои дети боятся незнакомцев.

Дверь дома закрылась на засов. Подростки неуклюже столпились в тесном коридорчике, боясь шевелиться без разрешения.

– Где Хадуг? – спросил Клюв, поглядывая в открытые комнаты, скованные покоем.

– Он в Клете. Приедет через два дня. Снимайте верхнюю одежду, рюкзаки. Мне потребуется помощь. Девочки, – поманила она рукой Злату и Исмин.

Исмин кивнула, пытаясь снять куртку. Прислонилась плечом к шкафу. Веки её бессознательно сомкнулись, тело осело по стенке на пол. Затишье дома нарушили взволнованные голоса. Горан с трудом поднял на руки раненую спасительницу косуль.

Эфу и Исмин спешно переместили в соседнюю комнату и положили на ковёр у мерцающего самоцветами камина. У стен стояли резные скамьи с вышитыми подушками, висели мохнатые венки из душистых трав. За окном плавно угасал день.

– Мне нужно их осмотреть. – Мирна откинула с лица Исмин грязные пряди. Попыталась снять куртку, но засохшая кровь склеила рукав с кофтой. – Льван, проведи мальчишек в кухню. Там вёдра, а пруд – за деревом. Наносите воды в парильню. – Её пронизательный взгляд скользнул по каждо-

му чумазому лицу. – Вам нужно искупаться.

Клюв кивнул, послушно отзываясь на непривычное ребятам имя. Горан, Уц и Тами поковыляли за ним прочь. В кухне горела варочная печь. На краю плиты, позвякивая крышкой, в чане кипела вода. Мальчишки нашли пять пустых вёдер под столом с посудой.

Холод леса взбаламутил воспоминания скитаний и озноб, пробирающий паникой, что идти – некуда. Обогнув широченное дерево, они услышали журчание воды. Родник стекал в круглое каменное углубление, а оттуда, минуя широкие корни и мелкие деревца, подпитывал небольшой пруд. Наполнив вёдра, ребята начали огибать громадное дерево. Уц плёлся позади, ворча, что даже бандиты выделяли им в день лепёшек. Клюв не отвечал на жалобы, на вопросы Тами и Горана. Спутники довольствовались смутным: «Вскоре объясню».

Позади дома аккуратной избушкой стояла парильня. Мальчишки вылили воду в бак. Клюв растопил березовыми дровами печь-каменку. Полки для сидения выскобленно белели. Веники источали терпкий запах сухих листьев.

Горану казалось, что он не купался вечность, что кожа засохла грязной коркой, а одежду останется только спалить. Пар прогревал до костей, до самого продрогшего нутра, и мысли раскачивались на волнах умиротворения, не замечая рядом ни шумной болтовни Тами, ни синяков и багровых полос от розог на спинах Клюва и Уца.

За дверью парильни в корзине обнаружилась чистая одежда. Она была в заплатках и слишком велика, но в сравнении с изодранными вещами беглецов – настоящее убранство.

Одевшись, мальчишки постучали в комнату с камином. На их голоса в конце узкого коридора приоткрылась дверь. В щель выглянули три кудрявые головки: два мальчика и малышка-девочка. Появившаяся Мирна взволнованно спрятала любопытных чад.

– Это её дети? – спросил Тами, смотря на закрывшуюся дверь в рисунках нежных цветов.

Клюв ответил:

– Да. Эли – четыре, а её братикам... около пяти-шести, не помню точно. Они погодки.

Спустя несколько минут со свечой в руке появилась Мирна. За ней боязливо кралась хромая изумрудная лисица. Женщина повязала на волосы косынку, спрятав светлые пряди под узорной тканью. Чистые лица мальчишек вызвали у неё вымученную улыбку.

– Я сбила жар, – шепнула, – но это ненадолго. Нужно накопать кореньев вядун-травы и настоять листья воронова дерева. Пока девочки купаются, я приготовлю поесть.

Последнее слово показалось целебным напевом. Мальчишки закивали, галдя благодарностями.

– Тише, – Мирна приставила палец к губам, – не разбудите малышей.

На ковре у камина хватило бы места спать, блаженно вы-

тянув ноги и руки. Спать голодными – главное, что без вздрагиваний от морозных сквозняков, плача, стонов косуль, ругани браконьеров. Самоцветы в каменной кладке переливались синими, бордовыми, жёлтыми красками. Мальчишки сидели, обхватив колени руками и бессмысленно наблюдая за пламенной иллюминацией.

– Откуда ты знаешь её? – спросил Уц охотника, вдыхая с упоением аромат жареных овощей, просачивающийся дымком из кухни. – Мирну?

– Меня учил читать следы Хадуг, её муж. Они безродные. Тами моргнул, проясняя картинку пляшущего огня. Рука его опять безуспешно поманила изумрудную лисицу, наблюдающую за незнакомцами со скамьи.

– Ничегошеньки, – высказался он, округляя глаза. – Теперь я всех видел: гончих, змеядов, браконьеров и... безродных. А ещё лисиц с рожками.

– Вы не встречались с безродными? – удивился Клюв.

– Только с нищими в портах, – вспоминал Уц. – Торговцы говорили: то были безродные. Не знаю... Почему они становятся такими?

– Осуждённых за связи с крадушами казнят, а их детей лишают Рода. – Клюв взглянул на главное свидетельство его прав – нашейный кулон, отливающий сталью охотника. – Это действительно нищенское существование. Многие из них бегут от жестокости людей и объединяются ради выживания. Хадуг знает о целых поселениях безродных в лесах.

– А браконьеры разве не безродные?

– Банда Зуха? Нет.

– Как ты связался с ними?

– Давняя история.

– История? – прошептал Тами, зевая. – Расскажи, – закачнулся, потирая сонные глаза пальцами.

– Она не слишком интересная.

Горан повернулся к Ключу:

– Почему Мирна называет тебя Льваном? Это твое настоящее имя?

– Нет. Но можете звать, как привыкли.

– Почему Льван? – настаивал Тами.

И Ключ уступил со вздохом:

– Сильван, сокращенно – льван, в Ловище – особая должность при управителе провинции, ипате. Так называют егерей лесных заповедников, дополнительно ответственных за охоту знати. Мой отец служил в Клете при ипате Небойше.

– Брате воеводы Вацлава?

Ключ уточнил:

– Младшем брате. Муж Мирны помогал отцу – дрессировал ястребов.

– Безродных запрещено принимать на службу. – Горан подкинул хрустящих веток в камин. Привкус дыма во рту подогрел мечтания о еде. – Отец разыскивал тебя?

Ключ мрачно ссутулился.

– Он в темнице. Уже четыре года как: по ложному обвине-

нию в покушении на воеводу Вацлава. Жив ли он?.. – Мальчишка уткнулся лбом в согнутые колени. – Они схватили его как предателя. Но это не так! Грапового медведя убивать – лишать лес стража. И Вацлав поступил подло, напустив псов на берлогу. Воевода упал с коня во время погони. А потом Масляк прознал про Хадуга и...

– Масляк? – удивился Уц. – Из банды Зуха?

– Да. После ареста отца я прислуживал на кухне ипата. Масляк работал помощником повара. Мы часто ходили с ведрами к Талой. Думаю, ему приказали меня утопить.

– Но как вы очутились у браконьеров?

От воспоминаний рассказчик поморщился, словно от за-
ноз.

– Он толкнул меня с моста. Иловые вьюны опутали ноги, утягивая на дно. Я беспомощно тонул. Помню, что выкрикивал: «Помоги! Спаси! Отец оставил мне денег!» – Тениплы по лицу мальчишки мутными волнами. Клюв упёр кулаки в подбородок. – Масляк вытащил меня в лодку. На суше я вырвался и убежал в лес. Про деньги выдумал, понятно же. А Масляк пустился следом. В зарослях мы угодили в пылевые ловушки браконьеров.

Треск веток в камине сменился затишьем.

– Прости, – тихо сожалел Горан. – Но куда ты теперь по-
дашься?

Плечи Клюва дрогнули, голова мотнулась:

– Мать умерла при родах. Где отбывает наказание отец,

мне не известно. Идти не к кому.

Следующий вопрос Горана предварило настоятельное обращение Мирны, и мальчишки торопливо направились ужинать.

За широким столом ютились семеро друзей по несчастью. Ложки постукивали о глиняные тарелки, отправляя в голодные рты жареные овощи. Попадались сочные кусочки тушеной куропатки. Свежий хлеб пах степью. После редких глотков воды и чёрствой еды, сладкий компот из сушеных ягод и мятные пряники рассыпались изысканным угощением, с которым уже ничто и никогда не сравнится по щедрости вкуса.

Девочки казались тросточками в просторных платьях Мирны. Левое надплечье Исмин белело чистой повязкой, но тени под глазами выдавали смертельную усталость. Эфа молчаливо жевала пряник в углу стола. Горан впервые рассмотрел её лицо. Вымытые волосы обрамляли его фарфоровый овал копной мелких каштановых кудрей. У неё был вздернутый носик, щеки от продолжительного голодания впали, тени залегли под миндалевидными глазами фиалкового цвета. Брови в чёрной росписи каплевидных завитков, пушистые ресницы. Губы потрескались от высокой температуры, на пальцах серели следы ударов и царапин, белели бугристые шрамы давних ожогов. Эфа перехватила его внимательный взгляд и зарделась.

Добавки никто не просил, поглядывая боязливо на Мир-

ну. Хозяйка дома задумчиво всматривалась в окно, в лесную даль.

Горан прокашлялся и выразил общую мысль:

– Словами трудно передать нашу благодарность.

Мирна, вздрогнув, обернулась на его голос. Взгляды беспризорников окружили её пугливым ожиданием.

– Мы постараемся отплатить, – Клюв стыдливо поглядывал на хозяйку дома, – чем сможем.

– Пустяки. Всего лишь бескорыстное гостеприимство. – Она с сочувствием улыбнулась, замечая, насколько плен исказил болезненной серостью детские лица. – Вы наелись хотя бы?

Гости закивали, боясь потревожить обволакивающую тишину дома.

Злата начала собирать тарелки.

– Я уберу, – остановила её Мирна. – Вы едва держитесь на ногах.

Тами действительно клевал носом о стол. Уц потормошил его за плечо, и тот обеспокоенно начал озираться. Мальчугану на мгновение показалось, что кров, сытость и безопасность – всего лишь желанный сон замерзающего в бреду. Он уже видел такие сны в клетке – манящие остаться в грёзах навеки.

Мирна повела их за собой сквозь узкий коридор в кладовую. На лес опускались сумерки, а ей ещё требовалось найти недостающие травы для грудного эликсира и мази. Она

остановилась, звучно ударила каблучком ботинка по доске пола. В образовавшейся щели пальцы её проворно отыскивали металлическое кольцо. Потянув за него, женщина явила гостям погреб. За стеллажами с соленьями вверх вели ступени – внутрь дерева, минуя золотистые жилы, питающие ветви. В крохотные дупла просачивался бархатистый свет вечера. На их шаги белки с писком разбегались, прячась; птицы пугливо ворковали в гнездах.

Дерево служило дивным укрытием. От ступеней в стены ответвлялись округлые углубления. «Здесь одиннадцать тайников, – пояснила Мирна, указывая на лежаки, напоминающие формами морские раковины. – Темно, но безопасно даже в лютые морозы. Корни под домом греют землю. Древесина тёплая, попробуйте, – приложила она ладонь к сухим бороздам стен. – Вы не замёрзните, здесь не обнаружат преследователи. Внизу есть туалет. Ваши грязные вещи я собрала в корзину. Размещайтесь, тем временем найду покрывала и подушки».

Клюв вызвался помочь. С Мирной вдвоём они принесли жесткие шерстяные пледы и ромбовидные подушки. Мирна пожелала приятных снов, оставляя кувшин с водой и кружку, а над укрытием Эфы – шар с грозowymi скатами, дрейфующими в тумане. Мягкое сияние окутало рыхлые изгибы дерева. «Я скоро вернусь с лекарствами. – Она укрыла Эфу покрывалом, заботливо погладив по голове. – Лоб горячий. Жар вновь нарастает. Злата, зови меня, если кашель усилит-

ся, и приглядывай за Исмин».

Мирна тихо удалилась прочь, оставив беглецов в фантастическом муравейнике дерева. Эфа хрипло кашляла, забываясь беспокойным сном.

Злата лежала на ступень выше Горана.

– Думаешь, ей можно доверять? – обратилась тихо. – Мирне?

– Это стоит спросить у того, кто привёл нас.

– Мне она нравится, – сонно признался Тами, рисуя пальцем узоры на тёплой древесине. Его тайник находился напротив Златы. – Где она научилась знахарству?

Клюв заложил руки за голову, наблюдая танец теней вокруг млечного шара с грозowymi скатами:

– Ее воспитала семья крадушей. Они умели вырезать тайники в деревьях, не нарушая питания и крепости кроны. Мирна говорит, что семена этих оловянно-деревянных великанов упали с неба с расколом Альфатум.

– Что стало с той семьёй?

– Гончие... Выжила только Мирна. Она бежала в Клету, где ее приютил Хадуг.

– И твой отец?

– Тами, ложись спать. Вон, Уц наверху видит десятый сон.

Уц что-то невнятно бормотал в полудрёме, ворочаясь тревожно.

– Мне интересно.

– Тебе всё интересно, – усмехнулся Горан. – Клюв, – обра-

тился серьёзно, – почему ты не сбежал от Зуха сюда, в укрытие?

– Пытался один раз, но... побоялся, что они обнаружат меня. У Хадуга и Мирны маленькие дети. Иногда я приходил за лекарствами, предупреждал о пылевых ловушка браконьеров.

– Зух бил тебя?

– Редко. Чаще дубинку прикладывал его беззубый брат. Или Масляк.

– Почему? – Горан скрестил руки на груди. – Почему вы расставили ловушки на крадушей?

– Эти ловушки предназначались косулям. Вы угодили туда волей случая.

– А Эфа, Уц?

– Они скрывались от гончих. – Клюв сел, всматриваясь в спящие тела бывших узников. – Уц с братом обокрали казначея Клеты, потом лавочников. Про Эфу ничего не знаю. Даже под розгами не вскрикнула ни слова. У неё болезнь. Я встречал таких в доме ипата: в детстве их поят отравой змеядов и получают молчаливых слуг. Думаю, она прислуживала где-то, пока не попала на глаза гончим.

– Но она говорит, – напредила Злата. – Редко и всё же...

– Всё же она – крадуш, – рассудил Горан, – с вами зелья непредсказуемы.

– Да, – кивнул Клюв. – Эфа рассказывала мне о маме. Трагедия... Браконьеров коробило от её немоты – решили отпу-

стить, но Масляк прознал, что за крадущей могут щедро заплатить. Потом схватили Уца, вас. Зух искал выгодного покупателя.

Горан поёжился от воспоминаний плена, интересуясь:

– Зух вышел на змеядов?

– Да. Вы в розыске. Стоило только шепнуть в толпе, и...

– Таких врагов сложно обмануть, – сокрушался чудесник.

– Клюв, пойдём с нами, а? – предложил Тами обещанием невероятного приключения.

– Куда?

– В твердыню. Ты столько всего знаешь. Разве у тебя нет мечты?

Клюв натянул плед до подбородка:

– Есть, как у всех.

Эфа вновь закашляла. Исмин бредила во сне. Злата шепотом рассказывала Горану, чем Мирна лечила девочек: травы, каменные порошки, амулеты.

– Она поможет им. Я знаю, – уверил Клюв, мысленно вступая в битву со страхом.

Дети притаились в тепле, кожей впитывая защищенность прочных стен, пахнущих опилками и горечью смолы. Где-то снаружи шумел ветер, убаюкивая сомкнуть веки и забыть о тревогах. Тишина воцарилась в волшебной обители. Белки, взмахнув пушистыми хвостами, пробрались по ступеням мимо неподвижных подростков в дупла. Воркование птиц стихло. Покой укрыл одеялом снов.

Ночью возвращалась Мирна: поила Эфу отварами, втирала мази и меняла повязку на руке Исмин. Девочки с трудом осмысливали происходящее, сморенные недугом. Крадуши спали, не ведая переживаний вдали от жестокости и преследований. А Горану вновь снилась Башня Воспитанников, его комната. Он смотрел сквозь решётку окна на альтургов, поражаясь близости чуда. Громкий хлопок двери заставил птиц испуганно вспорхнуть в грозное небо. Горан обернулся. В его комнату со скрежетом ворвались тени многоликих...

2

Дни потекли размеренной чередой. Опасность погони миновала, и крадуши покинули мрак укрытия, вновь радуясь солнцу, шуткам и горячей еде. Каждый пытался себя чем-то занять. Вещи были выстираны, дом вымыт, убран двор. Исмин помогала собирать Мирне травы для лекарств, обучалась врачеванию. Злата сидела с детьми. Малыши Мирны привязались к хмурой девочке – Злата, окруженная их звонким щебетанием, стала понемногу отдалять панцирь недоверия, забывая о шрамах, гончих и змеядах. Уц не отказывал ей в помощи, с хмурым видом, но принимая участие в шалостях братьев малышки Эли. Эфа шла на поправку, по-прежнему мало разговаривая. Даже Мирна не смогла помочь: несколько слов в день – всё, на что были способны поврежденные голосовые связки Эфы.

Скучать Эфе не девал Тами. Он шутливо прозвал её Рыбкой, а себя – Цепким Крабом, умеющим часами рассказывать о сущем пустяке. Тами бывал везде и всюду. Ходил с Клювом охотиться на перепёлок. Пилил с Уцем сухие деревья. Носился по степи с детьми Мирны, распугивая мышей и птиц. Любопытное личико Тами гримасничало в каждом мероприятии. Вернувшийся из Клеты Хадуг взял на себя львиную долю внимания, но вскоре Тами опять начал виться хвостом за Гораном, невероятно раздражая его докучливым по-

вторением «ничегошеньки» и «трепещите». Единственным местом, где кудесник мог отдохнуть от бесконечного стрекота Липучки, стал лазуритовый пруд. Тропы к нему вились по скользким камням, но тишина того стоила. Горан брал с собой книги, блокнот, чернильную спицу и скрупулезно выводил линии маршрутов, пока удочка ожидала клёва.

Хадуг, в свои тридцать пять лет поседевший до макушки, пережил не одно нападение змеядов и покушение гончих. Он пообещал ребятам помочь добраться до Клеты и сесть на корабль. Талая унесёт их в Шерт за два-три дня. Мирна отговаривала от путешествия: «Настала зима. Оставайтесь сколько нужно. Вы ещё дети – гонитесь за мифом, который в действительности окажется руинами».

От путешествия отговаривала и Ализ. Иногда Горан спорил с ней, иногда соглашался, но чаще – грустил, когда образ ворожеи исчезал с тенистой поверхности пруда. Их общение возвращало его в стены Башни, на лучезарные улочки Янтарного града, по которым они бродили, смелые и наивные, – окрыленные предчувствием великого будущего, чудесных открытий и грандиозных свершений.

– Я теперь придумываю сказки. – Злата с улыбкой метнула взгляд на истрёпанные книги возле детских кроваток. Мальчишки крепко спали, Эли кривила во сне бровки. – Уже все прочитала.

На Злате вновь синело платье, подол которого она ак-

куратно починила цветными нитками. Детская напоминала драконье яйцо, увитое вьющимися растениями. С потолка свисали огневики и радужных цветов птички. Горан устало приблизился и опустился на скамью рядом со Златой:

– Они привязались к тебе.

– Я стараюсь помочь Мирне.

– И ты привязалась к ним. Злата... – Горан настойчиво смотрел в глаза. – Тебе известно не хуже меня.

Она не злилась на его предупреждение, скорее – печалилась.

– Им не грозят ужасы. Я ведь желаю добра. Это только мои мучители. – Она сжала ладони напротив груди, всматриваясь в безмятежные лица детей. – Остип бредил моими сказками. И Азар. Я часто придумывала им небылицы, а они верили. Но потом...

– Появились многоликие? Братья видели их?

– Все видели. Все, кто жил рядом.

Эли беспокойно открыла глаза. «Ш-ш, спи, звёздочка». Злата погладила девочку по бледной щеке. Эли беззвучно зашевелила губами, почесала лобик и сонно сомкнула веки.

– Пойдём, Горан. В дереве уже, верно, погашен свет.

Ночью Горана разбудил плач. Он открыл глаза, всматриваясь в синеву тлеющего шара в изголовье. Жалобные всхлипы тонули в полумраке стен. Возле постели Златы стояла боконогая Эли. Она тянула Злату за руку, испуганно призывая:

– Плоснись, Злата. Мне стлашно. Злата...

Горан приблизился к малышке, обнял её холодные плечи.

Ночная сорочка не задерживала тепла – Эли дрожала, выстукивая зубами боль.

– Иди на руки, – распахнул он ладони.

Девочка вздрогнула, её глазки незряче посмотрели сквозь

Горана:

– Злата, они здесь! Здесь!

Детский визг пронзил мирную тишину дерева. Горан поднял Эли на руки, стремясь унять баюканьем плач. Крадуши вскочили со своих постелей – все, кроме Златы, застывшей бледным изваянием в полумраке норы. Тами тряс подругу за плечи:

– Очнись! Злата, что с тобой? – Холод кожи казался мертвенным. – Злата!

Ресницы ее дрогнули, глаза с ужасом посмотрели впереди себя.

– Что случилось? – тихий голос выдавал предчувствие беды.

– Эли приснился кошмар. – Горан покачивал на руках всхлипывающую малышку, не представляя, как ещё, кроме механических поворотов влево-вправо, утешить хнычущего ребёнка.

По ступеням поднялась Мирна, за ней с топором в руке озирался Хадуг. Эли притихла в объятиях матери. Инцидент исчерпался двухминутным объяснением. Но утром пришло

понимание: беглецам пора уходить. Монстры крадушей просочились сквозь стены пристанища сумрачными тревогами, отравляя уют семьи невидимым глазу злом.

Горан бросил лазуритовый камушек в тихий пруд. Второй, третий... Серая гладь подёрнулась от всплесков зыбью. Он сидел на коряге уже час в ожидании Ализ. Удочка лежала на тропе бесполезной палкой. Холодок гулял меж тонкими деревцами морковного цвета. Высокие дубы немощными старцами дремали под хмурым небом.

– Горан?.. – нарушил покой леса мелодичный голосок. – Ты должен быть осторожен со знаками.

– Прости, – он поморщился, виновато осматривая крошку лазурита, – я спешил, я... пришёл проститься. – Кудесник справился с волнением, выравнивая интонацию: – Мы двигаемся в путь. Не знаю, когда теперь смогу увидеть тебя.

Точеное личико Ализ приобрело беспокойное выражение.

– Куда?

– В Клету. А дальше...

– Горан, одумайся! – её умоляющий голос звучал приглушенно. – Гончие обнаружат вас – и пощады не миновать.

– Не желаю больше спорить.

– Я пытаюсь уберечь тебя.

– Оставь! – Горан поднялся, понимая, что слов поддержки ему не услышать. Раньше она видела в нём победителя, а теперь – изгнанника, не способного мыслить разумно.

– Горан, – ласковый голос задрожал колокольчиком, – ты ведь осознаёшь: крадуши – монстры в человеческих обликах. Ты изучал историю, видел их безумие. Горан, – в синеве её глаз вспыхнули молнии, – как ты можешь ставить мечту выше жизней невинных людей?

– Ты многого не понимаешь.

– Чего не понимаю? – взмахнула Ализ рукой. – Что ты знаешь об их грёзах? Если ты укажешь им путь к твердыне, они погубят нас. Всех нас. Одумайся! Вспомни о семье!

– Всё иначе, Ализ! – вскричал Горан, заводя нервный шаг по кромке.

– Ты не представляешь последствий! – Отражение ворожеи плыло за ним призраком, серое платье струилось дымкой. – Ради чего ты ведёшь их в сердце запретной магии Царны? Это месть?

– Что? Нет!

– Ты испуган, но обиды не стоят того...

– Ализ, прекрати.

В груди Горана заклокотало чувство несправедливости: он не предатель! не трус!

– Ты уже обозначил маршруты. Вообразить страшно, Горан, твердыня...

– Я не веду их в твердыню грёз, – сокрушенно произнёс кудесник, останавливаясь. – Никогда не вёл.

– Не вёл? – Ее светлый лоб омрачило сомнение: – Но зачем этот побег? Риск? Странствие? Ты просчитал путь... ку-

да? Куда ты торопишься привести их?

– В Янтарный град, Ализ. Они – мой единственный шанс на помилование.

Глава 9

1

Хадуг свернул с волчьей тропы в заросли клиновидных трав, налипающих колючими семенами на ноги. Лес оживал трелями птиц, иней таял в лучах поднимающегося солнца. Крадуши двигались за безродным охотником вольной стаей. В рюкзаках и котомках лежали свёртки с пирожками, прочная одежда защищала от утренней сырости – роскошное снаряжение в затруднительных обстоятельствах побега.

Долговязый Уц и миниатюрная Эфа шагали в новых сапогах и овчинных дублёнках – подарках Мирны. Прощание получилось мучительным. Малыши умоляли остаться. Эли плакала, цепляясь за длинную юбку Златы. Но родители понимали: они не могут приютить опасных созданий.

Утром Горан вдоволь наслушался нареканий на исковерканную ядовитыми чарами судьбу. Он поглядывал на спутников украдкой, гадая, почему их настолько тяготила особенность, дарующая невообразимое могущество. Ранее кудесник полагал: крадатели душ по природе своей склонны упиваться злотворной властью. Он не испытывал к ним жалости, ясно представляя на что способен один их тревожный взгляд, одно гневное касание. Мудрецы града научились

ограничивать влияние наследников Альфатум, их способности. Но видели ли они за собственным страхом детей?

В записях Бахаря говорилось, что крадуш мог родиться в любой семье: достаток, положение, родословная не имели значения. Не существовало защиты от проклятия, и напротив – предрасположенности. Все в Царне знали о жестоких колдунах из потусторонних миров. О том, что звезда, раскаленная ими, сорвалась с небес, дабы принудить жителей провинций к рабскому повиновению. Среди млечных созвездий Альфатум разбилась о волшебное сияние Алефы. Но осколки её падали каждый год в чернолесья слепой ночью, пагубным отблеском заглядывая в колыбели младенцев. Стоило только открыть глаза, когда краткая вспышка пронзала округу громом, – древняя магия находила пристанище, обрекая ни в чём не повинное дитя на участь презренного чудища. Всего лишь алый всполох, секундный блеск света, – и судьба рушилась, а мыслями овладевала тьма.

– Иди сюда, хитрая! – зазывал Тами лисицу, хромающую позади вереницы странников. Он заметно отставал, надеясь, что зверь ослабит неприязнь. Столько лакомств пожертвовал Тами на приманки, но питомица Мирны упрямо избегала крадуша. – Иди. Ну же. Лапушка, – мурлыкал Тами. Он достал пирожок из сумки. – Ещё теплый. М? – протянул хвостатой.

Лисица остановилась, опасливо повела носом. Жёлто-карие глаза пытливо осматривали улыбчивое лицо благодете-

ля.

– Липучка! – Горан вернулся взять любопытного мальчишку за руку, словно пятилетнего. – Потеряться решил?

Крадуш перебирал ногами, оглядываясь на изумрудную плутовку.

– Я хотел погладить её. Она ведь ручная совсем. Я уже гладил ушко, когда Мирна лечила ей лапу. Первый зверь, который так близко ко мне приблизился.

– Думаю, она сожалеет.

– Глупости!

Тами озирался, кусая пирожок и бросая его ломтики лишице. Та пренебрежительно обходила их, грациозно прыгая по камням на тонких лапах. Злата шла впереди, за Клювом. Она краем глаза следила за Тами и Гораном, с трудом вникая в рассказ идущего рядом Уца. Клюв выводывал у Хадуга о крылатых рысях:

– И они существуют? Не шутите?

Хадуг кивнул.

– Зух полжизни потратил, чтобы выследить их, – удивлялся охотник, – а они скрывались вблизи чернолесья!

– Здесь они пробыли осень, – повествовал Хадуг. – Теперь отправятся в леса на крайнем востоке провинции Орд. Бегут от змеядов к Спящим скалам. По пути занесут вас в лес Клеты.

Хадуг перекинул арбалет через плечо и начал взбираться по каменным выступам на холм. Лиственные деревья ре-

дели в стройном войске хвойных богатырей. Еловые эфиры придавали свежему воздуху смолисто-горьковатый привкус. Под ногами шелестели сухие иголки, палые шишки. Подошвы грузли в сырой песок.

Между елей островками высились плоские камни, в расщелинах которых синевой неба любовались родники. Из воды по камням змеились мшистые ветви кустарника в бусинах-ягодах.

– Ждите за камнями, – предупредил Хадуг, направляясь к роднику. Спустя несколько шагов он остановился, обернулся. – Есея! – позвал с улыбкой. Крадуши удивлённо переглянулись. – Меня они слушать не станут.

Мимо обеспокоенных ребят рысцой пробежала лисица. Она мимолетно взглянула на притихших путников. Ускорив движение, оступилась; справившись с хромотой, вспрыгнула на камень – кувырок – напротив Хадуга шаг продолжила юная девушка в бело-коричневом платье. Она стряхнула с рук капли воды и осерчало оглянулась на колышущиеся лужицы. Ее изумрудное тело напоминало гибкую ветвь, серые волосы на висках пламенели золотисто-красными косами. Уголки удлинённых глаз были опущены вниз, от них до изгибов рта тянулись тонкими узорами чёрно-желтые линии. Изломанные брови сурово нависали над белыми, словно в снежинках, ресницами. При взгляде в безмятежную высь губы распрямила горделивая улыбка. Голова незнакомки запрокинулась.

«А-ла-ты!» – прокричала она звонким голосом к небу. Эхо раскатом покатилося по лесу. Зубы щёлкнули, пальцы девушки сцепились. Горану подумалось, что зов её пролетел сквозь всю Царну и отбился от крепостных стен града. Надкушенный пирожок выпал из рук Тами: «Ничегошеньки!»

Изумление крадушей сменилось беспокойством, когда верхушки сосен качнулись, потревоженные вторжением. В просветах крон мелькнули сизые крылья. Ветер засвистел над лесом бурей, песчаная пыль запорошила глаза. Когда ребята смогли видеть ясно, на каменные плиты опустились огромные, размером с медведя, рыси.

Крылья обрамляли пятнистые тела щитами. Шерсть морд и кисточки на ушах отливали гладким шелком. Густой и высокий мех придавал грозному облику мягкости, но широкие глаза поблескивали оранжево-красными карнеолами, источающими магматический жар.

Хадуг поманил крадушей подойти ближе. Шепоток восхищения могучими существами стелился за шагами.

– Кто она? – спросил Тами охотника, глядя на девушку, которая ласково поглаживала клыкастых хищников.

– Есея – перевертыш – дух скалистых лесов, – пояснил Хадуг. – В провинциях таких лесов – единицы. В них воздух весной расцветает сиянием опалов. Я видел картины, но в её рассказах скалы дремлют под щебет птиц и пение ветра в еловых кронах.

– Почему она хромает?

Хадуг помрачнел:

– От капканов змеядов нигде не скрыться. С алатами она пересекла огромное расстояние от Звёздных гор, мимо снежных пиков Мориона – до заповедников Ловища. Теперь их путь лежит в непроходимые леса древности.

Исмин поравнялась с Тами. Дети почтительно наблюдали за волшебными существами, такими же, как сами они: уникальными, сверхъестественными и... преследуемыми.

Взобраться на крылатых рысей оказалось трудной задачей. Есея поглаживала животных по холке, мелодично напевая песенку на птичьем языке. Хадуг усаживал ребят на спины, объясняя, что к туловищу алата нужно прижаться и обхватить руками шею. «Крылья не позволят упасть», – успокаивал он. Трудности возникли с Исмин. Зверь рычал на девочку, не подпуская строптивыми взмахами лап.

– Они всегда так со мной, – Исмин замерла в двух шагах от огромного существа, боясь шелохнуться. – Все животные.

Огорчение туманило её взгляд. Алаты зашумели крыльями.

– В тебе – дрожь земли, её гнев, – напомнила Есея, маня встревоженного зверя к себе плавными жестами. – Он испуган. Мы полетим вместе.

Рысь удалось успокоить. Хадуг посадил Исмин за спину девушки-перевертыша. Осмотрев густые заросли можжевельника, он торопливо приблизился к Горану:

– Покажешь это Морису. – Его рука вложила в ладонь Го-

рана ястребиное перо, на котором белой краской изображалось дерево без листвы. – Он поймет. Вчера я отправил с ястребом послание.

– В прошлый раз змеяды перехватили записку.

– Нет. Мой Цепуш быстрокрыл и осторожен. – Хадуг сжал ладонь кудесника, с надеждой заглянул в глаза. – Присмотри за Льваном, за всеми ними, – доверчиво произнёс, словно ровеснику. – У них нет защиты. Только мечты...

Горан кивнул. Лицо онемело от противоречивых эмоций, пусть он давно и приказал себе не терзаться сомнениями.

– Держитесь крепче! – громко обратился к крадушам Хадуг, усилием возвращая голосу прежнее спокойствие, движениям – энергичность. – И удачи вам! Каждому вашему шагу!

Крадуши пугливо обняли плотные шеи, встающих на крупные лапы рысей. Они неотрывно смотрели на Хадуга, Клюв едва сдерживал слёзы. Расставание увеличило воспоминания неохватно... Погожие деньки, вечерние посиделки у камина в самоцветах, когда за окнами бушевал ветер, а внутри дома царил уют. Крылья расправились. Алаты вспорхнули ввысь, унося странников прочь из надежного пристанища в смутную даль будущего.

Полёт похищал в шальные вертикали виражей. От резких снижений захватывало дух. Солнце рассеивало утренний туман тетивой лучей. Вихрь эмоций. Свист ветра в ушах заглушал ликующие крики. Земля раскачивалась внизу пёстрым

океаном, где – ни единого селения: пустоши, объёмные гряды деревьев. С высоты птичьего полета Ловище выглядело укромной колыбелью спящих лесов, скрывающих от суетливых людей идиллию природы.

Сверкнула хрустальная лента воды. Приток Талой. Кораллом внизу распростёрся лес. Рыси широко взмахнули крыльями.

Парение замерло.

Мир вдруг начал безудержно лететь вниз. Горан вскрикнул, жмурясь от страха, что зверя пронзят копыя крон. Крыло заслонило обзор. Алаты пронеслись сквозь деревья. Горан оглянулся, понимая, что, закрывая себя крыльями, рыси превращают преграды в дымку. Большого испуга кудесник не испытывал: алат не огибал препятствия – штурмовал, устремляясь бесстрашно в скалистые вершины, дубовые столбы. Лес таял, не оказывая их стремительному движению сопротивления. Деревья выросли позади крылатых существ непроглядной стеной. Чудеса. В подобное никогда не поверишь на слово.

Алаты оставили всадников на окраине Клеты, у тихой заводи. Столица Ловища – неприступная крепость, обросшая мелкими селениями, как грибами дерево.

– До ночи здесь безопасно, – предупредила Есея, задерживаясь возле дрожащих ребят. Полет не прошёл бесследно: ноги крадушей подкашивались, сердце выстукивало дробь, – и только глаза блестели диким восторгом. – Держитесь воды.

Избегайте открытых полян.

Горан кивнул, в знак признательности прижимая ладонь к сердцу.

– Берегите себя! – Тами опасливо шагнул к девушке, скрывающей тревогу за каменной отчужденностью.

Она кротко улыбнулась; взобравшись на рысь, вздёрнула острый подбородок, становясь чужой им странницей.

– Прости, что докучал тебе, – с сожалением признал Тами, опуская взгляд. – Я просто никогда не видел лисиц. Я просто... хотел подружиться.

Есея замерла вполоборота к расстроенному мальчишке.

– Знаешь, речистый забавник, – обратилась к Тами с лукавым блеском в лисьих глазах, – вопреки убеждению, мысли твои не ранили. – Не скрывая строгого изумления, она отыскала взглядом Горана. – Вы многого о себе не понимаете. – Есея погладила алата за ухом, сердечно признаваясь: – Нет ничего злоторного в желании дружить. Искреннее чувство сильнее колдовства. Вместе вы отыщите твердыню.

Сизые крылья унесли последних союзников под полог туч.

Собирался снег. Горан скомандовал двигаться в противоположную от гранитных башен селения сторону. Заводь Талой тянулась по правую руку расплавленным свинцом. Заросли чернильного кустарника синели сухой листвой. Путь затрудняли корни ив, ветерок расплетал мокрые косы ветвей. Хадуг предупредил шагать до утеса в хвойной шубе. Крадуши всматривались в заросли, прислушивались к ред-

ким вскрикам птиц. Вскоре лысеющие деревья смешались с пушистыми елями. Гальку под ногами выместили наросты дымчатого кварца.

Высокий утёс скрывал за собой могучие воды Талой. На волнах покачивалась шхуна с ядовито-зелёными парусами. Крадуши ускорили шаг. Им навстречу из-за скелетов кварца появился худощавый человек в просторной серо-чёрной одежде.

После краткого приветствия, путникам кивком представился капитан корабля:

– Морис. – Он молчаливо пересчитал их, догадываясь, что за гости забрели к причалу.

– Мы от Хадуга, – выступил Горан вперед, протягивая ястребиное перо. – Он обещал, вы доставите нас в Шерт.

Приятеля Хадуга ребята представляли матёрым морским волком. Но бравым капитаном быстроходного судна оказался щуплый парень лет на пять-шесть взрослее Горана. У него было круглое загорелое лицо с глазами цвета дегтя, которые удивительным образом казались лучистыми, выдавая неукротимую жизнерадостность волноборца.

– Цепуш принёс весточку. – Морис, прищулив глаз, улыбнулся, изучая боязливых незнакомцев. С Хадугом он дружил с детства – отказ в помощи приравнивался к предательству. В послании говорилось о потерявшейся группе воспитанников приюта. Высадить в Шерте, вдали от посторонних глаз. Морис не видел сложностей: каюта вмещала вдоволь

спальных мест. Товарами борт заполнится в укромных га-
ванях крепости Узоречья. Но интуиция, не раз спасавшая в
плаванье жизнь, оцетинилась ежом. Морис протянул руку в
приглашающем жесте: – Это моя «Гусеница». Прошу на па-
лубу. Мы отплываем на закате.

У забортного трапа странников встретила немногочис-
ленная команда. Двое матросов, больше напоминающих
борцов-трюкачей, нежели покорителей водной стихии, по-
могли юным пассажирам подняться на борт. Из-за тёмного
загара черты их лиц сливались в маски угрюмости с проре-
зьями светло-серых глаз. Морис пояснил, что они – братья,
Як и Сатап. Некоторые из крадушей изобразили приветли-
вые улыбки. Насупленные лица – матросы не скрывали недо-
вольства. Пассажирам не обрадовался и повар, беззубый ста-
рик Рапак. Правда, решение капитана никто оспаривать не
стал. Команда стоически выслушала имена гостей и удали-
лась с видом бдительных патрульных.

Морис сопровождал ребят в просторный трюм, оборудо-
ванный под каюту. Повсюду гамаками висели сети. В настен-
ных фонарях тусклый свет источали камни: малиново-пур-
пурные гиацинты и жёлтые огневики. В углах возле сундуков
и бочек лежали соломенные тюфяки, под квадратными ил-
люминаторами стояли лавки. Без нареканий каждый нашёл
себе местечко. Поужинав сдобными угощениями из свёрт-
ков Мирны, крадуши притихли в ожидании сумерек.

За мутными стёклами закружились белые хлопья.

– Снег! – восхищенно произнес Тами.

Все посмотрели за борт. Крупные перья туч плавно рисовали в полумраке спирали.

Непогода усиливала чудовищные страхи плена. Эфа дремала в гамаке. Её недуг отступил, но путешествие отняло силы. Злата разместилась на лавке, возле Тами, безуспешно стремящегося разглядеть снежинки в сгущающейся тьме. Горан поглядывал на них с расстояния пяти шагов. Рядом с гамаком Златы сопел в полудрёме Уц. Исмин притаилась в углу за сундуками.

– Клюв, ты видел снег? – обратился Тами к охотнику, сидящему на тюфяке у лавки.

Прозвучал сонный ответ:

– Да.

– Не вообще, а сейчас. Взгляни, снег идёт! Вон, в окне, – не отвязывался Липучка, с восторгом тыча пальцем в мрачный квадрат стекла.

– Там ничего не видно, – вразумил его проснувшийся Уц, откинув с лица шапку.

– Да, – уныло признал Тами. – Но завтра... завтра всё станет белым, – заулыбался. Нам плыть два дня?

На ступенях раздались шаги. В трюм спустился капитан.

– При благоприятном ветре, завтра мы достигнем разлива на Шерт. – Морис осмотрел пассажиров. – Все здоровы?

Крадуши вяло закивали. Усталость требовала сомкнуть веки, забыться на несколько часов, но незнакомое место и

беспокойная река не позволяли ослабить бдительность. За бортом затевался шторм, да и возраст капитана не вселял спокойствия.

– Вы ходили под парусами в снегопад? – спросил Горан, присевшего на бочку Мориса.

– Да. Ещё позволяет погода. Снегопады пришли с Офитового моря, но мы обгоним их. Берегам Узоречья пока не грозят метели.

Эта новость немного порадовала путешественников. Горан надеялся прибыть в град до непроходимых сугробов и трескучих морозов. Судно покачивалось, вызывая неприятные спазмы в желудке. Почему его одного мучило от малейшего крена? Крадуши поддерживали милую беседу с капитаном, который ненавязчиво пытался выведать больше информации. Тами нараспев хвалил Хадуга и Мирну. А Горан задумчиво осматривал ребят. Что он сам, в сущности, знал о них? об их опасных умениях? о мечтах, которые вели в твердыню? Из шести крадушей один Клюв не изъявил желания отыскать цитадель грёз. Он надеялся обнаружить след отца в одиночку. В Шерте скрывались тысячи шансов и возможностей. Даже для нищего крадуша. Тем лучше. Горану с лихвой хватало проблем с остальными.

Морис ушёл в кормовую рубку, оставив скрытных пассажиров в покое. Расспросы не принесли результатов: подростки молчали о своём прошлом с рыбьей замкнутостью.

Позднее время действовало снотворной пылью. Путе-

шественники заняли самые дальние от входа гамаки. «Гусеницу» встряхивало буйное русло Талой. Горан достал блокнот Бахаря. В приглушенном свете строчки сливались в линии, но чтение отвлекало от тошнотворной качки. О крадушках Бахарь собрал много сведений, пригодных скорее для казни, нежели для примирения.

– Я рассказал ей столько секретов, – прошептал сокрушённо Тами, болтающийся в гамаке рядом.

– Кому? – Горан потёр щеки, пытаясь сосредоточиться на словах.

– Есее. Лисицей она слушала. – Тами безвольно смотрел в потолок, сгорая от стыда. – Почему она меня слушала?

– Из любопытства, – едко заметил Уц. – Всем интересны крадуши.

– Она тоже нас презирает?

– Тами... – сдался вопросам Горан, – крадуши опасны для перевёртышей.

Скептический вопрос Клюва вынырнул из полумрака:

– Прочитал в книге?

– Да.

– Что там пишут о нас? – спросил Тами с затаённым волнением.

– Ну, сведения достаточно разные...

Клюв хмыкнул:

– Ничего хорошего.

Горан перелистнул страницу с изображением костлявого

монстра.

– Почему же? Я не прочитал ещё и половины.

– Когда я был маленьким, мне снились кошмары, – вспоминал Клюв. – Я прибегал в спальню отца и забирался к нему под одеяло, дрожа от страха. Он рассказывал мне о лесных животных, чтобы я успокоился и уснул. Иногда вспоминал охоту. В первую охоту неумелый отпрыск ипата пронзил ему стрелой грудь. Отец чудом выжил, лекари вылечили расщепление. Я почему-то отчетливо представлял себе весь ужас ранения, всю непредсказуемость рока. – Клюв повернулся к слушателям. – Оружием я интересовался, сколько себя помню. Наверное, все тринадцать лет, – он усмехнулся. – Отец гордился, что я пойду по его стопам. Но после того рассказа о ранении мы стали видеть один и тот же ужасный сон – его сон: стрела арбалета вонзалась мне в сердце. Отец кричал, тряс меня и плакал, не в силах понять, что это всего лишь видение. Преследующий ужас. Он запретил мне присутствовать на охоте, и я часто уходил жить в заимку Хадуга. Кошмар преследовал отца, ввергая в безумие.

Тишину нарушал тихий плеск волн. Горан понимал, что за молчанием каждого здесь скрывалась не менее горькая история.

– Вы обречены оживлять кошмары и страхи, – сухо констатировал кудесник. – Отравлять реальность людей жуткими иллюзиями. Даже непреднамеренно.

– Горан, тебя тревожат они? – спросил вкрадчиво Уц. –

Наши кошмарные видения?

«Что мне известно о ваших видениях, если вы скрытны, как моллюски? А, впрочем, к лучшему». Горан мотнул отрицательно головой:

– Редко. Но мне и обмануть вас не по силам.

– Значит, ты обманщик? – удивился Клюв.

Шхуна накренилась. Камни в фонарях вспыхнули ярким светом и вновь поблекли.

– Кудесник, – подтвердил Горан. – Мы тоже обладаем талантами, но не настолько... разрушительными. Сила внушения краткосрочна и слишком тягостна для меня.

– Ваше племя обучают отслеживать нас.

– Мы не гончие.

– Велика разница?

Горан столкнулся взглядом с Клювом.

– Они преследуют, а мы – всего лишь пытаемся изучить и понять.

– И крадуши пополняют коллекцию мудрецов.

– Ерунда.

– Что они с ними делают там? – спросил Уц.

– Где?

– В Гранитном замке? Как поступают с крадушами?

– Мудрецы пытаются перевоспитать детей.

– А если гончие обнаружат уже взрослого крадуша? Ты видел там стариков? – выяснял Клюв. – Ты видел когда-нибудь старика-крадуша?

– Нет, но... есть записи, – пальцы кудесника листали страницы. – Описаны случаи, когда гончие обнаруживали крадущей в преклонном возрасте. – Горан, холодея, догадывался, как с ними поступали. Он захлопнул книгу, отгораживаясь от жутких картин. Смерть невозможно одобрить. Но «Они или мы!», – гласил призыв Казмера. – Изоляция – выход, – заверил. – В граде научились усмирять ваш недуг.

– Недуг, – скривился Клюв. – Царну не постиг хаос. Почему? Если крадушам удавалось до старости разгуливать на свободе, почему провинции не заполнили толпы обезумевших людей?

– Изоляция – выход, – настойчиво повторил Горан.

Перешёптывания стихли. Ребята смотрели на него в недоумении.

– Так считают Велирадовичи и Совет мудрецов, – смирив грозную интонацию, пояснил кудесник.

Горан не желал спорить. В Шерте они добудут ветвь, а если нет – их умения проложат дорогу в град. Кудесник предупредил, что проведёт спутников тайным ходом сквозь крепостные стены. Ложь. Тайный ход выведет к мудрецам.

Тихий голосок Златы кольнул его вопросом:

– Ты видишь в нас угрозу и при этом разделяешь путь?

– Я такой же изгой. Ради исполнения мечты стоит идти на риск.

2

Утром, открыв глаза, Горан ужаснулся: над ним возвышался птицеголовый монстр с когтистыми лапами. Горан дернулся. Монстр заговорил встревоженным голосом Уца:

– Морис зовёт на палубу! С тобой всё в порядке? Эй?

Горан прикрыл ладонью рот. За ночь качка превратила его желудок в воспаленный комок, а теперь мерещилась ужасная галлюцинация с глазами коршуна.

– Я полежу немного. Эти волны... – Горан закрыл глаза, но монстр проступил из тьмы сознания.

Оживлённый голос Тами стучал в колбу видения:

– Горан? Гора-а-ан!

Тами обхватил плечи кудесника, встряхивая. Птицеголовое чудище растаяло. Вокруг выросли стены пустого зала ораторов в Башне Воспитанников. Янтарные столы лоснились медовым глянцем, расходясь полукольцами вверх. Он любил засиживаться здесь, слушать лекции, истории воспитателей, – даже нудные монологи мудрецов, которых воспитанники провоцировали на дискуссии. Горан протянул руку. Луч из витражного окна упал на неё холодным светом видения. Он сделал глубокий вдох, но запах тины не желал исчезать.

– Очнись!

Его вновь встряхнули за плечи. Хмурой тучей нависал

Клюв.

– С тобой что-то неладное творится, – заметил Уц, робея за спиной охотника.

Злата стояла по правую руку с кружкой воды наготове.

– Я в порядке! – Горан спрятал лицо в ладонях. – Просто... нужно немного полежать.

– Ты кричал, – беспокоился Тами. – Тебе снился кошмар? Тем братьям в соседней каюте привиделось, что гарпуны проббили корабль.

Крадуши переглянулись. Тема, затронутая вечером, сегодня обрастала подтверждениями. Шумные разговоры взволнованных ребят не произвели бодрящего эффекта. Горан провалился в сон.

Иллюминаторы запотели. Злата поднялась на палубу. Покатые берега, наблюдаемые ею утром, сменились каменистым ущельем. С воды поднимался туман. В кормовой рубке у штурвала стоял капитан, и она поднялась к нему, осматривая развеваемые на ветру вымпелы и флаг с гербом Ловища в виде скрещённых ножей на стреле. Кислотно-зелёные паруса бесстрашно взирали на горизонт глазами мифических птиц с рыбьими хвостами. Корабль – небольшое, но маневренное судно из угольной древесины – изящное, как лодочка, больше напоминал бабочку, чем гусеницу.

– Где мы? – Злата посмотрела на палубную надстройку.

Матросы проверяли опоры мачт.

– Приближаемся к разливу, – ответил Морис, сосредото-

ченно наблюдая за зернистой далью берегов. Руки его крепко сжимали штурвал. Голос не выдавал обеспокоенности: – Туманы здесь – обычное дело. Скоро мы свернём к Узоречью, видимость вновь восстановится. Солнце движется к зениту.

Серые клубы пара сгущались, точно корабль плыл по грозовому облаку. Остроносые выступы камней окружали потревоженными тенями хозяев местности. Холодный ветер стихал. Воздушные потоки казались тёплым дыханием неба. Злата приблизилась к кромке. Вода за бортом источала белую дымку, будто вскипая. Внезапно в мутной глубине мелькнуло нечто.

Злата отшатнулось.

– Что здесь за рыбы?

– Что?! – Морис с труд перекрикивал шум рассекаемой воды.

– Крупные рыбы здесь плавают?! – громко повторила она вопрос.

– Да, попадаются в сети порой кулообразы с тебя. Но чаще – мелкие чернопёрки. Там Рапак уже сварил уху. – Морис крепче сжал руки на штурвале. – Поешьте, пока горячее.

Злата ещё раз выглянула за борт. «Гусеница» бесстрашно буравила пустые волны.

В камбузе беззубый Рапак молчаливо накормил юных пассажиров ухой. Игнорируя свой немощный вид, двигался он ловко и варил на удивление вкусную похлёбку. Побродив немного по палубе, ребята опять спрятались от недружелюб-

ных взглядов матросов в каюте.

Горан лежал в полуобморочном состоянии. Тами учил Эфу писать буквы. Уц, укрывшись дубленкой, дремал на тюфяке. Исмин и Клюв спорили о создателях ловчих ям. За окнами скользили завитки пара, не вызывая ни в ком любопытства. Одна Злата мучилась страхом.

Она накинула пальто и стала подниматься по трапу. В окружении каменных штыков ограниченная видимость не позволяла спокойно убивать время. На задворках сознания Злату угнетало предчувствие. Ей требовалось следить за курсом, ясно видеть берега.

Резкий толчок вжал её в стену.

«Что это? Со дна?» – вспыхнули позади вопросы.

Наверху голос загремел командами.

Злата взбежала вверх по ступеням. Шхуну раскачивали волны. Коренастые матросы бегали по палубе, будто всполошенные пожаром. Крики про рангоут³ и шкоты⁴ перекрывали шум брызг и скрип матч. Толчок. Злата упала, чувствуя: шхуна кренится. Казалось, «Гусеница» катится по наклонной дороге неисправной повозкой. Пальто соскользнуло с плеч. Злата, цепляясь за голые доски, полетела на палубную надстройку. Сетчатые оконца ограждения обвили тонкие болотистые прутья. Что-то тенью поднималось над ней, грозя потопить шхуну. Злата, преодолевая боль в плече, обер-

³ Рангоут – название устройств для постановки парусов.

⁴ Шкот – снасть для растягивания нижних углов парусов.

нулась. Ее оглушительный крик слился с визгом безглазого монстра. Девочка сомкнула глаза, вновь убегая в чернолесье. Вместо острозубого чудовища в травянистых щупальцах из тумана проступили алые глаза многоликих. Они загудели голосами, обретая очертания речных скатов. Видение вспыхнуло белым светом. Монстр задрожал, пронзаемый иллюзией крадуша. Его жалили огнём раскаленные хвосты призраков. Шхуна качнулась – и резко выровнялась на волнах.

«Гремуши змеядов! Гремуши! – дрожали голоса. – Лево руля! На якоре! Скалы!»

Злата попыталась подняться. На палубу выбежали ребята. «Злата!» Ее правую ногу обвил скользкий отросток и поднял, словно колосок, в воздух. Всё закружилось перед глазами: люди, паруса, бурлящий поток реки. Бородавчатые монстры, напоминающие громадных жаб, обвивали хрупкий корабль, несущийся на скалы. «Лево руля!» Голоса заглушил раскатистый рёв пятнистого чудовища. Его пасть разомкнулась, капканы зубов клацнули, готовые заглотить добычу, но вращение внезапно прекратилось. Монстр замер с открытым ртом, по каменным зубам сочилась серная слизь. Нос отчаянно втягивал воздух, но щупальца-водоросли остекленели неподвижно в воздухе. Злата посмотрела вниз. Эфа рукой касалась одного из отростков, обездвиживая усилием слабеющей мысли.

Хватка жгута на ноге ослабла. В ужасе Злата поняла, что падает. Тело рухнуло в бурлящий поток, лёгкие сжались без

воздуха. Повсюду петлями скручивались водоросли. Визг монстров проник в уши эхом боевого клича. Злата отчаянно хваталась за воду руками, понимая, что безудержно оседает на мутное дно. Под шхуной мелькнула фигура. Человек приближался к ней, спешно огибая сплетения щупальцев. Злата закрыла глаза, вздрогнула конвульсией и сознание померкло.

Закашлявшись, Злата едва сдержала рвоту. Болотистая горечь жгла горло, слёзы размывали зрение. Она осознала, что жива, что под телом твердеют доски. Над головой развевались кислотно-зелёные паруса. Корабль дрожал – Тами умолял Исмин успокоиться. Голова Горана заслонила туманный обзор: «Ты цела?» Злата кивнула и вновь занялась кашлем, до конца не понимая, каким чудом оказалась на палубе. Ветер рванул с запада, поворачивая шхуну. Эфа пошатнулась, Клюв успел схватить её за руку, удерживая от падения.

«Отклонение от курса!» – кричал Як возле фальшборта. Но косяк шипящих чудовищ перерезал путь на Шерт. Они пенили воду, пытаясь схватить щупальцами жуткие тени птиц. Злата приподнялась на локте, взгляд её отыскал Уца. Он стоял неподвижно у мачты, всматриваясь в кишашую гремушами реку. Гипнотический взгляд его руководил фантомами отвлекающих птиц. Капитан рванул штурвал влево, избегая столкновения с валунами ущелья. Голоса стихли. Пассажиры в немом потрясении наблюдали, как ветер бесповоротно уносит судно от берегов Узоречья.

Глава 10

1

Ущелье осталось позади. Вокруг раскинулись пепельные широты Талой. Сгущались сумерки, превращая пасмурные черты берега в тонкие линии.

Злата отвела взгляд от иллюминатора и посмотрела на ребят. В подавленном состоянии они сидели рядом на тюфяках: привалившись спиной к стене, обхватив согнутые колени, локтем упираясь в лавку. Морис попросил их спуститься в каюту больше часа назад. Шаги на палубе стихли. Мнилось: корабль дрейфует к цели, но перед глазами настойчиво всплывали образы монстров, каменных глыб и отдаляющегося поворота на Шерт. В ушах ещё звенели угрозы моряков бросить за борт визжащих детей. «Гусеница» миновала разлив – единственную возможность причалить к берегам Узоречья. Теперь ветер самочинно вёл корабль в опасные земли Федарии.

– Нужно с ними поговорить, – решил Клюв, вспльчиво направляясь к двери.

Уц с видом крайнего разочарования скрестил руки. Ребята зашептались. Горан призвал охотника остановиться:

– Не зли их, Клюв! Брат Яка ранен. Дай им время.

Злата опустила колючий плед с головы на плечи. Её мокрая одежда сушилась на тресе за бочками. Теперь на ней, как и на Горане, серели матросские вещи, найденные в сундуке каюты. От стука в дверь Злата непроизвольно вздрогнула.

– Заперто. – Клюв опять навалился спиной на массивную преграду двери. – Откройте! – колотил в гневе. – Эй!

Горан и Уц переглянулись.

Клюв сделал полукруг и, немного успокоившись, вернулся в гамак. Он некоторое время лежал молча, прожигая невольников взглядами.

– Что будем делать? – с упрёком задал вопрос.

Печально вздохнув, Тами покосился на Горана. Крадуши ожидали от кудесника обнадеживающих фраз.

– Ранен матрос, – рассудил Горан. – Винт барахлит. Они не станут нас держать взаперти. Кораблю нанесён ущерб. Им потребуется помощь.

Слова не произвели должного успокоения.

– А если нас решат продать? – напустился Клюв. – Или отдать гончим?

– Они – безродные.

– И что это меняет? – возмутился Уц, потирая ушиб на лбу. – Этот Як угрожал нам расправой.

– Он испугался, – заметил Горан. – Они поняли: крадуши на борту...

– Мы все испугались. – Клюв поднялся и начал расхаживать мимо ребят. – И что? Что, крадуши? Эфа обездвижи-

ла монстров, а Уц увёл их прочь от шхуны. Мы боролись за каждого пассажира. Но когда Злата тонула, команда молчаливо бездействовала.

Горан склонил голову, напоминая:

– Они старались удержать курс. В команде посчитали, что гремушей навлекли мы.

– Посчитали! Ты сам едва не утонул, ныряя за Златой! Если бы мы не нашли верёвочный трап, трос...

– Клюв прав, – кивнула Исмин. – Вода бурлила, вас затягивало в воронку. Если бы винт двигателя не остановили водоросли, спасти было бы некого.

Пауза упала якорем. Нахлынули воспоминания разрывающихся волн, ужасной качки и криков. Горан до сих пор спрашивал себя, почему так бездумно прыгнул в воду? Он видел, как монстр выронил Злату, как пятно её синего платья исчезало во вспененной пропасти. А далее – только обрывки действий и сопротивление притяжению дна.

– Зачем нам вообще ждать их решение? – Уц приблизился к двери полководцем. – У нас достаточно сил захватить корабль. Пусть бегут как крысы!

В полумраке каюты коршунами взметнулись тени.

– Прошу, успокойся, – настойчиво обратилась Злата к Уцу, лицо которого раскраснелось от ярых призывов к бунту.

Крадуши замерли, пугливо улавливая мелькания фантомов.

– Мне жутко от них, – признался Тами, боясь поднять опасливый взгляд.

Тени трепетали, смыкая кольцо полёта. Взмах. Тишина. Взмах.

Тьма пожирала комнату.

Уц глубоко вдохнул, возвращая мыслям спокойствие; осуждающе осмотрел нерешительных спутников и опустил-ся на тюфяк.

– Боятесь? – с обидой спросил. – Серпы отвлекли гремушей.

К нему повернулась Злата:

– Серпы?

– Крылья моих призраков в полете напоминают серпы.

Похожи на дозорных соколов гончих?

Злата поморщилась, когда тень призрака холодом упала на её лицо:

– Убери их.

– Чудовищам они не страшны, – зловеще улыбнулся Уц.

Фантомы прекратили кружение. Камни в фонарях вновь вспыхнули светом. Горан достал из рюкзака атлас, где в конце в алфавитном порядке перечислялись мистические существа Царны.

– Что читаешь, кудесник? – спросил Клюв.

Горан задумчиво принялся пояснять:

– О серпах Уца нет ни слова. Есть кое-что о гремушах, – скользнул он пальцем по сплетённым завиткам строчных

букв. – Они обитают на речном дне. По природе своей безвредны. Питаются рыбой и редко показываются на поверхности. Агрессивными гремушей сделали змеяды.

– Перерожденцы идут по нашему следу, – тревожно напомнил Клюв. – Откуда они узнали?

Уц искоса взглянул в иллюминатор:

– Глупо было надеяться, что сможем сбежать от них.

– Мы опять в клетке? – тихий голос Эфы прозвучал звуком чужим, потусторонним.

Она потёрла шею, намереваясь задать ещё вопрос, но закашлявшись, только беззвучно пошевелила губами. Исмин приблизилась и перевернула её руки ладонями вверх. Кожу покрывала болотно-красная сыпь.

– Злата, подними штанину на правой ноге, – попросила Исмин, невольно вытирая руки о свитер.

Ребята стихли, наблюдая похожую красноту, воспалённым жгутом обвившую ногу Златы.

– Прикосновения гремушей ядовиты, – прочитал Горан и захлопнул книгу. – Со временем сыпь разбухнет волдырями и начнёт чесаться. Исмин, ты можешь это вылечить?

Дверь со стуком распахнулась. На пороге с фонарём в руке стоял Морис. Он тяжело дышал, угрюмо всматриваясь в лица крадушей.

– У Сатапа лихорадка. – Он уронил взгляд, сам не понимая на какую помощь рассчитывал. – Я о вас мало, что знаю, – признал обречённо. – Но наши лекарства не помога-

ют. Его укусил гремуш.

Капитан тяжело вздохнул, плечи его в страдании опустились. Одежду покрывали пятна пота и грязи. Бледное лицо искажала усталость, отчаяние. Группка крадушей пронизывали капитана враждебными взглядами, скрывая страх. Они всего лишь дети, испуганные, как он сам.

– Мирна научила меня несколькими снадобьям. – Исмин отыскала в своём рюкзаке холщовый мешочек с пузырьками и травами. – Но мне не хватает двух ингредиентов.

В глазах Мориса вспыхнула надежда:

– Каких?

– Слизневых водорослей и хвойных ягод. Нужно посмотреть на кухне. Кажется, Рапак добавлял их в уху.

В каюте теснились люди. Горан, Клюв, Морис, Як и даже немощный с виду Рапак, склонившись над кроватью, держали руки и ноги кричащего от боли Сатапа. Исмин зашивала рваные раны на плече и груди, увитой белой росписью дерева без листвы. Рука девочки проделывала ровный стежок, описывая полукруг в воздухе с дрожью. Корабль покачивало на волнах, фонарь над головой пугливо затухал и вспыхивал. Исмин взглянула на обморочно-бледных мужчин и утёрла рукавом пот со лба. Ей показалось, что каюта сейчас окончательно расплывётся пятнами.

Она тряхнула головой. Новый стежок. Исмин вспомнила мать. Мысли загудели событиями прошлого. Рыбаки часто попадали в зубы акулам. Множество рваных ран, таких, как

эти. Но рука матери никогда не дрожала, и Исмин, помогая ей, всегда восхищалась хладнокровием хрупкой, застенчивой по натуре женщины, бесстрашно вступающей в бой с недугом. Что сейчас она бы сказала ей? Не бойся. Исмин до боли сжала простынь в левой руке, правой – направляя иглу. Она бы сказала: не бойся и береги время.

Исмин покрыла швы мазью, позаимствованной из огромного кладезя секретов Мирны. Сладковато-гнилостный запах вызывал тошноту. Горан зажал рот рукой и поплёлся на свежий воздух. Исмин перевязала раны, устало отсела от безвольно лежащего на кровати матроса. Пот капельками каптался по его лицу, вены вокруг укусов вздулись. Страшнее ядовитой кожи гремуша – только его зубы.

– Это поможет? – спросил Як, нависая над Исмин постовым.

Переживания за брата немного умерили пыл его ненависти к ужасным пассажирам, но волнение налило глаза буйством быка.

– Мазью Мирна лечила животных. Их кусали ящерицы, запущенные в леса змеядами. Я не могу обнадёжить...

– Мы опоили его твоим зельем, мелкая ведьма, а ты не уверена?

– Мои друзья тоже отравлены.

– Вы – одна помесь! Только люди страдают...

– Як! – шагнул к матросу Морис. Напряжение дня скрутило нервы до предела. – Ты переживаешь за брата, нам всем

тягостно, но... больше некому помочь.

Як не шелохнулся с места; взгляд его присмирел, он с жалостью осмотрел измученного страданием брата. Рапак, держась за поясницу, похлопал матроса по плечу, выражая поддержку. Исмин попыталась подняться, но каюта погасла, словно во сне. Сердце глухо стукнуло в груди. Хотелось плакать. День выдался ужасно долгим, кошмарным, мучительным.

Руки Клюва подхватили ее под локти. «Идём», – он повёл девочку прочь из каюты, угрожающе поглядывая на Яка. Морис, волоча ноги, вышел следом, но остановился у ограждения палубы рядом с Гораном.

– Поворот не осуществить? – спросил кудесник, вглядываясь в темноту горизонта, неподвластную свету звёзд.

Ветер налетал порывами, но жар смятения служил призрачной броней.

– Двигатель неисправен. Ветер против нас.

– Мы можем пристать к берегу.

Морис сморщил нос и плачевно мотнул головой:

– Федария – провинция, где патруль гончих выставлен через шаг. А «Гусеница» у нас – шкатулка диковин: безродные, крадуши и беглый кудесник. Мы в безопасности в широком русле. Хотя, учитывая, сколько тварей водится в воде...

Горан искренне признался:

– Мы сожалеем. Даже представить не могли, что навлечем на команду беду.

Капитан отмахнулся. У него уже не осталось сил на злость.

– Туманы разлива многие годы служили надёжным занавесом, но местность в нём гиблая. К опасностям привыкли. Капитан этого судна, мой дядька, утонул там, бросившись на призрачный зов ущелья. И всё же... торговля – наш единственный заработок. На причале Шерта семья безродных сейчас ожидает спасения. А мы здесь. Плывём неведомо куда.

Морис, горестно вздохнув, развернулся уходить.

– Постой! – очнулся Горан от размышлений. – Где вы причалите к берегу?

Капитал пожал плечами:

– Будем ползти к озеру Корвум.

– Это же граница с Морионом! – Горан сделал глоток воздуха, чувствуя, как все его планы рушатся окончательно и бесповоротно.

– Верно, кудесник. У чернолесья нам безопаснее всего.

2

Противоядия Исмин помогли. Сыпь на теле Златы и Эфы прошла. Лихорадка измучила Сатапа, но с ран ушло воспаление, а затем схлынул жар. Враждебность Яка сменилась пристальным наблюдением. «Гусеницу» подлатали. Мощности сломанного двигателя хватало только на вялое сопротивление течению. Морис не решался развернуть судно, боясь, что его унесёт к берегу. Солнце пригревало. Корабль опережал наступление зимы.

Рапак угощал детей засахаренными леденцами, но приготовленную им уху больше никто не решался есть. Пассажиры ловили рыбу, наблюдая за сменой красок горизонта. Над Талой парили чудные птицы с зеркальными гребнями – крылатые искры над серебряной чешуей воды. А вечерами капитан рассказывал небылицы из многочисленных плаваний. Ребята смеялись, уличая его в обмане и забывая на краткие минуты о страхах. Открывшуюся местность каждый знал только из карт Горана, но россыпи звёзд над рекой ночами опускались давними приятелями. Треснутый винт двигателя глох, делал обороты и опять глох. Они просто плыли, изредка покачивая рулём. Одни сутки. Вторые.

На четвертый день на горизонте показались изломы безлесных гор. Крупнейшее озеро Федарии – Корвум – питало Талую из глубокой чаши бассейна кристально чистой водой.

На его берегу жили родители Уца.

Вечером Морис высадил подростков в портовом селении Чум. Когда крадуши покидали корабль, команда не скрывала облегчения. Обменявшись пожеланиями удачи, странники простились с капитаном. Безродные плыли в укрытие людей своего опального племени, а путешественники устремились вслед за Уцем в его дом.

Жители Чума населяли округлые бледно-оранжевые здания, походящие на тыквы в разноцветном мхе. Улочки разделяли гладкие дорожки прозрачных камней. На кукурузных деревьях висели призматические фонари с огневиками. Земля Федарии стоически сопротивлялась холодам. Семьи ещё собирали урожаи с огородов, детвора носилась по улочкам в лёгких одеждах. Ребята шагали, вдыхая влажный воздух, согретый лучами, и молчаливо поражались: что толкнуло Уца сбежать из настолько укромного места?

Уц вырос на окраине «тыквенного» селения. Калитка скрипнула на несмазанных петлях. Двор встретил запустением. Сорняки вились до колен, жестким ворсом стелясь к берегу озера. Уц, не слыша вопросов, толкнул поцарапанную дверь деревянной избушки. Крадуши за его спиной смолкли. Уже на пороге чувствовалось: дом покинут. Окна взирали на них треснутыми стеклами. Воздух нежилых помещений гнал сквозняками прочь.

Три комнаты: кухня, спальня и детская – в убогой обстановке и битых вещах. Повсюду налётом темнели пыль, грязь,

мусор. Уц ходил по шаткому полу, осматривая мебель, выискивая некое разумное объяснение кошмару. Ребята толпились на пороге, не решаясь остановить его метания. Вдруг они замерли, насторожённо смотря на калитку. Фигура в коричневом плаще начала неспешное приближение: низенькая старушка брела к незнакомцам с мужественным взглядом, будто на встречу с призраками. В ореоле капюшона её большеглазое лицо казалось большой пуговицей.

Уц прекратил бродить бесцельно, почувствовав тревожное затишье.

– Бабушка Хильруд?.. – Он начал медленно шагать к ней, озираясь по сторонам. Ноги не желали гнуться, шаркая по полу палками. – Где родители?

Старуха что-то произнесла на непонятном, цокающем языке и протянула руки. Уц, ссутулившись, шагнул в объятия. Их сомкнутые фигуры затряслись в плаче.

– Они пришли прошлой весной. Трое. Длинные плащи, алые лоскуты, булавы, – старуха говорила медленно и с акцентом. Болезненные воспоминания давались ей испытанием. – Сказали, что вы с братом уличены в воровстве. Спрашивали о тебе, Луций. Перевернули вверх дном мебель.

Уц сидел за столом напротив старухи изваянием. Занавески скрывали тьму улицы. Крадуши облепили стулья рядом со взволнованным мальчишкой, жуя без аппетита вязкую кашу с кислым хлебом. Дом старухи Хильруд, соседки семьи

Уца, имел всего одну комнату. В ней царил порядок, каменная печь полыхала дровами. Но теснота лишала надежды на укрытие. Даже в таком процветающем уголке, как Чум, тощей тенью ютилась бедность. Стояла уже глухая ночь, но никто не решался заговорить о сне. Повсюду витало безутешное горе.

– Мы пытались выжить, – признался Уц, стыдливо опуская взгляд. – Я надеялся: Паго воротится домой.

Старуха поджала губы и с сожалением закивала седой головой.

– Что гончие спрашивали об Уце? – задал вопрос Горан.

Хильруд натянула на худые руки шерстяные перчатки, скрывая пятна болезни, что медленно вела её к последней черте. Поймав израненный взгляд Уца, она хрипло вздохнула:

– Месяца два назад они явились к управителю с бумагами. Многие в Чуме поддержали решение о вашей казни, Луций. Отца хватил удар. Спустя пять дней после похорон слегла мать. Их могилы в рощице за селением. Они так ждали тебя и Паго...

Уц до боли сжал кулаки:

– Гончие натравили на отца и мать всех. Никто?!.. Никто не заступился?

– Зачем вы оставили их, сынок? За год переживания сгубили Жис и Таума, будто гнойная хворь.

Исмин положила руку на плечо Уца, но крадуш смахнул

её гневно:

– Здесь все презирали нашу нищету!

– Нет, – дрожащий голос старухи заглушило обвинение

Уца:

– Все эти чопорные фермеры, хвастливые рыбаки посмеивались над инвалидностью отца и безграмотностью глухой матери. Унижения, брезгливые взгляды.

– Ты несправедлив, Луций.

– Не в этих местах говорить о справедливости! – Ненависть дрожала в его слезах. – Мы с братом бились за ломоть хлеба! Мы выживали там, среди пьяниц, грабителей и головорезов!

Старуха сцепила сморщенные ладони, и, не в силах скрывать истину, напомнила:

– Вы покинули родителей в трудную минуту. Лишили малой весточки о себе. А потом... Кому им было верить? Они не пережили позора, Луций. – Старуха прислонила ладони к худому лицу. – Нищета не порок, не говори так. Жестокость есть всюду, но хватает и доброты, милосердия. Делом побеждают лихо, тяжким трудом. А вы с Паго бежали за лёгкой монетой. Родители все силы вложили в ваше образование, в ваше лучшее будущее, но преступление...

Уц вскочил, перевернув стул.

– Неправда! – выкрикнул он. – Преступники – здесь! Повсюду за лстивыми улыбками! – указывал он пальцами по сторонам. – Они уничтожили их! Извели презрением!

Свет фонарей колыхнулся. Тени птиц мелькнули возле окон. Старуха оробела, беззвучно шевеля ртом. Раздались укоряющие голоса крадущей. Уц прекратил заламывать руки и осмотрел ребят.

– Невыносимо. Вновь эти взгляды осуждения.

Схватив с лавки дубленку, он зашагал прочь. Входная дверь хлопнула. Дом погрузился в звенящую тишину.

Злата начала застегивать пуговицы на пальто. Сейчас их заставят покинуть тепло укрытия. Старуха взглянула на понурых детей с сочувствием, в морщинах её глаз блестели слезы.

– Горе... – прошептала она. – Но он успокоится. Смирится. – Дайте ему время, – утешила, кутаясь в шерстяной кокон накидки.

Исмин с Эфой отвели скорбные взгляды. Тами поглядывал на Злату и Горана. Клюв, скрестив руки, пожаловался:

– Он слишком взбешён. А вокруг люди, причастные к смерти его родителей.

– Так он решил. – Старуха отпила воды из стакана и стёрла слёзы краем широкого рукава платья. – Луций с детства рос скрытным, очень ранимым мальчиком. Там, где следовало вынести для себя урок, он загорался злобой, где встать горой – копил обиды. Во всех его неудачах виновным был кто-то другой.

– А что его старший брат? – поинтересовался Горан. – Почему они сбежали?

– Паго старше Луция на три года. Незлобив, но безрассуден. Он подрабатывал на руднике возле чернолесья. Добыча адуляров для самих ворожей Царны! Но проворовался. Его кинули в темницу, принудили отработать украденное. Луций помог брату бежать. Больше года родители мучились в неведении о судьбе сыновей.

Горан помрачнел. Как мало он знал о своих спутниках. В плену браконьеров он видел в Уце смиренного невольника, простодушного и безобидного. Он видел в нём жертву, а потом... спрятался от предчувствий.

– Вы, верно, устали с дороги. В ту избу вам нельзя. – Старуха косо глянула на зашторенное окно. Сухой кашель сотряс кокон одежды. – У меня только стол, лавка, стулья. Еще лежанка за печью. Но за стеной печи есть сарай, а рядом – сеновал. Не осерчайте. Больше заночевать негде.

3

Горан проснулся от щекочущего прикосновения к носу. Он пугливо приложил ладонь к лицу. Янтарная букашка. Оскаленные пасти многоликих улетучились маревом. Дыхание немного выровнялось, кудесник извлёк из кармана часы. Раннее утро. Злата сидела неподалеку, смотря в грязное окно двери.

– Опять кошмар? – спросил Горан.

Она посмотрела на него с извинением:

– Видел их?

– Да, чуток, – кривил душой Горан. Сердце с трудом замедляло бой, будто монстры из коряг рычали рядом угрозой посчитать косточки. – Я начинаю к ним привыкать.

Кудесник усмехнулся – и Злата не сдержала печальной улыбки. Она не понимала, почему сны направляют её к воющему ветрами озеру? О чём жаждут предупредить многоликие? Крадуши безмятежно спали. Тами обнимал рюкзак, словно игрушку. Эфа лежала под боком Исмин. Клюв дремал на охапке сена у двери сморенным часовым. Уц отсутствовал.

– Он вернётся? – В глазах Златы вновь ожил страх. – Мы так далеки от Алефы и совершенно не знаем этих мест.

– О да, а какие места нам знакомы?

Они вновь усмехнулись.

– Всех бед не миновать. Злата, мы живы, здоровы. Что-нибудь придумаем.

Злата невесело кивнула.

– Послушай, – Горан выбрался из одеяла трав, – поищу-ка я Уца. – Чихнул – с опаской взглянул на ребят: прежнее забытье. – Поспи ещё, Злат. Кто знает, когда отправляться в путь?

Сизые тучи скрывали восход солнца. Дома Чума покоились за низкими белыми заборами в полумраке отдыха. Просыпались здесь поздно – улочки ещё пустовали. Горан прошёлся до небольшой площади с колокольной башней и домом управителя. Бусые горы возвышались над селением древней короной властелина лесов. Горан побрёл к озеру.

Бесцветная вода дрожала зыбью на ветру. Холодало. Продрогшая местность хранила таинственное молчание. Заросли рогозы и аира. Озорные холмики в колючей жёлто-зеленой траве. Чернота почвы.

Берег блестел мокрой галькой, и Горан взглянул на своё бледное отражение. Всклоченные волосы, безликие черты, растерянный взгляд. В мыслях он помнил себя степенным воспитанником лучшей школы Царны, главным претендентом на обучение в замке при стенах Алефы. Что случилось с тем храбрым мальчишкой, который трудности воспринимал как вызов? Он поднял камешек и с силой бросил в жалкий образ. Вода всколыхнулась и вновь натянулась зеркалом.

«Горан...»

С озерной глади на него взирала луноликая ворожея. Ее светлые волосы скрывала васильковая шаль в серебряных узорах. Чёрное платье обтягивало строгим костюмом.

– Вы оставили корабль. Я звала тебя, но ты не отвечал. Что случилось?

Кудесник сник под её опечаленным взглядом. Он так запутался, былая цель таяла ночной выдумкой.

– На нас напали гремуши, Ализ. Мы на озере Корвум. До града – недосягаемые мили.

Ласковая улыбка словно коснулась его души.

– Горан, Федария – оплот гончих. Если змеяды преследуют вас, не лучше ли попросить защиты?

– Защиты? – Горан изогнул бровь, представляя весь ужас плена. – Отдать их в лапы воеводы?

– Ты беспокоишься о крадушах?

Горан отвернулся, но справился с замешательством:

– Нет! Нет, я просто не доверяю гончим.

– Горан, вы рядом с чернолесьем. Озеро Корвум скует льдом, только его вод коснётся снег. В лесах орудуют безродные. Бусые горы пронизаны норами рогатых ящеров. Где ты укроешься?

– Мы справимся. Крадуши... необычные дети. Их трудно запугать.

– «Мы...» – задумчиво повторила Ализ.

Горан поджал губы, сожалея, что огорчил её. Он не хотел защищать крадушей, мысли облекались в слова мимо воли.

– Выглядишь бледной. Ты навещала родных?

– Нет, Горан. Здесь многое изменилось.

– Да, Хэварт сейчас шагает по хрустальным лестницам, – сgrimасничал Горан досаду. – Бруно и Дирк верховодят новичками. А Скурат щеголяет в значке рыцаря Алефы.

Ализ сдвинула брови, возмущаясь его иронии:

– Никто из воспитанников не поехал в Замок Воителей.

Горан глуповато улыбнулся, думая, что ослышался:

– В смысле?..

– Нам не объясняют. Если учесть, что ты был первым претендентом... Лучшим претендентом, Горан...

Волнение горячкой хлынуло в голову. Его не смогли заметить. Достойнее воспитанника не нашлось. Поделом Скурату! Все жалостливые мысли вмиг улетучились смрадным дымом. Он справится. Оправдает себя. Проявит отвагу и убедит мудрецов дать новый шанс. Он предан граду, верен клятвам. Как только мог сомневаться в себе?

Простившись с Ализ, воодушевленный кудесник торопливо направился к дому Хильруд. Светало. Чум сонно встречал новый день огнём окон, дымком горящих печей.

Горан распахнул дверь под грохот опрокинутого ведра. Под ногами расплзлась лужа. Злата бросила тряпку, смерив его уничтожающим взглядом:

– Куда ты несешься? Пол вымыт.

– Прости, – он, улыбаясь, поднял ведро. – Где мой рюкзак?

– Под лавкой.

У окна Исмин смазывала старухе руки густой мазью. Хильруд хрипло дышала, жалуясь на боли в сердце, в суставах. Эфа накрывала на стол. Горан подмигнул Тами. Мальчик на лавке тоскливо помешивал тесто в чаше. В последнее время прыгун захандрил, утрачивая прежнюю шустрость и разговорчивость.

– Где Клюв? – спросил его Горан, доставая из кармана рюкзака атлас.

– Отправился за дровами.

– Уц появлялся?

– Нет. Мы думали, ты отыщешь его.

Злата подошла к рукомойнику и намылила руки до локтя, поглядывая на читающего кудесника:

– Где ты был так долго?

Горан поднял вверх указательный палец, прося минуту терпения. Злата положила прихватку на страницу, протестуяще указывая рукой на печь:

– Твоя помощь... – её слова оборвал крик.

«Пожар!» – пронзительно грянул голос. Клюв влетел в дом, задыхаясь от скорого бега. Взгляд его метался в панике. «Что вы замерли истуканами?! Там столбы огня! Пылает весь Чум».

Глава 11

1

Длинноухая мышь юркнула в укрытие кварцитовых камней, обросших по краям мхами. На ее лиловую шерстку нацепились травинки, но любопытный грызун опасливо выставил вверх мордочку и принюхался. Разило гарью. Ветер нёс к горам валуны серого дыма. Полыхало селение. Деревья напоминали зажженные спички, обугленные венчики. Мышь дёрнула ушками, улавливая голоса. Дети. Они двигались по гальке, вдоль озера, прямо к ее укрытию. Пискнув, мышь задвигала торопливо цепкими лапками прочь. Хвост блеснул на солнце серебряной змейкой.

В круг кварцитовых камней рухнула котомка.

– Дайте отдышаться! – Клюв опустился на коврик мха в предобморочном бессилии.

Горан наклонился, успокаивая дыхание, но настойчиво потребовал:

– Нельзя останавливаться!

Злата, Исмин и Тами сели рядом с охотником. Эфа накинула капюшон дубленки и побрела к воде.

– Мы шли минут двадцать! – не унимался Горан.

– Бежали! – Злата сердито посмотрела на притязательного

кудесника.

– И кто тому причина? – Горан с раздражением скинул с плеч рюкзак.

Исмин и Злата виновато отвернулись. Он же, вперив руки в боки, обозлился на мальчишек:

– Где вы так устали?

Клюв с упрёком парировал:

– А где ты пропал всё утро?

– Искал ещё одного безрассудного крадуша!

Пребирательства стихли. Горан сделал несколько шагов вперед-назад и тоже сел на мох. Мышцы горели после пробежки. Крики жителей гудели в памяти ужасом.

– Куда нам теперь идти? – спросил Тами, апатично перебирая округлые камушки берега.

Горан осмотрелся. Лесополоса надолго не скроет их передвижения. За разделительной чертой озера очевидно возвышался ответ – горы. Нужно пробраться в убежище глыб, за ограждение чернолесья.

– Мы дойдем до конца лесополосы. – Малоободоряюще. – Там мы придумаем план.

Сколько раз он говорил подобные фразы? Вёл за собой и терпел неудачу за неудачей. Вдалеке вновь тревожно зазвенел колокол разрушенного Чума.

– Так, живее, – поторопил Горан, поглядывая на часы. – К полудню здесь будут стражники соседней крепости.

Они продолжили терпеливо огигать озеро. Выступы бе-

регов прятались в густых рощах, терялись за каменистыми холмами. Путники, размахивая руками в такт ходьбе, свернули из плотных зарослей краснотала к кромке воды.

У столбика на озёрной глади покоилась лодка. Узкую тропу занимали трое рослых мужчин в ярких повязках на головах. Тулупы, стянутые верёвками, просторные штаны, сапоги. Одежды покрывали влажные пятна. На тропе лежали сети, рядом с ними из деревянных вёдер торчали золотистые хвосты богатого улова.

Крадуши остановились. Горан едва не вскричал от досады: «Не привлекайте внимания! Шагайте. Шагайте, не моргнув глазом». Мужчины отняли взгляды от сетей и посмотрели на незнакомцев.

– Заблудились? – спросил один из рыбаков, поправляя на голове красную полосу ткани.

Ребята испуганно переглянулись.

– Нет, мы идём к горам, – сообщил Горан.

Рыбаки засмеялись. Горан тоже растянул неловкую улыбку.

– К горам? По воде что ли?

Здоровяк в кожаной повязке над бровями выступил вперёд, с подозрением осматривая подростков:

– Там пожар? – Он указал взглядом за их спины. – Чум горит?

Злата кивнула, и Клюв с агрессивным настроением подтвердил кратким «да».

– А вы чьи?

Рыбаки встали в ряд заслоном. Доброжелательность спала с их бронзовых лиц. Горан махнул рукой, притягивая внимание к себе: «Мы фермерские дети. Ежедневно ходим за ягодами в конец лесополосы. – Он старался смотреть в глаза каждому, но влияние рассеивалось, отбиваясь дрожью в пальцах. – Вы к нам уже привыкли – всегда угощаете жарохвостками⁵. – Горан шагнул к ведру и достал оттуда увесистую рыбину. Здоровяк усмехнулся. Другие – стояли, с недоумением вслушиваясь в вымысел. – Вот и сегодня мы по традиции желаем вам удачного клёва. Простите, что отвлекаем. Пять минут назад вы торопились в Чум!»

Зрачки рыбаков изумленно расширились. Они посмотрели вдаль, на плывущий туман дыма, затем – на лодку. Здоровяк в красной повязке толкнул кудесника в плечо, растягивая улыбку: «Завтра прихвати ягод с собой».

Ребята торопились, озираясь на отплывающих от берега рыбаков. Весла баламутили воду: удар – плеск.

– Нужно было забрать их лодку, – посетовал Клюв.

Злата вступилась:

– И бросить Уца?

Горан отмахнулся, замедляя шаг:

– Не переоценивайте мои возможности. – Местность раскачивалась, мысли путались. – Рыбаки очень скоро прояснят

⁵ Жарохвостки – крупные пресноводные рыбы с золотистыми хвостами и плавниками.

воспоминания.

Исмин присмотрелась к окраине лесополосы:

– И зачем мы бредём туда?

Горан усмехнулся, будто впервые задумался, куда держит путь:

– Как зачем? – удивился с серьёзностью. – Как и вчера, за ягодами.

Между деревьями струились невесомые ленты дыма. Пожар угасал, древесной горечью рассеиваясь по воздуху. Но беглецы смотрели на Бусые горы.

Спустя полчаса пути они запекли на камнях рыбу и перекусили. Набрали во флягу родниковой воды. Дым отравил небо серостью. Ветер налетал порывами, взбивая перинны грязно-сизых туч.

За изгородью кустарников и деревьев, у старого дуба, беглецы начали сооружать шалаш. Клюв и Горан криво выстраивали треугольный каркас. Тами собирал палую листву, девочки – ветки.

– Вы далеко ушли! – циничный голос Уца прервал работу.

Ребята повернулись в его сторону. На минуту установилось молчание. Дублёнка на Уце была расстегнута, штаны и рукава испачканы грязью и сажей. Лицо опухло от плача.

– Где ты пропадал?! – рассердилась на него Злата. Она бросила собранные ветки на землю и угрожающе двинулась к Уцу. – Там пожар! Оставить нас одних в месте, о котором знаешь только ты! Сбежать решил? Горан искал тебя.

Уц нервозно прошёл к поваленному дереву.

– Ну простите, – желчно произнёс. – Я был на могиле родителей.

Злость Златы утихла. Взгляды крадушей смягчились участием. Горан приблизился и похлопал Уца по спине, поддерживая:

– Мы соболезуем.

Рядом с Уцем села Эфа и, смахнув слезинку, попыталась обнять его.

Уц отстранился, устало осматривая ребят:

– Теперь искать пришлось мне. Я встретил троих рыбаков. Они твердили о многоликих чудовищах?

Злата отвернулась, и Горан пояснил:

– Ты многое пропустил.

– Она звала их? – догадался Уц. – Навлекла на Чум монстров?

– Исмин тоже не бездельничала.

– А как нам было поступить? – огрызнулась Злата. – Поселения спало, не подозревая, что пламя смыкает кольцо. Кто бы их предупредил?

– Колокол, – без прежнего порицания напомнил Горан.

– Который молчал.

– Отлично! Встряхнем тогда деревушку!

– Мы пытались спасти жизни!

Горан отдалился, не в силах более спорить. «Они правы, но...»

– Теперь в Чуме решат, что селение подожгли крадуши. – Глаза Уца сверкали ненавистью. – Зачем вы вмешались?

– Если бы ты видел... – укорял его Клюв. – Столько огня. Испепеляющий жар. Крики...

Уц обхватил склоненную голову обожженными руками.

– Видел, – признался сокрушенно. – Я не представлял, что огонь разрастётся настолько. Сгореть должна была сельская управа, продовольственные хранилища, Дом казначейства...

Ребята напротив него оцепенели. Взгляды непонимания, осуждения, отвращения налетели незримыми ударами. Клюв приблизился к Уцу – зловещему миружу.

– Это, что... ты? – Он расстегнул пуговицы воротника, но воздух чудился удушливым паром.

– Уц, где ты был, когда занялось селение? – вопрошала Злата.

Крадуши ожидали ответа нерушимыми судьями.

Уц волком посмотрел:

– А чего они заслуживали? После всей жестокости...

– Да ты из ума выжил! – Клюв набросился на Уца разъяренным псом.

Они покатались по земле, с ненавистью нанося удары. Горан и Тами с трудом оттащили охотника, вцепившегося в ворот дубленки мёртвой хваткой. Уц вскочил, выкрикнул обвинение и занёс кулак. Клюв пригнулся. Скулу Горана раскроила боль. Кудесник зарычал:

– Ты что творишь?! – Руки инстинктивно сжались в кула-

ки.

Уц присмирел, в глазах таяло сожаление. Между мальчишками появилась Злата.

– Успокойтесь! – Она вытянула руки, пытаясь держать их на расстоянии, но противники, не замечали её, немилосердно сталкиваясь взглядами.

Тами примирительно щебетал. Эфа и Исмин встали по бокам Златы.

– Ты убил людей! – выкрикнул Клюв, расхаживая в отрицании чудовищной мести. – Убил! Ты осознаешь, что натворил? – Он бойцом приближался к противнику.

Уц утёр разбитую губу и поморщился, сплюнул кровавую сукровицу в траву:

– Тебе меня отчитывать? Держать их в клетках – лучше? Это змеяды научили тебя сочувствию?

Клюв тараном набросился на соперника – повалил на землю, в воздухе мелькнул его кулак.

– Хватит! – звенящий крик Златы обездвижил всех – единственная из присутствующих крадушей, способная влиять на подобных себе.

Свет померк. Силуэты деревьев вспыхнули алыми глазами, щупальца призрачного мира алчно потянулись к каждому из крадушей. Со стороны подростки напоминали слепцов, в ужасе обороняющихся руками от штурмующих сознания призраков.

Злату окружили голоса друзей, молящих о помощи. Она

открыла глаза, дыша учащенно. Силы улетучились вместе с видениями.

Ярость мальчишек ослабла.

– Тебе лучше уйти, – сникла Злата, глядя на Уца с сожалением.

Он затравленно осмотрелся.

– Гоните прочь? – Его беспомощность наливалась злостью. – Нас – единицы. Единицы, кто протянет руку помощи «скверному» крадушу, кто увидит в нём человека.

Злата отшатнулась от его распахнутой призывно ладони.

– Мирна протянула, – напомнила вкрадчиво. – Хадуг. Морис, даже ворчливый Рапак. И Хильруд. Кого ты видел в нас, когда поджигал селение?

Тьма чернолесья вынуждала Уца покорно молчать. Он был готов слушать одну Злату, верить ей и идти следом. Но... она разочаровалась в нём – болезненный исход, сокрушающий.

Уц отряхнул с дублёнки листву и грязь. Взгляд его клеймил каждого, кроме Златы: «Предатели!»

– Твой кудесник обманет тебя, – предрёк Уц, смилив гордыню, делая к ней шаг навстречу. – Сейчас ты теряешь верного союзника.

Злата потупила взгляд куда-то в непроглядную бездну. Её тело замерло, лицо окаменело неприязнью. Уц хладнокровно кивнул своим ревностным мыслям, устало побрёл без оглядки. Фантомы птиц, сделав петлю вокруг крадушей, спрятали

загнутые когти, сомкнули острые клювы и скрылись прочь за хозяином.

2

Вечер опускался мглой. В шалаше не хватало места – ребята сидели кучно, как воробушки в гнезде, поглядывая на невзрачные ряды деревьев. Горан закрывал щели шалаша листвой, раздумывая, куда теперь направить взор. До ближайшей рыболовецкой крепости полдня пути. Они упустили лодку, прогнали Уца. Горы манили в укрытие, но по воде не пойдешь.

– Горан, возвращайся – погрейся! – позвал Тами.

Кудесник взглянул на часы. Скоро стемнеет.

Он влез в конусообразный шалаш, прервав появлением разговор. Ребята, сожалея об изгнании Уца, теперь вели спор с совестью.

– Мы поступили правильно, – твёрдо произнёс в пустоту Клюв. – Я понимаю, что не в праве судить. Но отец говорил всегда, что обиды – желчь безумия. Вспомните, к чему оно приводит.

Эфа, утерев слёзы, согласно закивала. Исмин издала тяжёлый вздох.

– Где он теперь? – обеспокоенно спросил Тами.

Злата прислонилась к стволу дерева, смыкая веки. Взгляды ребят измучили её любопытством.

– Он слишком непредсказуем, – высказался Горан, памятуя обвинения Уца. – И потому опасен. Давайте лучше об-

думаем дальнейший маршрут.

Кудесник достал из рюкзака атлас. Эфа засветила огонек. Полумрак шалаша развеяло янтарное свечение камня, вобравшего за день слишком мало лучей для стабильной яркости.

– Эта лесополоса – наше последнее укрытие. Далее начнётся каменистый берег – до крепости Стылых. Крепость живет за счет рыбного промысла. Там раздобудем лодку. Думаю, если выйдем до восхода солнца, к вечеру сможем рискнуть переправиться.

Клюв коснулся пальцем озёрной глади – и вода на карте заплескалась красками:

– Все селения и крепости оповещены.

– У нас есть время, – убеждал Горан.

Тами потёр руки, поглядывая на дыру вверху шалаша. Его дыхание вырвалось с паром:

– Мороз.

Все беспомощно покосились на открытый вход.

– Я закрою.

Горан высунул голову из укрытия в поиске веток, оставленных для латания щелей. Тлеющий луч солнца пронзил сумеречную пелену туч. Осеннее тепло покидало Федарию. Ни одной ветки вокруг. «Должно быть, я забыл их у бревна». Горан вылез и неторопливо зашагал по хрустящей листве. Холод покалывал кожу. «Неужели мороз?» И тут его щеки коснулась ледяная капля. Перед глазами медленно парили

белые хлопья. «Снег!» Горан посмотрел вверх и обмер. Над верхушками дубов скользил серпокрылый сокол.

Из шалаша показалась голова Тами:

– Горан, ты не видел мою варежку?

Горан рукой махнул ему прятаться.

– Что случилось?

Отступив за дерево, кудесник попятился к шалашу. Тами воскликнул восторженно: «Снег!» На радостное объявление показался Клюв. Охотник сделал шаг, возмущённо хмуря брови при виде высунувшего язык Тами. «Клюв, смотри, – ловил ртом снежинки Липучка. – Леденцы». Клюв ухмыльнулся; поддавшись грациозному танцу пушистых кристаллов, раскрыл ладонь, но замер при виде испуганного лица кудесника. Над головой пронзительно заскрежетал крик сокола. Их обнаружили.

– Гончие! – напустился Горан, проталкивая Клюва в укрытие.

Сделав щель среди веток, он рассмотрел, как птица, описав круг, устремилась в сторону Чума.

– Они нашли нас. Хватайте вещи. Уходим!

Ребята суетливо надевали рюкзаки, сбивчиво спрашивая Горана о соколах в надежде, что ему показалось. Клюв подтвердил предупреждения.

Все испуганно выбрались из укрытия. Снег сеялся липкой пудрой.

– Нужно бежать!

– Куда?

– Как нас выследили?

Оказавшись на берегу, Горан крутнулся лихорадочно. Открытая местность. Два сокола превращались в чёрные точки на дымчатом небе.

– Погоня прибудет. Ни одного укрытия.

Слабый голосок Эфы уничтожил панические споры:

– Взгляните, – шепнула. – Вода замерзает.

Беглецы посмотрели на густую синеву озёрной глади. Снежинки тонули в водах, словно волшебный эликсир, создающий камень. Кудесник нерешительно ступил на растущие стрелы белого льда. Корка озера пошла трещинами.

– Слишком рискованно! – окрикнула Исмин.

Дети заметались у кромки, всматриваясь в дрожащую снегом картину гор. Убежище так близко – так далеко одновременно.

– Соколы возвращаются! – заметила Злата, отшатываясь в ужасе от видения разъярённых многоликих. Она открыла глаза, прижимая пальцы к гудящему виску. – На них аль.

Эфа ступила на лёд.

– Стой!

Немая девочка оглянулась на третьем шагу. Глаза, полные страха и... решимости. Молочные узоры росли под её ногами шестиугольными звёздами.

«Безумие!» – выдохнул Горан, доверяя вес тела стихии. Воды белели криолитом. Подростки побежали к горам.

Озеро трещало, сопротивляясь замораживающей магии. Снег слепил глаза, в ушах стучала кровь, но беглецы не оставались. Впереди ещё синели воды, твердея за минуту до ударов подошв. Каждое движение приближало к пропасти. Только зыбкая поверхность твердела: перья снега растворялись в воде меловой краской, смиряя могучий Корвум.

– Скорее, – подгонял Горан. – Скорее. Скорее!

Над головой скрежетали крики дозорных – соколы вели за собой гончих. Лёд сотряс удар. Горан обернулся. Рассекая искры, в стекло берега вонзились шарами красно-фиолетового огня шиповые булавы. Лёд од ногами задрожал, пронзаемый багровыми стрелами света. Пять фигур в чёрных плащах вновь бросили булавы, надеясь запустить трещинами разлом. Глухое эхо грома – опора под ногами беглецов не дрогнула. Змейки света разбились о стеклянные многогранники звёзд, просачиваясь на дно грязным дымом.

Подростки скрылись за глыбами камня, пока берег тонул в скорых воронках снегопада. Соколы кружились над головой, хищно снижаясь и вновь взвиваясь в рассыпающиеся магией тучи.

Ребята ринулись сквозь колючие заросли кустарников: молчаливо, стискивая зубы от боли царапин, ударов ног о камни. Деревья чернолесья темнели сажей коры, растапливающей пуховые крупы туч. Злата обратила взгляд на озеро. Гончие неслись летучей стаей плащей по льду. Слишком близко. За спинами беглецов вспыхнули сферы глаз много-

ликих. Ветвистое подножие гор ожило, закачалось, сплелось в изгородь, закрывая ребят от яростных преследователей.

Горан раскрыл атлас. В грудах камня не прослеживалось даже намека на укрытие. Деревья взвыли, и соколы метнулись к озеру, пугливо клича гончих.

– Это ловушка? – спросил Клюв, приближаясь к Злате.

– Не знаю. – Она с сомнением всматривалась в заслон деревьев. – Похоже... чудовища задержат вторжение. Но нужно спешить.

Беглецы начали удаляться вглубь леса. Миллиарды ледяных пылинок скрывали следы. Волшебная сказка снегопада, призванная напоминать людям о чудесах, окружала сыпучими стенами. По пятам крался бесшумный враг – мороз. Свет потускнел, оставив плацдарм наступающим ужасам ночи. Исмин хаотично мотала огневицом, выискивая следы животных, но чернолесье существовало в потёмках тайн. Тропы спутывались. Грозные чудища оживали в рогатых деревьях.

– Они слушаются тебя? – спросил Клюв, оглядываясь на привидения из палой листвы.

Всюду вспыхивали красные глаза с острыми зрачками белых искр.

Злата мотнула головой, теряясь в ориентирах:

– Я не звала их. Лучше ускорить шаги.

Остановка – верная смерть. Погибнуть обезличенным злом в ведьминой пасти лесов – уготованный крадушам итог жизни, которому беглецы бросили вызов. Вызов жестокому

приговору, предубеждениям града толкал двигаться, не сдаваться. Ноги едва ворочались сквозь насыпи льдистого песка. Во тьме угасала надежда. Горан брёл впереди, высвечивая горбатые фигуры деревьев и монолиты камня. Позади звучали всхлипывания, шёпот. Скрип снега. Укрытие леса редело, уступая владению гор. Мороз бил щелчками нос и щеки, хватал за руки.

Кудесник споткнулся; с трудом восстановив равновесие, всмотрелся в кромешный мрак под ногами. Бусые частицы кварца вились мерцающей дорожкой: серые, зеленые, жёлтые цвета. Он потёр огневик, ведя кругом света по кварцевой крошке. Луч высветил зияющую дыру в камне.

– Вход в подземелье. – Горан опустил огневик. Руки ослабли от переживаний, а радость немела где-то внутри, сдавленная усталостью. Как и предупреждала Ализ: – Укрытия рогатых ящеров.

Многоликие прекратили конвой. Кровавые точки глаз исчезли. Крадуши толпились за спиной кудесника, с опаской поглядывая на зигзагообразный вход. Эфа стёрла рукой слёзы. «Холодно», – прошептала хрипло. Тами обнял её. К ним прижались дрожащие от озноба Злата, Исмин и Клюв. Тепло тел таяло, на поиски укромных пещер не осталось сил.

– Мы не знаем, что там, – с упавшим сердцем предупредила Исмин, но без протеста.

Путники осознавали беспощадность чернолесья, зимы и ночи.

Горан осмотрелся. Его пальцы замерзли настолько, что хотелось скулить от боли. Ноги деревенели.

– Мороз убийственен, – сокрушённо признал он. – Этот вход – единственное укрытие.

Ребята, стуча зубами, высказывали робкие «за». Погода подталкивала шагнуть в логово чудовищ. Горан потёр тлеющий огневик и направился в черноту пещеры. «Здесь тоннель пещеры», – произнес он глухо из каменного склепа. Крадуши уже пробирались следом, сбегая от холода.

Они бродили, казалось, вечность времени по крупичкам бусого кварца. Крутые повороты, приближающие то ли овеянный легендами Морион, то ли погибельные недра гор. Ноги подкашивались от бесконечных шагов и голода, глаза слипались. Млечные крупички в камнях вывели их в сталагмитовую пещеру. Громадные конусы тянулись к потолку соляными столбами. Их поверхность была гладкой, как лед, но теплой, люминесцирующей серо-зелёно-лимонным светом. Там, в окружении тлеющих затворников подземелья, измученные беглецы уснули без сил.

Глава 12

Темноту сотряс гортанный рёв, опасно зарождающийся в глубинах гор. Звук леденил кровь, и Горан распахнул глаза, всматриваясь в пещерный омут. Крадуши спали с умиротворением на лицах. Липучка свернулся в шаге вокруг сталагмита. Девочки лежали на каменных плитах в укрытии горящих клыков Бусых гор. Клюв спал полусидя, затылок уткнув в сталагмит, отчего капюшон его кофты напоминал подсвеченный бумажный шар. Рёв повторился. Ближе... «Ребята, вставайте!» – всполошился кудесник, надевая рюкзак на плечи, криво застёгивая пуговицы плаща. Его спутники пробуждались с трудом, бормоча невнятные вопросы, озираясь удивлённо и жалуясь на боль в ногах. Горан и сам чувствовал каждую ноющую после бега мышцу.

«Мы здесь не одни, – поторапливал кудесник спутников. – Прислушайтесь». Рёв животных дрожал по тоннелям первобытным кличем земли. Горан осмотрел пещеру. Из нее вело пять выходов. Вчера они настолько устали, что толком не запомнили дорожки. На раздумья не оставалось времени – Горан повёл за собой по наиболее узкому ходу в надежде, что ревущим монстрам расщелина покажется слишком тесной. Потерев огневик о холодную ладонь, кудесник прокладывал маршрут наугад. Без подпитки солнечного света камень в его руках стремительно угасал. Провожатый потрянул головой,

гоня прочь мысли о гибели. Жажда делалась невыносимой. Как им – слепым, беспомощным, выбраться из подземелья? Страх помогал идти, но бессилие заглушало его протестные возгласы спрятаться.

– Стой! – скомандовала Исмин.

Путники замерли. Горан обернулся, со всем возможным в ту минуту терпением одёрнул её:

– Можешь тише?

Исмин провела грязной ладошкой по иззубренной поверхности стены:

– Смотрите, борозды. Я видела такие. Их оставляют рога.

Крадуши начали ощупывать каменные преграды. Кудесник хранил молчание в стороне. Слова утешения виделись теперь подлым обманом.

Земля дрогнула, затряслась в приступе. Огневик выпал из рук. Ребята цеплялись за выступы камня.

– Ис! – крикнул Горан.

– Это не я! – Исмин, пошатываясь, намеревалась приблизиться к группке друзей. – Лучше отойти от стен.

Все смотрели на прыгающий в пыли огневик. Его лучи вырывали из тьмы потолка копыта каменных наростов. Дрожь стихла. Громко раздался прерывистый рёв.

– Они нашли нас. – Злата подняла огневик.

Лучистый камень тускло вспыхнул в её пальцах и погас. Рёв незамедлительно приближался, и Горан скомандовал:

– Бежим!

Ребята стремглав ринулись в темноту сужающегося тоннеля. Горан совершенно не разбирал дороги, окрикивая крадущейся. Клюв запоздало предупреждал: «Камень! Поворот! Яма!» Беглецы вскрикивали, налетая на выступы пещер. В панике они мчали, позабыв о главном правиле: держаться вместе. Кудесник не мог их остановить, вразумить. Он сам в ужасе спешил прочь от гудящих звуков.

За спиной сорвался голос Липучки. Горан остановился; пригибаясь и водя руками, начал идти на всхлипывания упавшего мальчика. Правый бок сотряс удар. Горан застонал мучительно, и голос Клюва рассыпался извинениями. В темноте охотник с трудом понимал, что налетел на кудесника, а не на камень. Горан, потирая ушибленные ребра, продолжил поиск. Рука его коснулась шерсти. Он невольно отдернул её, представляя разъяренного буйвола с кинжалами рогов.

– Горан, это ты? – позвал Липучка, вздрагивая. – Кто меня тронул за голову?

Кудесник рассмеялся, сам не понимая чему: нервы гудели от переживаний.

Клюв опустился рядом с Тами:

– Ушибся?

– Ничегошеньки так. – Тот сипло втянул воздух. – Колено. И ладони свёз. Пекут, – голос его стих, но от слёз Липучка усилием сдержался.

На разговоры приблизились Злата и Исмин.

– Где Эфа? – тревожился Клюв.

Для немой девочки подземелье – каменная гробница. Она не сможет позвать на помощь. Горан постарался выстроить порядок действий:

– Далеко не отделилась. Мы отыщем её.

Кудесник помог Липучке подняться и замер, не в силах пошевелиться. Каждая клеточка оцепенела. Через секунду его непослушное тело рухнуло в пыль земли. Сквозь туман боли он слышал, как Злата о чём-то спрашивает. Кто-то хаотично ощупывал его лицо, руку.

– Прекратите. – Он с облегчением осознал, что язык вновь слушается, руки и ноги шевелятся. – Целы?

Хор голосов.

– Это Эфа... Она нечаянно коснулась тебя. Испугалась.

Горан слышал: Исмин заботливо успокаивает виновницу его оцепенения.

– Хотя бы все в сборе. – Он сел. После горячки бегства боль в мышцах жестоко привела в чувства.

Рука Златы сжала его ладонь:

– Ты цел?

Кудесник кивнул, запоздало понимая, что в окружающем мраке этот знак виден не яснее мысли. Вдалеке загорелись фосфорические точки.

– Что там? – Горан прищурился, напрягая зрение. – Бусы кварцы?

Точки приближались, заостряясь и расширяясь бивнями. Исмин прошептала: «Нет». Надвигались рогатые мон-

стры.

Попытки бежать разбились о завал камней впереди. Тупик. Рога, покачиваясь, начали скользить по стенам, плавно перемещаться по потолку.

Призрачный свет оголил морды чудовищ, покрытых кварцевой чешуей. Глаза напоминали узкие слепые щели, источающие ядовито-жёлтый свет. Вместо носов торчали камни. Из ртов вырывался зловонный пар, возвращающий мысли к гнойным кустарникам чернолесья. Чудовища напоминали огромных ящериц с мохнами лапами, из которых в стороны торчали многочисленные когти. Массивные рога делали существ похожими на буйволов. Позади плотных приземистых тел виляли лысые хвосты. Горан насчитал девять чудищ. Припёртые к стене беглецы боялись шевелиться, с ужасом всматриваясь в подползающих убийц.

Землю пронзила дрожь. Ящеры замерли и озлобленно зашипели на ребят. «Простите, – сдавленно всхлипнула Исмин. – Не могу ничего поделать». Дрожь её страха нарастала, гневя монстров. «Успокойся», – молил Ключ. Но в ответ билось суматошное: «Ничего не могу поделать. Они растерзают нас!» С потолка на землю упало каменное «копьё». Ящеры оскалились, а затем взревели, вышибая мысли из голов онемевших ребят.

Пещеру заполнил нестерпимо яркий свет. Когда опаленное зрение немного восстановилось, крадуши различили впереди девочку-подростка. В её занесенной вверх руке

багрянцем горел факел, а на шее пульсировал бело-голубыми искрами сферический минерал. Ящеры замерли нерушимой частью подземелья – хищными изваяниями.

– Поспешим! – покровительственно позвала девчонка, всматриваясь в обескураженных ребят. – У этих монстров к крадушам особое отношение.

Ребята зашагали по лабиринтам следом за отважной незнакомкой. Никто не решался задавать вопросы, мечтая в те минуты лишь об одном: покинуть пристанище химерных существ. Проходы то сужались, то расширялись. Свет факела вырывал из тьмы силуэты ящеров, застывших скульптурами ненависти и агрессии. «Свет Регула защитит ненадолго, – произнесла девочка, ускоряя шаг. Ореол пылающего факела вуалью покрывал оскалившиеся головы. Рога напоминали зажженные наросты. – Скоро они очнутя». Светоч вёл вперёд, оставляя ужасы мрака подземелью. Выход приближался белым кругом. Не верилось. Мир снаружи казался пустым пятном.

– Снег, – вдохнул полной грудью холод Клюв.

Тами сделал несколько робких шагов... и упал в сугроб с ликующим возгласом: «Мы выбрались! Ничегошеньки! Да! Выбрались! – рыхлил он руками наносы. – Только посмотрите – снег!» Эфа начала бегать по сугробам рядом с Липучкой, беззвучно смеясь отражением его счастья. Горан не мешал веселью. Все смотрели на лазурно-розовое небо в белой поволоке студёной дымки, оседающей на пирамидах гор,

вершинах сосен и равнинах земли, искрящейся снежной пылью севера. Беглецы крутили головами, позабыв о суматохе бесконечных погонь. Всматривались в ослепительно чистый мир, открывшийся страницей волшебной книги сказок.

– Земли Мориона, – описала округу незнакомка, наблюдающая за ликованием крадушей в стороне. – Вы у подножия Краеугольных гор.

– Краеугольные горы? – изумилась Исмин. – Не может быть!

– Отчего же?

– Это больше тысячи миль, – озадачился Горан. – Мы не ходили так долго...

– Кто ты? – прервала его нескладный монолог Злата, с вызовом делая шаг навстречу к загадочной спасительнице.

Внимание ребят мгновенно сосредоточилось на незнакомке. Среднего роста и телосложения. Первыми взгляд притягивали её черничного цвета волосы до плеч и странная прическа: из ободка кос от висков до затылка торчали сухие веточки, жемчужные полумесяцы, золотого блеска листья, изумруды, сморщенные бордовые ягоды, тканевые розы серо-фиалкового оттенка и капли хрусталя. На лице выделялись бледно-розовые скулы и пунцовые губы. Светлая кожа только усиливала темноту радужки, которой чернеют пруды в конце зимы, когда ещё лежит снег, а спящая вода оголяет грунт дна, – каменноугольная смола скал – холодная и в то же время маслянистая, горячая.

Просторное пальто-накидка в виде коричневой трапеции доходило до колен, прикрытых высокими сапогами поверх узких брюк. В прорезях для рук белели узоры вишнево-синего свитера. То, что Горан вначале принял за помпон меха, оказалось лиловой мышью с блестящим шнурком хвоста.

– Меня зовут Никс, – наконец ответила девчонка, бесстрашно встречаясь с недоверчивыми взглядами.

– Как ты нашла нас? – спросил Горан, осматриваясь. Спасение не притупило его беспокойства.

Незнакомка пожала плечами, и мышь по её руке скрылась в широкий карман пальто.

– Пять крадушей и кудесник. – Она улыбнулась с превосходством. – По ту сторону Бусых гор на вас объявлена облава.

– Но как мы оказались так далеко? – поражалась Исмин, всматриваясь в штыки мраморных деревьев. – Зачем помогла нам?

Никс скрестила запястья, воинственно осматривая застывших ребят. Изморенные, они не теряли бдительности.

– Чернолесья... – пояснила она доверительно. – Они стирают преграды пространства. Но об этом позже. Вам нужна помощь. – Никс изучающе осмотрела их. – Я живу в селении Краугольных гор. Здесь недалеко. Я проведу. – Она начала плавно шагать по сугробам, краем глаза поглядывая на неподвижные фигуры подростков. – О себе расскажите по дороге, – попросила самоуверенно. – Мне очень любопытно

послушать, ведь я тоже крадуш.

Ноги шагали по топким насыпям снега. Сугробы доходили до колен. Мороз крал тепло, но воздух с каждым спешным вдохом прояснял мысли. Предгорья укрылись в зелени хвои, пронизанной коричневыми линиями деревьев в шишках цветной соли. Мохнатые грызуны прыгали по ним, ставившая налёт, искрящийся на солнце кристаллами. Суровые изломы гор стерегли безмятежность природы. Никс, сходная поведением с головоломным механизмом, смогла без усилий расположить к себе крадушей. По дороге они многое успели ей рассказать о себе, о своих семьях, потерях и способностях, не услышав откровений взамен.

– Ты умеешь превращать чудовищ в камень? – спросила Исмин жительницу Мориона.

– Нет, – усмехнулась та. – Жаль, но нет. Тех ящеров создали в Янтарном граде змеяды по просьбе мудрецов.

– И речи быть не может, – возразил Горан. – Змеяды – враги жителям града, всей Царне.

Никс ужалила его взглядом:

– Воспитанник града?

– Да, – вздёрнул подбородок кудесник. – А ты – отшельница народа гор, которая очерняет доброе имя людей, жизнь свою посвятивших борьбе с перерожденцами зла.

Взгляды полетели в Никс стрелами, не пошатнув её уверенности:

– Вам мало что известно о народе гор, равно как об исто-

рии Царны. Зло выползло из нерушимых стен града. Ящеры – всего лишь малая часть – разочарование алчных творцов. Рогатых чудовищ сослали в подземелья Звёздных гор, но они разбили камни, стены измерений, и проникли в недра земли.

– Изгнанники. Как все мы. – Клюв поправил котомку на плече, охватывая взглядом вольный простор.

Никс повела бровью, но продолжила решительный шаг:

– Слишком много изгнанников для одной династии.

Заснеженные сосны скрывали жилые предгорья – селение. Дома, добротнo сложенные из брёвен, возвышались над сугробами на деревянных сваях фундамента. Лестницы с перилами в мерцающих шарах тянулись к разрисованным золотистыми красками дверям. Серые пласты гор очерчивал под аквамариновым куполом неба снег. Терракотовое дерево домов пронизывали розовые и чёрные нити волокон. Бирюзовые стекла в окнах индевели белыми узорами, из труб клубился полупрозрачный дымок. Тепло манило под конусообразные крыши укромного уголка в крепости гор. Ребята, шмыгая замерзшими носами, приближались к селению со страхом и тайным чаянием. Где-то в этом мире им уготовано пристанище, убежище. Почему не здесь? Под защитой каменного войска гор, мощных деревьев и замёрзших рек.

Путники пересекли арку каменного моста и ступили на песчаную тропу, основательно расчищенную от снега. Справа от селения заканчивались сумбурные изгибы чернолесья. Злата изредка посматривала на них, словно на преследовате-

лей, зловеще ползущих рядом. Гранитные хребты продолжали крайнюю северную границу Царны – Краеугольные горы провинции Морион – неприступные ни одному королю, воюводе или мудрецу. Необъятные, могучие, заслоняющие собой Великий горизонт времени. Никто и никогда не преодолел их. Легенды и поверья окутывали вершины надёжными берегами от посягательств на каменный престол северного ветра.

У сторожевых башенок странников встречала толпа. Люди в шерстяных накидках и меховых шубах, розовощекие от мороза, смотрели на путников светлыми, словно омытыми горными родниками глазами, без тени вражды. Их приветствовали как гостей. Горан склонил голову в знак признательности. Ребята неуверенно закивали в такт гомону голов, сомневаясь, что где-либо способны оказывать гостеприимство крадушам.

Никс остановилась впереди толпы, поравнявшись плечом с высокой, статной женщиной в чёрной мантии поверх клюквенно-красного платья. Морщины уже тронули её виски и линии вокруг тонкого рта. Седина проступала в смоли волнообразных волос серебряными косами. Но от неё исходила сила, далекая от грубости и жестокости, незыблемая в стальном своенравии. Ребята, игнорируя усталость, приосанились, когда рысьи глаза незнакомки устремились к ним пытливым взглядом.

– Легата, – представилась женщина. Её рука в многочис-

ленных браслетах коснулась лба, совершая полупоклон. – Вы проделали долгий путь. – Она посмотрела вверх: над полукругом людей парил белогрудый орел: в Морионе существовали свои дозорные. – Мы рады предложить вам кров и еду. Дети, – в её глазах разлилось тепло, – звёзды возложили на вас слишком тягостную ношу.

Крадуши переглянулись, не зная: принимать это за сочувствие или клеймение. Злата держалась позади друзей, сцепив пальцы и искоса осматривая чужаков.

Рядом с Легатой стоял низкорослый старик в меховом балахоне. Его седые волосы покрывал головной убор из кореньев и веток, поросших змейками мха. В длинной бороде сплетались рыжие, седые и зелёные, как болотная тина, волосы. Он посмотрел на стоящего по правую руку воина.

– От имени народа гор приветствуем вас в Реморе! – Его морщинистая рука очертила незримой линией дома. – Меня зовут Везнич. Я старейшина селения. Это наша знахарка. – Легата вновь склонила голову в знак приветствия. – И баскак – управитель и защитник Реморы и всего Мориона, – его рука коснулась плеча рослого мужчины, вооруженного слановым мечом, – Изгальдун.

Ребята кивнули, осматривая серый драповый плащ правителя, украшенный с заботой о практичности полосами кожи и меха. Синие глаза, белые брови, светлые ресницы. Алебастровая кожа. Его достаточно молодое лицо тенями заострял чёрный капюшон. Указательный палец правой руки

от основания и до ногтя обрамляли заострённые плетения крупного серебряного перстня, пожалуй, единственного атрибута человека, облаченного властью, помимо внушительного меча.

– Мы не станем вас утомлять вопросами, – сгладила враждебное молчание управителя Легата. – Никс проведёт вас в Дом планет.

– Дом планет? – удивился Горан.

Старик в балахоне почтенно склонил голову и улыбнулся.

– Мой дом. Вы поймете, когда увидите. – Его худосочное лицо замерло в предвкушении, с которым фокусник достает кролика из цилиндра. – Не пугайтесь Зверушки. Никс её утихомирит.

Девочка с черничными волосами поманила жестом следовать за ней. Озираясь на толпу любопытных мужчин и женщин, крадуши направились на окраину Реморы, ближе к горам. Горан привыкал к металлическому привкусу морозного воздуха и бесчувственности пальцев, носа и щек. Селение занимало ступени предгорья. На линиях речушек скатывались с пригорков дети. Завидев группку незнакомцев, они приветливо махали руками и звали Никс соревноваться. Она с улыбкой кричала: «Позже! Вам – преимущество!»

– Крадуши? – предположила Злата, всматриваясь в скользящие по льду фигурки детей.

– Нет. Но горы скрывают наследие Альфатум.

Исмин, расставив крыльями руки, съехала по катку к ка-

менистому мостику. Ребята начали взбираться вверх по ромбовидным плитам камня.

– Укрытие крадущей? – с сомнением спросил Горан. – Здесь? В Краеугольных горах?

– Беглецы из темниц Янтарного града. Воспитаннику бастиона они не обрадуются.

– Без али я к ним и шагу не ступлю, – буркнул Горан.

Никс остановилась. Лиловая мышь вновь вскарабкалась на её плечо.

– Дом планет! – представила она каменное здание в три этажа. – Здесь достопочтенный Везнич изучает звёзды.

Гости остановились, осматривая серо-чёрный фасад, выпуклые стены которого стерегли мраморные статуи: белогрудые орлы, вставшие на задние лапы медведи, лисицы, луннорогие косули и венценосные альтурги в позолоте. В целом строение напоминало глыбу мутного горного хрусталя с угрожающе торчащими в стороны призмами.

– Где здесь вход? – озадаченно спросил Тами, расхаживая в поиске расщелины.

Никс лёгкой походкой начала огибать дом. Ребята шагали сквозь аллею стройных ёлочек и можжевельника в коричневых шишкоягодах. Воздух здесь казался свежее и в то же время гуще из-за горьковато-терпких примесей хвойных эфиров.

Никс нырнула в темноту каменного свода.

– Проходите, – эхом донеслось из полумрака помещения.

Крадуши оглянулись на Горана. Он лишь устало дёрнул рукой: будь что будет.

Внутри дом старейшины Везнича оказался замысловатым нагромождением разноцветных шаров. Гости пересекали просторный холл, позабыв о страхах и всецело отдав мысли диковинным сферам. Они окружали со всех сторон: лежали на деревянном полу, дремали на шкафах, мраморных столиках, гирляндами свисали на стальных цепях со спирали потолка, между многогранными балками которого, за стеклом, парили полупрозрачные облака.

– Ого, – невольно вздохнул Тами, дотрагиваясь до перламутровой жемчужины пальцем.

Она пошатнулась на тонкой серебряной цепочке – и сферы ожили. Шары, различные по размеру и насыщенности цветов, усеянные кратерами, гладкие, сверкающие и поглощающие в пучину ядер лучи дня, начали плавное вращение.

– Здесь десятки планет, что никогда не столкнутся, – сообщила Никс, замороженно наблюдая плывущее движение сфер. – Везнич создавал этот зал восемнадцать лет. Макет потусторонних миров.

Никс сжала перламутровую жемчужину в руке – вращение остановилось.

– Гостевые комнаты наверху. – Стуча каблуками сапог, она прошествовала к витой лестнице. – Смелее!

Горан не стал оспаривать теории народа гор, устало поднимая ноги на шероховатые доски. Окна северной части до-

ма открывали вид на бирюзово-белые пирамиды гор. Он шагал, не слушая разговоров крадушей и Никс, думая о Древе времени. Все миры на нём – листья, и Царна не исключение. Возможно, где-то среди созвездий и кружатся волчками по орбитам каменные шары. Реальность, доступная им сейчас, не приемлет фантастических предположений дремучего старца.

– Гостевые комнаты – вдоль по коридору. – Никс остановилась под аркой входа на третий этаж. – Располагайтесь. Я вернусь скоро – проведу вас на кухню.

Девчонка начала неторопливый спуск.

– Вот это хоромы! – присвистнул Клюв под восторженные улыбки ребят.

В коридоре располагалось восемь комнат, включая две ванные. Гости, посоветовавшись, решили занять две, крайние от входа. Обстановка в комнатах мало отличалась: пара двухэтажных кроватей, шкаф, стол и изящные мягкие стулья. Существенно рознились цветовые палитры – от спокойных пастельных до режущее-ярких тонов.

Комнату мальчишек пронизывали синие линии волн; каркасы кроватей, мебель и шторы дразнили взгляд жёлто-зеленой сочностью груш. В двух прямоугольных окнах, от пола до потолка, плетения позолоченной решетки соединялись в сюжет о похищенной горными орлами звезде Наир. Мальчишки оставили верхнюю одежду и багаж на стульях, нетерпеливо прошли осмотреть комнату девочек. Поначалу она

казалась ожившим лавандовым полем: обилие фиолетовых и зелёных красок сливалось в летний пейзаж. Огромное окно во всю стену разделялось восьмиугольными звездами в мозаике – художественная россыпь леденцовых стекляшек. Широты гор уносили мысли с птицами. Белогрудые орлы парили неподалеку, над дозорными головами кедров. «Здесь прекрасно», – тихо призналась Злата, взглядом блуждая по кристальной зелени предгорья. – И всё это земли нашей страны...» Величие гор смиряло нравы. Сморенные бегством ребята замерли зрителями неповторимой живописи природы, даже не представляя, что сами они в тот момент остановились поворотным мгновением истории Царны.

Умывшись и вымыв с брусничным мылом руки, гости спустились по лестнице в холл. Никс нигде не наблюдалось. Пустыньность каменного дома пугала безмолвием. Из серебристо-белого холла вело четыре жёлтых двери. Крадуши крутнулись на месте, рассматривая барельеф стен, усеянный пламенными карнеолами – камни обогревали здание, и, если присмотреться – в глубинах их бушевал настоящий огонь.

Дверь справа от лестницы распахнулась, явив запыхавшуюся Никс. Она всё ещё была в пальто, а на сапогах налип снег.

– Не пробегала? – спросила ребят без объяснений.

– Кто? – изумилась Исмин.

Никс заглянула за книжный шкаф:

– Зверушка.

Тами сдавленно произнёс:

– Эта?..

На пороге дома угрожающе зарычал зверь. Внешне он напоминал рысь, но с горбатой спиной и изуродованной рогами мордой. Один глаз его растянулся пустой щелью, зубы чернели углем.

Горан попятился:

– Своеобразная Зверушка.

Никс, протянув руки, направилась к ошетилившемуся хищнику. Крадуши боялись дышать, а Горан глубоко пожалел, что прошёл так близко к порогу. Но голос Никс подействовал на зверя умиряющим образом. Ладонь ласково погладила серую голову рыси, и та прикрыла глаза, занимаясь громком урчанием.

– Искорка, – пояснила Никс, с улыбкой поглядывая на снежную шерсть зверя. – Не бойтесь. Она привыкнет к вам.

Исмин сделала нетвердый шаг вперёд:

– Это алат?

– Да. – Никс помрачнела. – Ваше отвращение тревожит её. Успокойтесь. Она только выглядит опасной.

Ребята единодушно считали обратное, но молчаливо позволили хищнице сопроводить их в кухню.

Кухня здания отличалась простором. Полумесяц широченного стола занимал её центр под огромной люстрой в виде тех же покачивающихся планет. Резные деревянные окна в бледно-голубой краске и желтые, оранжевые, зелёные

квадраты шкафчиков, стеллажей с посудой. Лавочки покрывали плоские коричневые подушки.

Никс сняла пальто и вымыла руки, а затем насыпала гостям в миски горячий суп, в водянистой каше которого плавала лапша. Девочки нерешительно пробовали вариво. Клюв наклонил тарелку вправо-влево, присматриваясь к слипшимся полоскам теста: «Это по рецепту?» Тишину за столом нарушил скребущийся звук: Тами ложкой старательно извлекал со дна вязкие комочки.

– Можно ещё? – попросил он, непонимающе всматриваясь в кислые лица ребят.

Девочки продолжили жевать, а Горан усилием проглотил безвкусную пищу.

Никс с улыбкой взяла из рук Тами тарелку:

– Да, конечно. Вы меня извините. Я в спешке забыла, что варю суп с крупой и добавила лапшу.

Взгляды запрыгали через стол горячим мячиком «перебивались и худшим». Все начали черпать каше-суп, с аппетитом поглядывая на горку булочек с ярко-малиновыми прослойками, как на приз в испытании. За чаепитием потекли разговоры.

– Где ты живешь? – спросила Исмин северянку, с подозрением отпивая из кружки густой ягодный напиток.

Всё, приготовленное Никс, теперь вызывало непреднамеренную настороженность.

– Здесь, в этом доме. – Никс посмотрела на каменную

печь.

– Ничегошеньки. И Искорка? – осторожно поинтересовался Тами, у ног которого упрямо лежала рысь.

– Да. Её мать мучили змеяды – поили ядами. Стае удалось сбежать, но при родах самка погибла. Везнич сжалился над детёнышем и позволил мне оставить его. Малышка была изувечена ядами, истощена. Выкормить её – настоящее чудо. Алаты погибают в неволе.

– Смелые здесь живут люди, – не без удивления заметил Клюв.

Крадуши молчаливо разбирали с подноса булочки. Они уже насытились, но еда в их путешествии воспринималась редким утешением. Рты жевали про запас.

Тами отпил чаю, стряхнул крошки с жилетки и поинтересовался, отодвигаясь от мохнатых лап жуткого зверя:

– Везнич – твой дедушка?

– Нет. – Никс изящно опустила белоснежную кружку на блюдец. – В молодости он жил в граде. Мечтал быть вхожим в Совет мудрецов. Он искал эликсир от так называемой болезни крадуша.

– Болезни? – Исмин с предвзятостью сплела на груди руки.

– Спросите у кудесника. Он изучал.

Горан прятал взгляд, не желая тревожить крадушей историями о зверствах, сопутствовавших поиску лекарств от хвори Альфатум.

– В определенный момент, – продолжила повествовать Никс, – в ходе очередного безуспешного исследования, он осознал: магия потусторонней звезды необратима.

Злата в сердцах замотала головой:

– Мы люди. Такие же люди!

– Только внешне, – скорбно изрекла Никс. – Я мечтала о лекарстве!

Крадуши притихли, поглядывая на взбудораженную рассказчицу.

– Мои родители страдали слепотой. Работники писчих палат, зрение для нашей семьи – хлеб. Но каждый год черты мира угасали для них, словно в непрекращающейся метели, хотя внешне глаза сохраняли ясный вид. Лекари разводили руками, и в восемь лет я окончательно осознала, что выюга из моих мыслей калечит здоровье дорогих мне людей. Везнич тогда странствовал по западной окраине Мориона – выискивал следы купцов-отшельников, создающих карты Царны. Я ушла с ним в надежде на выздоровление. Но... вот уже пять лет свыкаюсь с мыслью, что никогда не вернусь в отчий дом. Лица мамы, отца, сестёр мне суждено воскрешать в памяти.

– Но ведь есть твердыня! – заулыбался Тами. – Твердыня, Никс. Идём с нами. Она исполнит любое желание. Она поможет тебе.

Никс упёрлась локтями в стол:

– Глупости. Алефа – порождение Древа времени. Времени, которое уже не повернуть вспять. Вы не воскресите близ-

ких, не сотрёте ошибки. И не избавитесь от проклятия Альфатум. Её свет теперь – часть вас.

– Нет! – Злата вскочила. Кружка с недопитым чаем перекинулась, расплескав янтарную жидкость. – Прекрати обманывать! Ты ошибаешься!

Никс призвала жестом к спокойствию, но Злата едва не плакала от пекущего огорчения.

– Я понимаю, Злата, ты держишь туда путь в надежде избавиться от многоликих, но не представляешь...

– Они губят моих братьев!

– Злата, послушай.

– Нет!

– Ты губишь их, – суровым взглядом пригвоздила опечаленную гостью Никс. – В глубине души ты понимаешь, что вина их кошмаров, их безумия лежит на тебе. Кроется в самой природе тебя. Попутчиками крадушей витают кошмары и страх.

Злата, гулко отбивая шаги, удалилась прочь из кухни. Друзья последовали за ней, поглядывая на Никс с осуждением. Когда правда не облечена в слова, она мнится разрешимой выдумкой.

Горан остался сидеть в тихой комнате, напротив злоречивой девчонки с черничными волосами.

– Откуда ты знаешь о её надеждах?

Никс повела плечом:

– Я много, о чём знаю. Мне шепчет метель.

Взгляд Горана невольно прокрался за окно, где стаями торопливых мотыльков спускался на землю снег.

– Ты хочешь отговорить их от путешествия?

Никс посмотрела на него в упор.

– Напротив. Я желаю присоединиться к нему.

– Не веря в магию Алефы?

– Кудесник, магия цитадели грёз – понятие большее, нежели сказки о мечтах.

Горан поднялся. Ему требовался сон. И молчание. Комната превращалась в морозное ненастье.

– Но ведь у тебя есть мечта? – спросил, выискивая подвох в каждом уверенном слове северянки.

– Как и у всех, Горан. – Никс начала убирать посуду со стола. – Отдохни, кудесник, и ты увидишь, что я – ваш верный союзник в опасном пути. Народ гор видит в детях Альфатум защитников. Истинный враг обитает в Янтарном оплоте династии Велирадовичей.

Глава 13

1

К подножию Краеугольных гор свирепыми ведьмами спустились метели. Окраины Реморы обросли стенами льда, пути сообщения перекрыли ребристые наносы снега. За стёклами гудели, сталкиваясь, ветра. В крайней западной комнате Дома планет гости Везнича наблюдали, как гневливая зима метлой бурана неотвратно закрывает потайные тропы к чернолесью.

– Деревьев совсем не видно. Словно равнина, взгляните, – Исмин отдернула в угол с широкого окна синий бархат штор. – Пятый день кружит.

Снежинки дрожали белыми точками, каждая – в неуёмном сражении за пространство. Исмин осмотрела небольшую бледно-жёлтую комнату, предназначенную для чаепитий. В стенах разноцветными деталями теснились корешки книг и резные статуэтки птиц мифического Заморья. Ребята сидели на двух парчовых диванчиках у пылающего камина. Круглый столик на когтистой треноге покрывала ажурная скатерть. Широкая люстра в форме крыльев светилась горчично-оранжевыми огневиками. Эфа выводила непонятные треугольники, пытаясь отвечать на вопросы Тами. Клюв

намеревался починить компас Никс. Злата штопала платье, а Горан отрешённо просматривал блокнот Бахаря.

– Мы можем рискнуть пробраться в заросли многоликих, – предложил Клюв, отвёрткой подкручивая болтик крепления стрелки.

– Без звёздной ветви? – сомневалась Злата. – Мы погибнем в круговерти.

Крадуши невольно взглянули на клубящуюся пыль снега.

– Там жуткий холод, – поёжился Тами, хмуря лоб в попытках разобрать письмо Эфы. – Трепещите! Даже Зверушка спит у печи на кухне.

– Чтобы ты ночью не таскал выпечку.

Тами усмехнулся и заговорщичком посмотрел на Клюва:

– Не я один.

– Никс пообещала провести по чернолесьям к граду. – Горан захлопнул атлас, уступая отвлекающим разговорам. – Без звёздной ветви.

Злата отложила шитьё:

– Такое возможно?

– Бахарь пишет, что народ гор изучает звёзды веками: Регул, Наир и бесчисленное множество других светил. Из их скоплений создавалась Альфатум. Чернолесья полны загадок, но в Морионе не ленятся размышлять. Кто знает...

– Это легенды. – Исмин присела на софу возле камина. – Разве нет?

– У народа гор свой взгляд на историю.

– Мы уже поняли...

Горан внимательно осматривал ребят:

– Века обособленного существования позволили вольнодумию шириться, а неприступным горам служить защитой от влияния мудрецов града.

– А чернолесье?

– Похоже, в Реморе научились закрывать тропы путешественников. Вполне возможно, что здесь отыскивали секретные способы пересекать границы провинций.

– Лучше спросить обо всём у Везнича, – упредительно посоветовал Тами.

Горан хмыкнул, но после задумался: «И впрямь, почему я страшусь задавать вопросы?»

Крадуши прониклись к старику Везничу и Никс доверием. Всезнающая девчонка часто заглядывала к ним на этаж с морионскими вымыслами, сдобренными пряными вкусо-стями. Два дня в неделю в Дом планет приходила из селения дочь Везнича, Вара, и готовила супы, пекла сладости. В остальное время на кухне хозяйничала Никс, у которой из кастрюль то бежала каша, то в них пригорали овощи. Эфе удавалось поправить вкус пересоленной, сыроватой или разварившейся еды. Но частенько случалось гостям глотать убивающую аппетит пищу, делая вид, что содержимое тарелок вполне съедобно для человека. «Я никудышная хозяйка, – сетовала Никс за столом с извинениями, предлагая альтернативу: пряники, булочки или бутерброды с тушенкой. – И

замеры, чертежи – пытка для рук. А вот изучать диалекты глубинок Царны – занятие интереснее, как по мне. Живая речь лучше мёртвых линий и цифр».

Везнич дни напролет трудился над чертежами, настаивая на присутствии Никс – надежды на преемственность дела всей его жизни: карты звёздного неба. Он не пускал к себе в кабинет, но листы с зарисовками созвездий повсюду встречались в доме. Порой за столом он мог ни с того ни с чего начать озвучивать сложнейшие расчеты энного квадрата небосвода. Своих гостей он мало расспрашивал о прошлом. Минувшие события более беспокоили Легату. Первые дни она часто приходила в Дом с сундучком лекарств от ссадин, синяков и царапин. Лечила кашель Тами и Исмин. Делала мази от ушибов, чай от головных болей и озноба простуды. Немота Эфы не поддавалась лечению. Легата прекратила готовить микстуры:

– Голосовые связки повреждены неизлечимо. Травма детства – яд для прислуги.

– Но она ведь иногда говорит! – не смирялся Тами.

– Лишь потому, что – крадуш. – Легата вручала упрямому другу Эфы баночку с засахаренной карамелью. – По одной на ночь для крепкого сна. Угощай, когда кошмары вернутся к ней в новолуние. Эфе приходится возвращаться к ужасам раннего детства. Возможность произнести слово сопряжена с невероятной болью. Ты даже не представляешь, какие зверства она вынуждена помнить ради хрупкого звука.

Никс сумела расшифровать письмо Эфы, прозванное Тами «полем с колючками».

– Это язык народности восточного Мориона. Он состоит из заостренных символов, соответствующих гласным и согласным буквам.

– О чем она пишет, Никс? – переживали ребята.

– Отвечает на вопросы Тами. Он веселит её. Эфе – одиннадцатый. Пишет, что любит рисовать и готовить сладости. В доме управителя, при котором она служила, кухарка научила печь её вкусные пироги.

Горан расспрашивал о прошлом Эфы. Все слушали, узнавая отчасти собственные судьбы.

– Она вызывает прикосновением немоту тела, но редчайшее умение ненавидит. Из-за него родители оставили её. – Никс всегда делалась замкнутой, затрагивая тему семьи – продолжала говорить скованно: – На дом управителя напали змеяды. Эфе помог бежать торговец рыбой. Безродный. В Клете они угодили в ловушку браконьеров. А позже она встретила вас.

– И больше ничего?

– Много чего. Мелочи. Часто Эфа вспоминает об Уце. Кто он? Крадуш?

– Вместе мы находились в заточении браконьеров.

– Клюв приносил им еду в обход надзирателей. – Никс глянула на охотника, но тот застенчиво потупил взгляд. – И лекарства от кашля. – Она выдержала паузу, понимая, что

затрагивает болезненную тему, читая: – Эту помощь Уц ставил Эфе в укор.

О мальчишке из Чума крадуши не говорили ни с кем. Но испытания путешествия, храбрысь, начинали воспринимать с улыбкой. Постепенно они поддавались влиянию вольного народа: утрачивали настороженность, скрытность, – шутили, вспоминали отрывками родные края. Даже одежда из серо-синей шерсти и мягкой овчины теперь мало отличала их от людей Реморы. Предгорья существовали животноводством и добычей пламенных карнеолов и огневигов. В реках ловили рыбу. Летом, ближе к равнинам, колосились злаковые поля. Суровый, но безбедный край – один из немногих, осуждающих жестокие нравы Янтарного града.

2

– Всему виной гордыня воевод, – признала Никс, прогуливаясь рядом с Гораном по аллейке за Домом планет.

День выдался сравнительно теплым. Метель стихла. Кудесник шагал, чувствуя, как мышцы горят после работы: утром они расчищали дорожки вокруг дома. Сегодня Эфа с Варой пекла пироги. Горан оглянулся на Тами, задевающего друзей снежками.

– Они беспокоятся о народе. Слишком много врагов. Ты видела змеядов?

Никс кинула.

– Один раз. Первые соперники гончих. Спроси здесь, кого хочешь, каждый подтвердит: гончие и змеяды рассорившиеся родственники.

– Змеяды – люди, загубленные чёрным колдовством.

– Верно, но ведь и гончим без него никуда. Как они чуют след Альфатум? – Никс поправила на черничных волосах шерстяную шапку с зигзагом шнуровки на затылке. Её просторное пальто сегодня украшали деревянные броши в виде листьев. – Вацлав хранит секреты своих предшественников, но здесь, в Морионе, знают, что корыстный союз Велирадовичей и змеядов обернулся великим противостоянием. И бедой. Для сотен таких, как я.

Они остановились у незамёрзшего пруда в оправе из мут-

но-белых кристаллов кварца. Кудесник не стал напоминать собеседнице том, что крадуши несут людям страдания, пусть даже непреднамеренно. Он не желал занимать сторону Вацлава. Воевода считал врагами всех, посягающих на незыблемые устои истины о крадателях душ.

– Почему пруд не замерзает? – спросил Горан, всматриваясь в черную пропасть водоема.

За кварцевыми друзами чернели каменные статуи пучеглазых деревьев.

– Ведьмины очи, – кивнула на пруд Никс. – Эти воды принесены сюда в бурдюках из чернолесья.

– Зачем?

– Чтобы слепить глаза серпокрылым соколам гончих.

– Злату пугают они. – Он смотрел на миниатюры многоликих. – И этот топкий пруд.

Никс пожала плечами от беспомощности.

– И меня. Но они – залог нашей безопасности.

Руку Горана царапнул рог. Он вздрогнул, отшатываясь.

– Искорка! – вскрикнул Тами, подзывая к себе рысь. – Сюда!

Никс заулыбалась и подмигнула зверю: «Ступай». Зверушка, игриво задев хвостом ногу кудесника, притаилась. Тами настойчиво звал. Рысь, сделав ленивый круг вокруг Никс, стремительно ринулась навстречу крадушам. Лапы её резко остановились, цепляясь когтями за шероховатые плиты дорожки. Ввысь багрянцем взметнулись искры: вспыхи-

вали в морозном воздухе, оседая на камни узорами звёзд. Тами запрыгал, хлопая в ладоши от восторга. Рысь приблизилась к нему, уткнулась меховым боком морды в протянутую руку. Злата принялась поглаживать зверя, даже Клов не устоял перед обаянием безобидной хищницы.

– Они беспокоятся, что тебя тревожит наш путь в град.

– Немного, – солгал Горан.

Никс достала из ворота пальто литую цепочку, на которой в серебряной сфере колецо висел прозрачный, с виду хрустальный шарик.

– Внутри сферы – осколок Регула.

– В Башне Воспитанников звёзды изучают бегло.

– О, ты не слышал легенду о канувшем спутнике?

– Думаю, что нет.

Никс улыбнулась. Возможность повествовать о таинственном её неизменно радовала:

– Альфатум создали светом обличать зло, уничтожать кошмары ночного мрака. Колдуны Царны пытались затмить её сияние, и Регулу выпал жребий опекать хрупкое светило в огненной пыли воинственных созвездий. Годами щит его ослепительного мерцания защищал ясноликую Альфатум. Но злым чарам ядовитой стрелой удалось пронзить её. Биение ласковых переливов стихло. В млечных объятиях Регула она неотвратимо угасала.

На десятый день, вздрогнув, Альфатум распалась на мириады тлеющих осколков, грозами устремившихся к Царне.

Верный спутник стремглав рухнул вниз, разбившись о Краугольные горы шаром света – памятью об исцеляющем призывании возлюбленной. – Никс оглянулась. Взгляды невольно устремились на острые пики гор. – Он превращает в камень рукотворных чудовищ царских лиходеёв. – Рассказчица сжала в ладони сферу, отчего хрустальная частица внутри вспыхнула белой искрой. – В руках крадуша аль чернеет золой, а Регул, напротив, оживает лунными бликами. Он хранит тех, кого куснулся свет Ясноликой. Частицу Регула – слепящую пелену гончих глаз – содержит амулет Златы.

Горан отвёл взгляд от сферы, гоня прочь из мыслей бунтовские догадки.

– И Регул откроет нам тропы к Янтарному граду? – спросил, начиная путь в дом.

– Да. Иным лучам не проникнуть в сумрачные могилы Альфатум – чернолесья.

Горан свёл вопросы к тайнам Мориона, но Никс желала говорить только о твердыне и граде. Кудесник уклончиво пошутил о переменчивой погоде.

– У них слишком светлые, как для крадушей, мечты, – вдруг с сарказмом кольнула Никс его, когда разговор коснулся неприступных чертогов запада Царны.

– Я не спрашивал.

Никс остановилась на пороге, медля открывать дверь.

– Они ведь твои друзья, Горан, и доверили самое сокровенное – путь к грёзам. Вы столько пережили вместе, а ты

боишься взглянуть правде в глаза.

Кудесник остался стоять на улице, всматриваясь в окутанные бесконечными небылицами горы. Ранее для него единственной вершиной являлось признание. Внутри всё сжалось от незащитности перед пониманием: пятеро беглецов пошатнули его незыблемое разочарование в слове «друг».

Стужа крепла ночами. Северные ветра бросались голодными стаями на эфемерные с виду строения Реморы. Дом планет напоминал волнорез на пути снежной стихии. Окна первого этажа покрылись узорами, которые строжайше запрещалось трогать руками. В Морионе существовали безнадежные болезни, и одна из них – превратиться в ледышку, коснувшись заиндевелого стекла.

Редкие прогулки по аллеям прекратились. Ребята изучили все доступные им комнаты дома. Постепенно каждый определился с личным занятием. Эфа пропадала на кухне с кулинарной книгой Вары. Готовить ей давалось лучше, чем Никс, помогающей Эфе с нарезками, но чаще – обучающей Тами письму восточно-морионского диалекта. Поблизости от них неизменно грела у печи плешивый бок Искорка.

Клюв чинил механические штуковины в музейной комнате. Он любил собирать из деталей движущиеся конструкции, признаваясь, что привести в движение винтики гораздо интереснее, нежели починить капкан. Злата обнаружила в западном крыле целую комнату со швейными принадлежностями – мастерскую покойной жены Везнича. Новые

платья и костюмы ребят, принесённые Легатой, она ушивала на удивление гладко, добавляя цветные штрихи в обезличенные одежды. Везнич позволил ее хозяйничать в швейной комнате, и постепенно у девчонок начали появляться затейливые браслеты, заколки, пояса и вышивки на вещах. Злата раздарила подружкам свои украшения – все, кроме амулета. Девочки... Но Горан считал, что они приняли подарки, как частицы общности – связующее напоминание обретенной дружбы.

Исмин курсировала между библиотекой, кладовой и кухней. В её распоряжении оказались знахарские книги из всех уголков Царны. Она обзавелась чистой книжонкой и чернильной спицей, ступкой, закопченным котелком, прозванным Тами «зельеваром». Жители Дома планет со временем свыклись с неприятными запахами эликсиров Исмин – прекратили гнать от печи и от своих шрамов. Иногда она ходила к Легате, но чаще – пропадала, как и Горан, в библиотеке – огромной центральной комнате дома с лестницами на колёсиках и башнями стеллажей. Они двигались параллельно с кудесником, порой даже не замечая друг друга в задумчивости. Горан всячески избегал посторонних глаз, ведь он совершал преступление – чтение запрещённых воспитаннику града книг: о разрушительной звезде Альфатум и о крадушках.

Официальная легенда гласила, что Царна выросла листом страны, свободной от порабошающей власти магии. Колду-

ны параллельных миров разгневались на бежавших в новые земли людей и учинили погоню. Дерево времени создало защиту: моря на юге Царны, Краеугольные горы на севере, Спящие скалы забвения на востоке, а на западе, там, где садилось почивать солнце, – Алефу – твердыню грёз. Волшебные преграды остановили многоликих чудовищ колдунов. И тогда они сотворили разрушительную Альфатум, которую даже свет перламутровых стен не смог уничтожить бесследно. Проклятие пять веков осыпалось осколками звезды, рождая тёмных воинов потустороннего зла.

В Морионе верили в иную историю, будоражащую воображение настолько, что Горан до дрожи боялся обнаружить ей подтверждение. Разрозненные провинции Царны всегда отличались непокорностью. Подчинению их единой власти отдались века. Крепче мечей и монет союзы скрепили страх и ненависть к возрождающемуся врагу, крадушам, и смиренность перед теми, кто способен его уничтожить. Власть приспешников Велирадовичей и всего града держалась только на подогревании слухов о хворях безумия. Но в широтах Краеугольных гор в детях Альфатум видели иную, защитную цель.

Углубляясь в предания ветхих свитков, Горан терял покой. Он лежал в постели часами, смотря в потолок и вслушиваясь в стенания выюги за окном. Свирепые морозы знаменовали близкое приближение Новолетия – возвращение тепла. А до той поры... Одежда казалась неудобной, дни туск-

лыми, – хотелось уснуть под пуховым одеялом до наступления весны. Окружающий мир обмер, за дверью белели статичные пейзажи Реморы. Горан бродил по библиотеке призраком, а сидя за столом в кухне, всматривался в улыбочивые лица крадушей и гадал, почему поддается обману?

За три дня до праздника Новолетия Дом планет всколыхнула суматоха. Повинуясь её энергии, солнце объяло яркими лучами округу. Ветер стих. Горан, сославшись на хандру в четырех стенах, отправился прогуляться по аллее. Он скользил по оледеневшим дорожкам, пробирался сквозь сугробы, пока бесцельное движение не остановил грязный круг пруда.

Кудесник сутулился растерянным путником, всматриваясь во тьму воды. Рука его потянулась к карману великоватой дублёнки из гардероба Везнича. Утром Злата подарила плетёный браслет. Грубые бусины торчали лазуритовыми шипами на красно-чёрном ремешке. Горан сорвал две бусины, бросил воду. Гладь пошла трещинами, замерла... и расплылась обсидиановой лавой. Спустя мгновение он увидел на ней знакомый образ.

– Ализ, – тихо выдохнул кудесник, не зная, как справиться с нахлынувшим смятением.

Он стоял, молчаливо смотря на её пепельно-белокурые волосы и тёмные меха накидки.

– Ты жив! – протянула ворожея руки. – Жив! Горан, ты пропал так надолго! – её обеспокоенный голос дрогнул, но губы тронула счастливая улыбка. Как во времена учебы. Без-

заботная, недостижимая, чарующая. – Где ты? Я слышу грозное эхо гор.

Горан осмотрелся, не замечая ни тени, не замечая и слабого постороннего звука.

– Я в Морионе, Ализ.

Она лишь опустила кротко взгляд.

– И крадуши с тобой?

– Да. Мы на ступенях Краеугольных гор. Ализ, представь: здесь нет людоедов из книг, нет человекоподобных волков. Мирные люди. Здесь многое выглядит иначе.

– Они веками изучают звёзды колдунов, Горан. Заморочить голову огорчённому мальчишке – им, что пальцами щёлкнуть.

– Я запутался. – Он измученно вздохнул, смотря на унты и шерстяные перчатки на шнуровке. Новая одежда и короткая стрижка делали его незнакомцем себе.

Голос Ализ смягчился:

– О, в тех землях мысли туманят завистники и гордецы. Отчего ты слушаешь их?

– Я...

– Они пожелают остановить тебя!

– О моих планах им не известно. Я просто читаю о Царне. Так много нитей истории – и все они сплетаются в спорные знания.

Ализ взмахнула рукой сердито.

– Каждое слово тех книг – обман. Оправдание детям, се-

ющим хаос безумия.

– Но я так долго иду с ними плечом к плечу. Я жив, невредим. Мыслю ясно. Если бы ты смогла узнать их так же, как я.

Взгляд ворожеи окаменел, словно от оскорбления.

– Ты говоришь со мной, чтобы унять муки совести?

– Ализ, – растерялся Горан, – мне некому больше довериться. Почему ты не желаешь даже послушать?

Она отвернулась. Нежность лица окончательно уничтожил гнев. И Горан, скрипя душой, задал вопрос:

– Что если мы одурачены?

– Учителями, которым ты обязан всем?

– Нет, я говорю обо всей династии и опоре её – гончих Казмера. Воевода града превратился в вершителя судеб.

Ализ взглянула на него раненым зверем, сжимая от досады кулаки.

– Намерен разбить мне сердце?

Горан замер с открытым ртом, поражаясь её уязвленной искренности.

– Нет. И в мыслях не было...

– Считаешь, я пожертвовала свободой ради обмана, выдумки властей? Я и десятки других ворожей в жутких темницах чернолесья?

– Нас лишили доступа к правде. Существует столько разрозненных воспоминаний, преданий, целых легенд об Альфатум и крадушях! Выслушай. Почему ты настолько жестока?

– Жестока?! – вскричала она. – Я иду на злодеяние, разговаривая с тобой, вразумляя тебя. Каждое моё слово, неугодное твоим исковерканным убеждениями – попытка уберечь от беды. – Ализ ранила его леденящим взглядом. – Жестокость, Горан, порой последняя возможность защиты.

Ладонь ворожеи ударилась о зеркальный обсидиан глади. Вода всколыхнулась беспокойным плеском. Кудесник испуганно отшатнулся. Ализ исчезла. Поверхность пруда медленно замирала, а внутри мальчишки надежда взорвалась от несправедливости обвинений. Почему всё не может быть ясным, как прежде? К чему выбор, назойливые сомнения? Он скорой походкой заторопился в дом, убегая от призрака ошибок и сочувствия, которое обернулось ловушкой.

3

Новолетие считалось в Царне главным праздником, но ни в Вистрии, ни в граде, ни в Бескравии Горан не встречал настолько шумных и весёлых проводов года, как в Морионе. Ремора украсилась хвойными гирляндами в алмазных и рубиновых звёздах. На шиповых деревьях розами расцвели шишки. Холод ослаб. На речных катках устраивались игры. Дети сооружали изо льда башенные укрытия, обстреливая снежными снарядами укрепления боевых команд. Холмики заполнились людьми с санками. Крадуши, поддавшись общему сумасшествию, пропадали с утра до вечера на горках. И Горан дурачился рядом с настырным Липучкой, признавая невольно, что никогда прежде не бездельничал с такой радостью.

Вечером, накануне праздника, планировался грандиозный бал в замке управителя Реморы. В преддверии торжества жителей селения занимали лишь приготовления нарядов и угощений для пиршества.

Горан слонялся по Дому планет с блокнотом Бахаря. Он изучил его до корки. Никс расшифровала недостающие записи: воспоминания близких, свидетелей помощи наследников Альфатум, неоправданных гонений и страданий крадушей от пагубных способностей. Словари подтверждали верность перевода. После обеда кудесник обложился картами

в библиотеке, углубившись в схемы царских просторов настолько, что не заметил, как к нему подошла Злата.

– Я принесла тебе костюм.

Он поднял взгляд на серо-зелёный пиджак и брюки. Бежевую рубашку украшали шелковые ленты коричневого галстука в золотистой вышивке.

– Как форма кудесника – я нашла в Книге сословий. Нравится?

Горан взял строгий костюм из её рук, улыбкой извиняясь:

– Я совсем забыл о празднике.

Злата присела рядом с его креслом на стул. Огневик в чаше подсвечника затрепетал светом.

– У скал забвения в канун Новолетия к домам приплывали эфирные рыбы. У них радужные тела и глаза, как медяки Янтарного града. Я шептала им о заветных мечтах. У скал верят, что рыбы унесут их кладом к созвездиям – взглянешь на ночное сияние и вспомнишь ради чего ходишь по земле.

– Тебе подарили амулет у скал? – удивился кудесник, рассматривая тёмное дерево – миниатюру листа.

Камни малахитовой расцветки соответствовали восьми провинциям страны, как в атласе. Жилы блестели перламутровым глянцем. Он опустил палец, коснулся прозрачной капли кристалла – слабый перелив. Злата усмехнулась.

– В моей руке он мерцает звездой. – Она положила амулет на ладонь, демонстрируя, как кристалл на ножке листа заиграл бело-голубыми бликами. – Чудеса подарка. Семья, вру-

чившая мне его, осталась в памяти смутным образом. Добрым. Светлым. Дядя всегда твердил: «Если снять амулет – капля высохнет!»

Горан повесил костюм на спинку кресла и собрал карты.

– Ты что-нибудь помнишь о той семье?

Злата скрестила руки с подозрением.

– Почему спрашиваешь?

– Я битый час сижу над картами. – Кудесник с безразличием повёл рукой. – Амулет – схема провинций в миниатюре. Кристалл на ножке листа – Алефа. Удивительно?

– Совпадение. – Злата спрятала амулет под воротник чёрного платья. Её распущенные волосы скрывали спутанными прядями бордовые бусы украшения. – Соседи дяди – молодые мужчина и женщина, имен которых я не запомнила. Они часто уезжали. Подолгу отсутствовали. Как-то – просто не приехали и всё. – Девочка кивнула печальной закономерности судьбы. – Они всегда дарили мне подарки. Славные люди.

– И очень щедрые.

Злата потянулась к картам, избегая настойчивого взгляда кудесника.

– Получаются маршруты?

И Горан вздохнул тяжело, спонтанно признаваясь:

– В атласах нет ни одной достоверной тропы к цитадели грёз.

– Они есть здесь. – Злата неожиданно склонилась и ткнула

его пальчиком выше сердца. – Слышишь? Текут с мечтами к мыслям. Иначе, мы бы давно сошли с пути.

Их взгляды встретились – и Горан сдался умиротворению собеседницы.

– О чём ты мечтаешь? – спросил её.

Злата шепнула:

– Не причинять больше боли.

Слабая улыбка.

– В твердыне не исцелить крадушей.

– Но если попробовать...

Горан сжал её руку в своей, вопрошая:

– А если вы не нуждаетесь в исцелении?

«Искорка!» – звонкий голос Липучки разрушил миг откровения. Тами начал бродить по проходам библиотеки с пламенеющим подсвечником. «Сюда же юркнула» – он, хмурясь, заглянул за последний стеллаж.

– Что вы тут сидите в полумраке? – Почесал нос. – О, Злата, вспомнил: тебя Никс искала. Там Исмин отказывается надевать пышное платье.

Злата хлопотливо поднялась, не скрывая хитрой улыбки.

– Увидимся позже! – кивнула Горану. – И не забудь: костюм.

Горан с упреком посмотрел на Липучку.

Тот невинно отложил взятую со стола книгу: «Что?..»

Замок управлятеля возвышался над Реморой башнями воинов с мощными щитами стен. Он напоминал зубчатый кубок из серого известняка, окованного чёрно-белым металлом. Многочисленные ряды окон пылали бледно-жёлтым светом. Вдоль дороги ледовые статуи орлов указывали путь к слановым створкам врат. Люди стекались к замку в пёстрых нарядах, расшитых фамильными гербами, и с полными корзинами угощений. Гостей в круглом холле встречала Легата в рубиновом платье с двумя женщинами в фиалковых мантиях.

Горан прибыл в замок с опозданием, потому что Липучка искал Зверушку и испачкал костюм. Вара встретила их радушно и провела в огромный обеденный зал, разделённый бело-золотыми кругами столов. Стены украшала хвойная лоза в красных бантах и хрустальных голубках. Люди шумно переговаривались о завершении зимы, попутно желая проходящим мимо гостям щедрого года.

Ребята ожидали их в западном углу зала, возле нетронутых пирогов и подноса со глазурованных сладостей.

– Где вы запропалились? – проворчала Никс. – Речь сейчас начнётся.

На мраморных ступенях появился Изгальдун – управлятель Реморы и всего Мориона, облачённый светозарным во-

ином. Горану он казался холодным мертвецом в одеянии, отливающим загробным серебром. Все гости поднялись, голоса стихли. Старейшины Совета провинции, среди которых выделялась рогатым венком голова Везнича, сливались за синим плащом Изгальдуна меловой свитой. Управитель начал громогласно чеканить речь.

Горан не слышал слов, осматривая стоящих рядом крадущей – чужеземцев в праздничных одеждах. На Эфе, Исмин и Злате темнели строгие платья женственных силуэтов. Бирюзовые, янтарные, алые цветочки покачивались на пышных тканях юбок, словно солнечные блики на зелени волн. Волосы сплетались косами причёсок, украшенных гребнями в самоцветах. Глаза блестели от праздничного волнения. Один Клюв чувствовал себя стеснённо в нарядном песочно-чёрном костюме, нервно поправляя высокий воротник белоснежной рубашки и стараясь не сутулиться. Тами в золотисто-коричневом пиджаке напоминал румяный рогалик с озорной мордашкой. Он шёпотом комментировал речь управителя, а Горан механически кивал головой, понимая, что ослепительный облик града тускнеет, блекнут в воспоминаниях красоты Башни Воспитанников, лоск и торжество бастионов.

Окружающие сейчас ребята казались такими далёкими от избранных ордена воичей, от мира, к которому отчаянно всю жизнь стремился Горан. Они образовывали собой уникальную планету, вращающуюся по нерушимой орбите, –

притягивающую храбрым движением мысли чудесника, стирая его надменное убеждение: в меньшинстве объединяются неудачники.

Застолье протекало в молчании: струнная музыка причудливо расслаивала звуки голосов на долгие гласные, имитируя пение. После пиршества гости переместились в зал приёмов: пол из перламутрово-зелёного мрамора, помпезные портьеры, стены в аквамариновых росписях и колонны-аквариумы с парящими в туманных водах грозowymi скатами.

Начиная бал, грянула духовая музыка.

В танцах плавно закружились пары. Исмин пригласила Клюва, избегая нудных рассказов сына Вары. Никс колдовала под куполом снежинки. Тами неумело, но радостно скользил под музыку по травным узорам с Эфой. Злата опустила косы на щеки, стесняясь шрамов и любопытных взглядов.

– Идём танцевать! – предложил Горан, поглядывая на расцветший круговорот людей.

Музыка руководила движениями, превращая заботы в россыпи смеха.

– Нет. – Злата шагнула в тень угасшей на миг колонны, пряча ладони в глянцевах складках сине-зелёной юбки. – Здесь столько людей. Я не умею.

– Это не сложно. – Горан подхватил её под руку, увлекая за талию в ряды кружащихся пар.

Упрямиться не позволял ритм праздника. Вращение соединяло огни колонн в искрящиеся вертикали, а голоса – в

аккомпанемент струн, клавиш и труб. Снег таял на щеках, мерцая в глазах счастьем. Горан и Злата вальсировали беззаботно, отвечая улыбкой на улыбку в недоумении: почему настолько непринуждённо они не общались раньше?

В полночь с вершины замка громогласным звоном разразился колокол. Удары остановили музыку и шаги. Портьеры задрожали звоночками. Люди начали хлопать в ладоши и весело обниматься. Когда колокол смолк, они заторопились к окнам, спустились во двор.

Над горами радужными прослойками разгоралось северное сияние. Кудесник стоял с друзьями на ступенях, восхищённо созерцая, как трескучие вспышки разбивали чёрный занавес неба: в мерцающем космосе пульсировали созвездия, плыли планеты. И невзгоды путешествия позабылись, Горан представил себя простым жителем Мориона, который не тяготился непреложными клятвами града и верил, что к твердыне действительно возможно отыскать тропы. Мечты...

По возвращении из замка он не отправился спать, а зажёл огневик в библиотеке и склонился над картами. Украдкой заглянувшая Никс подумала: «Кудесник изучает путь к Звёздным горам». Но Горан теплил надежды крадушей обманом. Мудрецы назидательно твердили в Башне, что без сопровождения воителей Алефы путь к её стенам закрыт. Все, кто самовольно рискнул ступить на запад от града, гибли.

Дверь распахнулась, в комнату проник Везнич в халате и

колпаке. Он сделал несколько осторожных шагов в потемках к стеллажу и вдруг заметил кудесника.

– Горан? Позднее время, а ты не спишь? – Поправил очки на прищуренных глазах.

– Вы тоже.

Старик усмехнулся.

– Верно. Мне покоя не дают чертежи. Никс уже привыкла. Я строю макет Древа времени, – тихо признался старик. – В дополнение к карте неба.

Кудесник оживился:

– А Алефа? У вас есть её изображения?

Везнич помрачнел.

– Нет. Я много путешествовал, но о ней слышал только небыль. Впрочем, идем. Думаю, тебе пора кое-кого увидеть.

Они поднялись по витой лестнице в восточное, запретное, крыло дома. Там громоздились шкафы и доски, вёдра с красками, листы металла. Вдоль коридоров темнели закрытые на массивные замки двери.

Достигнув тупика второго этажа, посетители перешагнули порог кабинета Везнича. Окна синели спящим небом. В коричневой кладке стен пламенели карнеолы. Гирлянды огневиков освещали огромный стол в бумагах и фигурках планет. Старик подошёл к барельефу провинций Царны на южной стене и толкнул вершины глиняных гор. Гостю открылся потайной ход.

Ступени вели в хрустальную башенку с полупрозрачными

стенами, пронизанными каменными опорами конуса крыши. Повсюду сетями лежали зелёные побеги растений. В горшках цвели яблочные деревья и ромашки. Разноцветьем люминесцировали опалы, пылали карнеолы. Подвесные фонари освещали путь жёлтыми отсветами огневики.

Везнич шагал впереди, тихо обращаясь в сказочный полумрак:

– Эрно. Эрно, прости, что тревожу тебя в поздний час. Я привёл кудесника.

Старик уступил Горану дорогу. На вершине лестницы, в насыпи трав, сидел альтург. Он выглядел озябшим, напоминая изможденного напрасным полётом грифа. Золото оперения в полумраке отливало тусклой бронзой. Белые перья поросли сединой. Чешуйчатый венец на голове торчал роковым гребнем ящера. Стрелы хвоста поредели, превратившись в худые медные отростки. Альтург открыл глаз, хищно вспрыгнул на деревянную жердочку – продвинулся ближе к визитёрам.

– Кудесник? – издал треснутый клюв звуки хриплого, но все ещё приятного слуху голоса. – Горан Мильвус из Вистрии?

Гость кивнул, утрачивая всю решимость под зорким взглядом. Птица отвернулась к панорамному окну, открывающему белые зигзаги гор в искрах звёзд.

– Я наблюдал за тобой, кудесник. Там, во дворе, ты бродишь часами задумчиво. Что тяготит мысли? – спросила

дивная птица с упрёком.

– Твердыня грёз.

– И только?

Горан стыдливо потупил взгляд.

– Я веду к ней друзей. Крадушей. Но меня беспокоит правда.

– Ты зовешь друзьями чудовищ?

– Нет. Не знаю... Я не знаю, кому верить. – Кудесник вздохнул горестно. – Мудрецы града обучали нас остерегаться их.

– И презирать. Свита династии воспитывает покорность. К чему тебе слушать меня?

– Вы – хранитель сказаний. – Взгляд Горана не скрывал восторга. – Хранитель истины былых лет. Я видел венценосных птиц на крепостной стене града. Представляете? Они упорхнули, и я не успел сказать ни слова. А теперь говорю с вами...

Горан сник. Птица молчала, смотря с тоской в предрассветную даль.

– Кому мне ещё верить? – вспыхнул кудесник. – В книгах – сумятица. Слова, слова, слова – свирепые воины двух непримиримых армий: града и крадушей.

Везнич успокаивающе положил руку мальчишке на плечо. Горан отступил, хмурясь.

– Расскажите мне об Альфатум! – с жаром попросил кудесник. – Умоляю, мне нужно знать правду!

Альтург, царапая загнутыми когтями жердочку, приблизился к настойчивому гостю. Сапфировые бусины глаз сосредоточились опаляющим взглядом на бледном лице подростка.

– Правду?

Горан, не моргая, смотрел на немощную, но величавую птицу, таящую правду о временах.

– Что ж, кудесник, думаю, ты вправе знать. – Альтург укутался крыльями, как худощавый старец пледом, и тягучим голосом повёл сказ: – Восемь веков назад Царна мало отличалась от миров Древа времени: горы, реки, моря, цветущие равнины. Философы, колдуны, крестьяне, купцы и многие ремёсла служили благим целям: созидать, возвращать в землях и умах надежды на день грядущий, разрозненные провинции полнить богатствами. Алефа заботливо хранила чистоту грёз от зла. Но в алчных стражах перламутровых стен вспыхнула жажда власти. Ею они одурманили разум колдунов града. Так возник бесчестный Альянс воителей. Вспыхнула война, порабащившая людей прихотям единиц. Страдания народа всколыхнулись в западной цитадели ослепительными огнями, обернувшись во тьме небес звездой Альфатум – Ясноликой – призванной светом смирить жестокие сердца, остановить насилие. Колдуны града вторглись в твердыню и с высот её разрушили Альфатум моровой стрелой. Яд колдовства осквернил осколки Ясноликой – магия грёз вернулась в Царну проклятием.

– Воплотилась в крадушей?

Альтург согнулся от цепей усталости.

– Частицы Альфатум падают в чернолесья, отражаясь в колыбелях младенцев. Рождённым в новолуние стоит лишь распахнуть глаза – тлетворная искра вспышки отравляет невинную сущность. В небе ещё сотни? тысячи осколков? Настоящая чума безумия, сотворённая предками Велирадовичей и мудрецов града. Собственноручно созданная беда. Свет человеческих надежд очернить просто, но сажа порой защищает блеск.

– Что ещё за Альянс воителей?

– Союз возгордившихся мудрецов, стражей и колдунов.

– Колдунов? В Царне их нет.

– Потому как горько раскаялись в предательстве. Царну испепеляла кровожадность воинов. В гневе стражи-предатели, на тот момент терпящие поражение за поражением, уничтожили прозревших колдунов в чернолесьях.

– Бросили со срыв-камней?

– В тех чащобах вода отравлена воем страдания. Казням подвергались семьи крадушей и все родственники колдунов, осуждённых за измену Альянсу воителей. Впрочем, существует предание, что колдуны не погибли, а обернулись многоликими чудовищами, но в тёмные времена – тьма слухов.

Горан присел на ступень. Везнич стоял смиренно, прислонившись спиной к деревянной балке. За окном гудел в пляске ветер.

– Как без колдунов стражи одолели крадушей?

Альтург повёл крылом по душистой траве, словно по водной глади.

– Казмер заключил союз со змеядами, пожертвовавшими человечностью ради разрушительных сил, – обманно называющими себя учениками колдунов и порождениями чернолесьев. Перерожденцы зла наделили гончих чародейским чутьем и шиповыми булавами из моровой сланы, ядом разбившей Альфатум. А в помощники им пустили серпокрылых соколов со всевидящими глазами офитовых змей.

– Гончие и змеяды – враги.

Птица закачалась на жердочке от хриплого смеха:

– Для гончих у змеядов всегда припасена сахарная кость. У правителей града и перерожденцев разные цели, но заклятыми врагами им не стать вовек, ибо общая угроза их ненасытной власти – крадуши.

– Крадуши опасны! – Горан сжал кулаки, сбиваясь с выводов в кричащих мыслях. – Вы не можете отрицать: они калечат и рушат, пусть непреднамеренно, всё же... людям они не способны помочь.

– Верно, – подался альтург вперёд, впиваясь гипнотическим взглядом. – Но ты ведёшь крадушей в цитадель грёз – место человеческих чаяний. В крепость за Туманным лесом с невидимыми тропами. Ворожеи в заточении блуждают там каплями дождя, месяц – печальным взглядом.

Горан отшатнулся, дыша учащённо, сжимая и разжимая

нервно пальцы. Хотелось бежать от коварных речей, от вещающей смуту птицы, – прочь из каменного вместилища тайн.

– Кудесники – противники всем недругам града: змеядам, безродным и крадушам, – убеждённо настаивал Горан, отступая назад, в спокойствие прошлого.

– Такими вас воспитывают, – преследовал голос птицы, – внушают пороки, приручая менее опасную часть Альфатум...

– Что? – обернулся кудесник.

Везнич стоял смиренным свидетелем откровения. Распахнув мантией крылья, альтург спросил застывшего мальчишку:

– Разве ты никогда не задумывался: откуда в мире без колдовства появляются столь умелые маги, как вы – кудесники – обескровленная опора мудрецов и града?

– М-мы талантливы, – запнулся Горан на выдохе.

Плечи его опустились. Волнение унялось.

– Талантливы... – грубо повторила птица. – Талантливы, потому что содержите в себе частицу того света – сияния Ясноликой. Как и весь мой род сказателей, навеки заточенных в слановых темницах мудрецов.

– Неправда.

Альтург вспорхнул под потолок, слепя вспыхнувшей краской крыльев:

– Почему чары крадушей щадят тебя? Столько дней пле-

чом к плечу – ни единой хвори? Аль темнеет в твоих руках,
ограничивает силы – силы, туманящие чужую память.

Птица замерла над кудесником.

– Этому есть объяснение! – злился Горан, задыхаясь от
беспомощности в обломках воспоминаний.

– Кудесники – дети крадушей, – сокрушил могучим бес-
страстием голос. – Цвет побегов всевластного Древа време-
ни.

Глава 14

1

Никс разбудил шорох. Скребущийся, назойливый, откуда-то из стены. Она сонно открыла глаза. Утро. Комнату заполняло белое пламя света. «Рых-ры-ры-rrr». Искорка взобралась передними лапами на подоконник, её шея и голова балансировали, будто на макушке стоял поднос с яблоками. «Опять орлы? – Никс потёрла глаза. – Мы скоро пойдём гулять. Успокойся». Лучи согревали плечи. Наконец-то тепло. Она оставила постель и принялась одеваться: просторные штаны со шнурками на лодыжках и поясе, свитер в вишнево-синюю полоску. Сегодня предстоял путь в горы. Никс опустила на колени, выискивая второй носок под кроватью. Рык возобновился. Босиком она побрела к обеспокоенной питомице.

За окном сосульки мелодично роняли капель. Снег таял, разливаясь голубой пастелью. Грозная туча чернолесья вновь проступила угольным наброском на горизонте. Никс погладила рысь за ухом, но та оставалась напряженной, словно бегун перед стартом. Взгляд девочки устремился вдаль. Безоблачная синева неба. Зелень хвои. Никс всмотрелась в холмы с подозрением. Что-то в знакомом пейзаже измени-

лось. Сосны, дома, замок в вершинах гор. Зрачки метались из стороны в сторону. В стене вновь задрезжал скребущийся шорох.

Никс отодвинула сундук с вещами. Из щели в плинту-се вынырнула лиловая мышь. Она стремглав взобралась по одежде на плечо хозяйки и острой мордочкой потянулась к уху. В стрекочущих звуках незнакомец бы услышал лишь прерывистый писк, но северянка различала ужасающее предупреждение. Мышь смолкла и торопливо устремилась к окну. От чернолесья полз сумеречно-фиолетовый туман. Никс ринулась к двери, пронзая безмятежную тишину дома криком: «Гончие!»

Сборы проходили в горячке волнения. Коричневые дорожные костюмы, тёмно-зелёные накидки с капюшонами. Одинаковая одежда скрыла различия пола, комплекции, оставив крохи идентичности в разноцветных котомках и рюкзаках. «Готовы?» – спросила Никс ребят на пороге. Они закивали. Страшная новость застала крадушей в постелях, но на сонных лицах глаза поблескивали стальными наконечниками.

Везнич провёл ребят до черноводного пруда, причитая, что Никс не успела добыть в горах обереги. Он надеялся защитить детей, дать больше знаний, но медлить более не позволялось. Старик прекратил наставления и по очереди обнял детей. Прощания стали для крадушей привычным ритуалом, затягивающим душу в тугие узлы. Тами расплакался, когда

увидел, как слёзы катятся по щекам привычно невозмутимой Никс: она обнимала Искорку, льнущую к плечу. Лило-вая мышь, верная лазутчица, сидела на колене Никс с каменной неподвижностью.

– Нужно идти. – Никс поднялась, оставляя своих четырёхлапых друзей на плитах аллеи. – Берегите наш дом. И себя.

Звери смотрели на неё с преданностью. Никс приблизилась к сутулой фигуре Везнича. Старик обнял её в ответ отечески: «Крепись, лучик. На закраинах тайн труден путь, но сокровенная мечта – светоч во тьме отчаяния. Верь в её свет». Никс закивала часто, боясь, что от слов разрыдается. Оглянулась на ребят – будто тени странников. Её лицо вновь отвердело вынужденной строгостью и бесстрашием. Рукой она поманила беглецов. Рысь и мышь непослушно направились следом. «Вам велено охранять!» – напустилась Никс, содрогаясь внутри от жестокости голоса, но смиряя непреклонностью. Зверушка и мышь замерли. Никс взглянула на западную окраину Реморы. Лучи еще золотились на гладкой пастиле снега, но чадный туман неотвратимо полз по стенам домов.

– Они близко, – шепнула Никс. По небу мелькнули тёмные полумесяцы. – Соколы уже мчат.

С востока гор навстречу соколам неслись белогрудые орлы. Крадуши взволнованно озирались.

– Где мы скроемся? – нервничал Горан, понимая: пути к

чернолесью оцеплены.

Никс ступила на кварцевую кромку пруда, вдохнула глубоко для успокоения. Оглянулась на растерянных ребят.

– Просто затаите дыхание и прыгайте за мной. – Носок её ботинка коснулся смолевой поверхности водоема. – Страх – только мысли.

Она сжала в ладони сферу Регула и, оттолкнувшись от опоры, скользнула в воду. Плеск грянул хрустом льда. Крадуши обменялись взволнованными взглядами. Гладь натянулась зеркалом, сверкающим по контуру снежной пылью. Кудесник взглянул на туман за аллеей, кивком поблагодарил за помощь Везнича: «Передайте Эрно мою благодарность». В глазах Горана отразилась робость крадушей. Рука протянулась с решительным призывом. Везнич торопил, но никто не осмеливался шагнуть в неизвестность. И вот Злата ступила навстречу кудеснику, её рука утонула в его ладони. Горан начал разбег, увлекая её за собой. Прыжок. Боковым зрением он уловил, как Исмин, Клюв и Эфа ныряют в пучину следом. Воздух застыл в лёгких. Глаза зажмурились.

Секунды парения показались холодным душем. Ноги ударились о каменистую почву. Крадуши восстанавливали равновесие, пугливо осматриваясь.

– Чернолесье, – выдохнула ошеломлённая Злата.

После жара лучей промозглость мрачных зарослей нахлынула могильным холодом.

В нескольких шагах, на развилке ржаво-коричневых троп,

Никс шнуровала ботинок:

– Верно. Ведьмина топь не раз спасала меня от гончих.

– Ведьмина? – переспросил Тами, удивлённо хлопая себя по сухой одежде. – Ты видела их? Они скрываются в Морионе?

Никс поднялась, поправляя плетение сухих веточек и бус в косах над покрытыми перламутром ушами. Тами выжидающе смотрел.

– Сомневаюсь, – ответила. – Змеяды уничтожили их три века назад. Ведьмы обитают теперь в названиях.

– Почему прибыли гончие? – пресёк Клюв пустые разговоры. – Разве вы не закрыли тропы к Реморе?

– Закрыли, а не уничтожили. – Никс шагнула по тропе. – Ключи подобрать – дело времени. Не забывайте, номинально Морион покорен династии. Гончие редко бывают у подножия гор, только вот патрулировать северные земли мы запретить им не вправе.

Исмин осмотрелась:

– Мы ещё в Морионе?

Никс крутнула на цепочке сверкающую сферу.

– Да, за спинами врага.

– Но как же Везнич? – Тами страдал расставанием. – Что станет с Искоркой?

Никс погладила его по плечу, взгляд её оттаял:

– Им безопаснее в Реморе. Ты ведь не хочешь, чтобы Искорка пострадала, защищая нас?

Тами замотал головой, сожалеюще смотря на северянку оленьими глазами.

– Защищая? – волновался Горан. – От кого?

– От верных Альянсу воителей, кудесник. Мы выиграли чуток дня, но миновали не все опасности. Нас преследуют лучшие ищейки Вацлава. – Никс осмотрела ребят с видом проводника в пещере. – Выше нос. Если тропы не обманут, к утру мы достигнем града.

Никс отломил от кустарника сухую ветвь и начертила на бурой грязи символ: пятилистник, проросший тремя колосями.

– Что это? – спросил Тами.

Она сняла с шеи сферу и уронила её на кривой рисунок:

– Герб Федарии.

Взгляд Никс сосредоточенно следил за частицей Альфатум.

Кольца сферы всколыхнулись вращением – бело-голубые искры вспорхнули в воздух, рассыпаясь призрачными точками. Точки сомкнулись в полупрозрачный образ крылатого льва. Никс облегченно выдохнула:

– Теперь Регул проведёт нас.

Они начали движение по крайней правой тропе в гущу горбатых деревьев. Крылатый лев кружил над кронами, исчезая в ветре и вновь возникая белесым странником. Крадущие обсуждали спешность сборов, волшебство побега и переживали – за тех, кто остался держать ответ. Солнце изредка

проблескивало глазом сквозь скважину смоговых туч. Сырость сменялась болотной духотой, колючие ограды кустарников – цветущими сон-травой полянами в островках рыхлого снега. Весна тронула даже ведьмины чащобы.

– Новолетие наступило на месяц раньше, – рассуждала Исмин. – Но осень остудит дождями край лета – и зима воротит себе время. Пятьдесят дней цветения и тепла. Взгляните, гнёзда брезговых пташек! – взметнулась в указывающем жесте рука. – Они будят солнце.

Спутники подняли головы, всматриваясь в бугристые пальцы веток. Среди сосулк бледно-зелёными пятнами проступали крохотные гнёзда.

– Здесь?.. – удивился Клюв.

– Прячутся от змеядов, – заверила Никс, не оглядываясь. – Скверное укрытие.

Исмин всмотрелась в пятна с надеждой увидеть птиц:

– Они ведь погибнут.

Никс пнула камушек на пути, скрывая сожаление.

– Плен змеядов для них страшнее.

Разговоры потекли в русле тревог о беззащитных существах Царны, о засилье змеядов, о бездействии управителей и воевод. Беседа скрашивала путь. Один только Горан шагал молчаливо, угрюмостью игнорируя вопросы.

– Что с тобой, кудесник? – Никс поравняла с ним шаг. – Боишься?

Горан исподлобья стрельнул взглядом, отвечая сдержан-

но:

– Нет. Переживаю, что ты допустишь ошибку.

Северянка улыбнулась с лукавством, минуя враждебность:

– Твоя ошибка на звёздной ветви отклонила ваш путь, запустив цепь судьбоносных событий от провинции Орд до Мориона. Порой ошибки во благо?

Кудесник спрятал руки в карманы шерстяной накидки.

– Не думаю.

– Мы с Тами не осуждаем тебя, – попыталась подбодрить его Злата. В оправдание она сообщила Никс: – Соорудить звёздную ветвь из корявых кусков и проволоки – волшебство! Помарка в рисунке герба досадно вывела нас к Офитовому морю вместо града, но мы обрели друзей. Столько приключений пережили!

– Таков жребий, – таинственно улыбнулась Никс пунцовыми губами.

Горан фыркнул, закатывая глаза в неодобрении. А Исмин поддержала Никс:

– Везнич рассказывал, что чернолесье способно искривлять тропы. Вас вела ко мне не фальшивая ветвь, а дорога Гаврана.

– Гаврана?

– Глашатая чернолесья. Ворона. Его глазами многоликие следят за странниками. Крик его оживляет тропы.

Кудесник тоскливо смотрел под ноги.

– Что случилось? – Злата коснулась его запястья. Кожа холодила жар её ладони льдинкой. – После праздника ты словно в трауре. Три дня просидел в том склепе свитков. Опять секреты?

Она заглянула ему в лицо, но друг прятал взгляд:

– Нет, Злата. Всего лишь нездоровится.

– А чем сейчас страшен Альянс воителей? – поинтересовался Тами, подстраиваясь под энергичный шаг Никс. Его настойчивость преследовала северянку: – Никс? Ни-икс? Зачем Искорке защищать нас от воителей?

Горан вздохнул. «Липучка! Самый внимательный слушатель в мире».

– Потому что причастные к нему не терпят чужой правды.

– За правду желать зла?

Никс свернула в кустарники дымчатого кварца:

– Да. Ведь обман рождает покорность.

2

Солнце миновало экватор, путники – долгие километры пути. Тропа привела к черноводному пруду, разветвляясь четырьмя отростками в разные стороны света. Скалистый холмики преграждали дальнейший путь.

– Мы в Федарии, – сообщила Никс, осматривая тощие деревья, вогнанные в сухую почву рогатинами, и кварцевые серо-зелёно-лимонные жилы. – Повсюду корни Бусых гор. Нужен отдых?

Эфа кивнула и пальцем зачеркнула в воздухе треугольник. Тами снял с её плеча рюкзак: «И у меня силы на дне». Горан противился остановке. В Федарии гончим помогал даже камень. Кудеснику не терпелось скорее покинуть полог процветания, скрывающий голодных псов воеводы. Он остановил шаг. Оценивающий взгляд замер на водной глади, чернеющей мокрым ониксом. Необходимо связаться с Ализ. Альтург обмолвился о ворожеях неслучайно. Из всех людей Царны только им открыты любые тропы – украсть бы минуточку для разговора.

Горан оглянулся на ребят. Вспышки смеха. Они беззаботно шутили, что изматывающие блуждания закаляют в них выносливость для подъема по хрустальной лестнице грёз. Глупости. Утешительные глупости по лезвию бредущих мечтателей. Мимо проплыл Липучка, палкой вороша траву. Он

настырно выискивал стукамы, задумчиво игнорируя предупреждения и оклики. Интересно, о чём мечтал он? Кудесник всмотрелся в дрогнувшую гладь водоёма. Показалось. Клюв окликнул, прося взглянуть на атлас. Горан спрятал ремешок с лазуритом в карман и вернулся к друзьям.

Какое-то время они обсуждали наползающую с востока пасмурность. День стремительно терял даже серые краски. Ребята надели рюкзаки и котомки, встали за спиной Никс. На западной тропе, за прудом, она чертила осколком кварца герб Узоречья: восьмигранный кристалл в ленте девиза «Богатства множат ремесла!»

Горан сверил надпись с изображением на карте. Злата ступила в сторону холма, высматривая Липучку: «Куда он пропал?» Ребята посмотрели вправо, в густые заросли кустарника, вдоль которых минуту назад сновал Тами. Ни следа. «Он же к нам шёл. – Горан шагнул к паутине ветвей. – Липучка! Выходи, мы торопимся!» Тишина. Крадуши тревожно переглянулись.

Ветерок скользнул по лицам холодом. Над головой сварливо каркнул ворон. Предупреждение. Никс осмотрелась, но слова Клюва опередило её пугающее наблюдение: «Туман». Горан ринулся в колючую стену кустарника, оставляя за спиной приговор: «Нас выследили».

– Липучка! – звал он, не беспокоясь быть обнаруженным. Соколы уже раскроили мглу неба. – Тами!

Заросли остались позади. Кудесника схватили за рюкзак,

увлекая за скользкое дерево.

– Ты где пропал?

– Тсс! – Тами прислонил палец к губам. – Здесь гончие.

Сумеречно-фиолетовый туман сгущался, затрудняя видимость.

– Никс начертила герб. Скорее! Они ждут нас.

Из зарослей появилась Злата.

– Почему обмерли? – сердито спросила, морщась от боли на поцарапанной руке. – Мы вас ждём! Бросайте шептаться.

На втором шаге их настиг свист. Кустарник вспыхнул багрово-синим пламенем за секунду.

– Булава! – вскрикнула Злата, отшатываясь от смрадного жара.

Свист начал кроить воздух вспышками. Шиповые булавы вонзались в землю крушащими молотами.

– Сколько их? – ужаснулся Тами.

С холма спускались фигуры в раздутых крыльях плащей.

– Гончие! Бежим!

Втроем ребята ринулись огибать пылающую изгородь кустарника: ветви шипели, истекая гнойной сукровицей. Серное зловоние отравляло задымленный воздух.

Зовущие крики Никс звенели над краткими отголосками приказов гончих. Преследователей насчитывалось около шести человек, но с холма летучими мышами ширилось подкрепление. Кварцевые глыбы уводили в лабиринт деревьев. Горан понимал, что они удаляются от друзей, но враг не оста-

вил возможности для маневра. Злата задыхалась в паническом беге, Липучка отставал.

– Тами, скорее! – вразумляла она догнать их, но расстояние ужасно росло.

Крадуш оглянулся на гончих и свернул в сторону. Рогатые деревья разделили их пути.

– Куда?! Горан! Я не вижу его!

Мшистые колонны мелькали перед глазами забором, но развивающаяся зелень накидки Тами бесследно исчезла за сетями ветвей. Преследователи свернули, ошибочно решив, что мелкий мальчишка ведёт их напрямиком к беглецам. Горан и Злата торопливо перебирали ногами в надежде обогнуть монолиты скал – тупик, бег, тупик, поворот – и тут кудесник резко оттолкнул назад спутницу:

– Обрыв!

Злата отшатнулась. Горан замер, всматриваясь в скалистые стены высохшего русла реки. Будто земля треснула до основания.

«Тами!» – надрывно прокричала Злата. Отзвуки приказов гончих толкнули беглецов взбираться вдоль зияющего тьмой ущелья. Деревья расступились, открывая обзор. Хрупкий силуэт Липучки прыгал по валунам, следом – гончие. До них – минут пять, но Злата остановилась: Никс окрикнула друзей за спиной. Кудесник оглянулся. За деревом притаились Эфа, Клюв и Исмин, последняя – с обвинением во взгляде крикнула: «По вашим следам догнать – чудо!»

Горан не слушал вразумляющие призывы – настойчиво карабкался по камням, сдирая скользящей подошвой вниз сыпучую крошку земли. «Куда он ведёт их, Горан?» – нервничала Злата. Плащи гончих развевались над изгибами кварца. Тами взобрался на макушку отвесной скалы, а гончие замедлили шаг, окружая крадуша, как шустрого, но загнанного зверька. Злата споткнулась, Горан помог ей подняться и продолжил двигаться на помощь Липучке. Следом карабкались ребята. Тами пошатнулся на кромке обрыва, оглянулся и удивлённо заметил друзей. Горан махнул рукой: «Влево. В узкие трещины кварца. Спускайся!» Липучка послушно метнулся к сросшимся щупальцам серо-лимонного минерала.

Землю сотряс удар, выбивающий из-под ног опору. Булава пустила по кварцевым наростам разлом. Гончие сердито закричали соратникам прекратить бой. Кольцо ловушки сомкнулось. Но трещины поползли неостановимыми змеями пустоты, раскраивая глыбы, как утёс дрейфующий айсберг. Тами пошатнулся на краю обрыва, беспомощно цепляясь руками за воздух. Крик. И туча рушащихся камней скрыла его из глаз. Следом фигуры гончих испарились в воронке обвала.

Горану показалось, что сердце остановилось. Гух. Воздух замер внутри. Звонящий вопль Златы ударил по слуху. Кудесник зацепился за ветку кустарника, пока камни продолжали осыпаться, но впереди – отвесной скалы словно не бы-

ло прежде. Не было крика Тами, не было его отчаяния и надежды спастись. Пустота, отколотый кусок реальности.

Деревья загудели, сплетаясь в пучеглазых монстров с оленьими рогами на волчьих телах. Злата бредила в плаче, сверкая глазами, испепеляющими сквозь слёзы сумеречное ограждение гончих. Лес всколыхнулся скрипами, качнулся, зарычал уничтожителем – сорвавшимся с цепи хищником. Скрежетание эхом смело противников. Рослые мужчины с трудом поднимались на ноги. Злата сжала кулаки, и, зажмурив красные от плача глаза, разразилась криком нестерпимой боли утраты. Деревья вспыхнули алым пламенем выпуклых очей наваждения. Крадуши очнулись от горя. Эфа метнулась к обрыву, но Горан удержал её: «Не смотри», – понимая, что сам трусит взглянуть в расщелину. Он отстранил Эфу назад, туда, где Никс царапала на кварце заострённой бусиной из причёски герб Узоречья.

Гончие поднимались на ноги, заносили для броска булавы. Кудесник же, не замечая никого, метался над пропастью, глотая рывками воздух и не веря в кошмар трагедии. Он не мог внятно думать, не мог слышать. Перед глазами пошатывался на краю обрыва Тами, исчезал в сизой мгле отрывком видения.

Злата воинственно вела за собой деревянных чудовищ на слуг града. Облик её менялся пугающе: пальцы удлинялись эфемерными спицами синевы, волосы ползли лиановыми тенями вдоль тела, следы обугливались на земле в пепел. Зелё-

ные глаза помутнели болотной трясиной, утягивая в беспмятство взволнованные взгляды казмеровских ищеек. Гончие, схватившись за обереги али, пятились от её шагов, по которым рычащей ратью наступали многоликие. Один из воинов в ужасе вскрикнул, пустился бежать без оглядки. Звучали охрипшие приказы: «Бей!», но гончие обмерли гравюрой смирения. Казалось, ярость девочки сметает защитные заслоны сумеречной дымки, все невидимые щиты али. Но вот Злата пошатнулась, прижимая ледяную ладонь к пылающему лбу, ступила в сторону в поиске опоры – и рухнула без сил. Чёрные сгустки теней расплзались в трещины каменистой почвы, покидая измученное тело девочки свирепыми призраками. Многоликие взвыли над Златой, оскалились стражами. Предвестником бури раскатисто прокричал ворон. Земля вздрогнула и начала прорасти шиповой лозой.

Клюв опередил пламенную волну удара булавы – поднял Злату, на руках унося ее прочь от вспыхивающего столкновения града и чернолесья. Никс бросила на рисунок герба сферу Регула. Звезда засияла, взметнулась ввысь над разверзшейся дырой, мерцающей по краям снежной дымкой. Первой в неё шагнула Исмин, затем нырнули Клюв со Златой.

– Горан! – позвала Никс, перекрикивая шум ползущей лозы, треск багрово-синего пламени. Булавы гончих решетили шиповым огнём растущие заслоны леса.

– Горан, мы должны уходить!

Он пугал ее отрешённостью, рассеянным, словно невидящим, взглядом. Смирение не приходило.

– Нужно найти Тами, – ответил упрямо. – Я не оставлю его здесь!

Никс приблизилась. Эфа утёрла слезы, с испугом всматриваясь в помутнённые горем глаза кудесника. Он напоминал корабль, избитый губительной волной шторма, ведь якорь навеки увяз в пучине моря.

– Я не могу уйти. – Горан решил взглянуть вниз. Плащ гончего. Голые зубцы камня. Тами нет. Только чернота стен, непроглядное дно. – Ему нужна помощь!

Никс с силой потянула кудесника за руку, спонтанностью сдвигая на несколько шагов с места.

– С ума сошел! Ему не помочь. – В его глазах дрожало страдание, но решимость одолевала панику. Жар огня уже опалял кожу. Кольцо сумеречного пламени смыкалось. Горан закашлялся, тревожно оглянулся на зияющую дыру под сферой Регула:

– Постой!

Рука Эфы коснулась его плеча. Тело немело, земля плавила. Толчок в грудь лишил последней опоры. Он попытался кричать, но воздух крала скорость. Легкие вспыхнули болью, а затем сознание померкло в ледяной тьме падения.

3

По лбу стукнула капля. Горан заморгал, всматриваясь в серые полосы неба между дегтевыми узлами корней. Яма. Пахло сырой почвой и гнилой листвой. Рядом шептались крадуши. Никс задавала вопросы Исмин о кремневых норах в стенах. Клюв пытался взобраться вверх, но земля сыпуче ехала под ногами. Эфа всхлипывала где-то поблизости. Горан поднял голову и встретился с потухшим взглядом Златы. Её лицо белело слепком, опухшие глаза стыли отчужденностью.

– Мы в клетке? – спросил Горан, с трудом садясь. Рюкзак за плечами сводил спину болью.

Никс у противоположной стены ответила:

– Нам расставили ловчие ямы по чернолесьям. В земле аль притягивает частицы верного Регула. Она вшита в корни – ухищрение змеядов. Подстраховались: или схватят, или толкнут в ловушку.

– Есть надзиратель? – Горан поморщился, стаскивая лямки рюкзака. – Кто он?

– Не знаем. Какой-то мальчишка. Подросток.

Горан взглянул вверх. Над ямой колыхался огонь пламени. Фигура в плаще склонилась пытливым тенью.

– Что тебе от нас нужно?! – вскричал Клюв, ударяя ногой о грунтовую стену.

Незнакомец скинул капюшон, цепким взглядом всматриваясь в пленников.

– Скурат? – Горан поднялся, не веря собственным глазам. Сердце ухнуло – и пустилось в неровный бой.

Заядлый соперник поймал его, как беспечную лягушку. Мальчишка с факелом сел на витой корень, всматриваясь в изумлённое лицо кудесника. Если подпрыгнуть, можно схватить за плащ. Но опора вязкая, а ноги слабы.

– Надо же... Горан? – с сомнением произнёс Скурат, опуская пламя ниже, в полумрак ямы. Искры посыпались вниз, рождая возгласы. – Я до последнего не верил, что ты причастен. – Треугольное лицо гончого искривилось мрачной улыбкой. Рука прижала ворот плаща к шее. Скурат закашлялся. – До чего суров рок! Воспитанник града объединяет его заклятых врагов.

Горан поднялся. Озноб лишал характер твердости:

– Я желаю говорить с предводителем вашей группы!

Скурат вальяжно повел рукой.

– Я за него. Караульный ловчей ямы.

– Мы в Федарии?

– Нет. Где-то в дебрях Узоречья. Здесь повсюду ловушки змеядов. В одной сейчас обитаете вы.

Горан повысил голос, заглушая возмущения крадушей:

– Они бросили тебя одного?

Скурат хмыкнул:

– Если бы. И как ты догадался?

Кудесник повёл руками неуверенно.

Гончий признался:

– Ловчую яму я сам нашёл. Ваших перемещений ожидали.

Я умею слушать. Смекалистый.

– Скурат, позволь объяснить...

Мальчишка пошёл по корню с ловкостью канатоходца.

Прыжок – подошвы впечатались в камень у сторбленного дерева.

– Не желаю слушать изменника. Готовь речь для Вацлава.

Вон, уже летит его дозорный сокол.

Горан заметался от безысходности.

– Мы не представляем угрозы! – звал. – Скурат! Нас объединила не ненависть к граду!

– Да? – с иронией бродил у ямы караульный, поглядывая в темнеющее небо. – Увлечение живописью? Ну да. Сто и один приём безумия?

– Крадуши шли в твердыню грёз! – выкрикнул Горан. – Мы бежали от недругов за мечтами! Всего лишь.

Скурат задумчиво замер. С минуту он обдумывал слова, осматривая озлобленных пленников.

– Ты шутишь? – спросил сердито. – В цитадель грёз? Словно моряки – по звёздам?

Кудесник безоружно протянул руки, цепляясь за слабые проблески сомнений в голосе Скурата:

– У нас есть атлас. Умения. Слова альтурга. Зачем мне обманывать?

– Ты в клетке.

– А ты знаешь меня пять лет. Ты видел, как никто другой: я бился за право посетить Алефу. Мы – соперники, и потому у нас много общего.

Скурат испытывал его недоверчивым взглядом. Факел упал на камни. Вечерняя мгла уничтожила видимость.

– Помалкивайте! – распорядился гончий, запахиваясь плащом.

Раздался шелест крыльев. Доносились обрывки фраз, среди которых Скурат безразлично буркнул: «Ложный зов». Птица очертила круг над ямой, отдаляясь. Минуты ожидания. В клетку спустилась верёвка.

– Взбирайтесь! – скомандовал Скурат, отламывая от дерева смолевую ветвь и зажигая её шипом булавы. – Нам предстоит занятный разговор.

Они сидели у костра, сгрызая с веток жареные плоды растущего рядом дерева.

– Как фундук. Один в один. – Скурат вдруг напрягся, встревоженный догадкой. – Они точно не ядовиты? – нахмурился, с подозрением поглядывая на Эфу.

Девочка демонстративно откусила кусок маслянистого ореха.

– Можешь не есть, – проворчал Клюв, утирая губы.

Но Скурат принялся и, уступив голоду, вонзил зубы в сладковатую мякоть.

Ночь вернулась в чернолесье огромными звездами. Вда-

леке вспыхивали и гасли бдительные глаза многоликих. Скурат сидел, привалившись спиной к валуну в коконе плаща. Лоб его блестел потом, из груди вырывались хрипы. Но гончий держался храбрецом:

– Выходит, кудесник говорил с хранителем сказаний?

– Не он один, – обожгла Никс взглядом.

Крадуши переглянулись, впрочем, без беспокойства. Гибель Тами притупила в них чёткость мыслей.

– Ступить под своды твердыни... – протянул Скурат с несвойственной гончому меланхолией. – С этой мечтой я просыпался и засыпал.

– Воители не выбрали воспитанника?

Скурат помрачнел.

– Ваш бастион обвинили в самоуправстве. Вацлав выискивал изменников даже в ботинке. – Унылая усмешка. – Всех воспитанников, кроме нескольких одарённых кудесников, разослали по Царне. Где я только бывал! – Он взъерошил пятернёй отросшие до ушей волосы.

– Почему ты не выдал нас? – спросила Никс.

Ответ прерывал кашель:

– Секрет. Кх-кхе. Шучу. Гкхе. – Приложил кулак к губам, прочищая горло. – Я пойду с вами.

– В твердыню грёз?

– Ты болен, – прошептала Исмин.

Он грозно зыркнул на неё. Пепельно-синие глаза лихорадочно блестели на смуглой коже.

– Верно, но жив. В отличие от всей моей группы. Наш командир не счел должным предупредить, что змеяды умом тронуты, – он постучал по виску пальцем, – и в гневе уничтожают каждого встречного. Они изрешетили нашу группу смерчем ядовитых колючек. Виной тому – плохая весть. Вы сбежали из Реморы. – Скурат прижал руку к шее, сглатывая боль воспаления. Горло пылало. – Заноза выше ключицы. Лечить меня не стали – бросили в этих зарослях.

– Почему ты считаешь, что мы не поступим так же? – сгримасничал Клюв.

Скурат пожал плечами:

– Не знаю. Но мы слишком многих потеряли. А в остальном – выбор за вами.

Напоминание о гибели Тами повисло кладбищенской тишью. Палки с недоеденными орехами выбросили в огонь.

– Зачем тебе в твердыню? – спросил гончего Горан.

Скурат подавил кулаком приступ кашля.

– Не в твердыню – в Замок Воителей.

– К стражам тайн?

– Они не представляют, что град превратился в кипящий ненавистью чан. Жуть сотворили с гончими воевода и бесхребетный Иворг Велирадович. У змеядов развязаны руки. Гончие – тактические фигурки в их замыслах.

– И теперь ты готов идти на сделку с крадушами?

– Назовем это перемирием. Временным, к чему врать? Я болен, но не немощен. Я могу быть полезным. Без моей по-

мощи вам не избежать ловчих ям.

Сомнения выстраивались в невидимую стену. Скурат задал вопрос:

– Но ответьте, каков ваш план?

– Регул приведёт нас к граду, – осведомила Никс, воспламеняя сферу в руке. – Горан покажет потайные ходы, а там – пороги Алефы!

Крадуши переглянулись без энтузиазма.

– Град и Алефа – крепости неспроста. Их окружают твари гораздо ужаснее многоликих. Нужно знать тропы. Тропы грёз. Где вы отыщите их?

Горан поднялся, протягивая обломок смолевой ветви к костру.

– Нам помогут.

Скурат понимающе кивнул:

– Она оплакивала своё заточение. Твердыня – и её мечта.

Костёр тлел. Кудесник сидел на бревне, наблюдая за сосредоточенной работой Исмин: девочка давила камнем травы, собранные в рюкзаке за долгое путешествие кладом. Из вещей родного дома остался лишь медальон с угольным портретом родителей: лица мамы и папы, вырезанные из листа в семейном альбоме. Все карманы багажа Исмин заполняли лекарские корни, семена, камни, цветки и травы. А еще – две знахарские книги, подаренные Везничем, и целая библиотека в памяти – рецепты снадобий матери и Мирны.

Странники спали. Эфа металась во сне, страдая в кошмарных видениях.

– Что с ней? – спросил Скурат, для которого окружение крадушей являлось неизлечимой страшилкой.

Исмин взглянула в небо.

– Новолуние. Нас тоже гложут страхи, гончий.

Скурат стиснул зубы, содрогаясь от боли в шее. Исмин приблизилась к его тощей кожаной сумке.

– Есть кружка?

Он кивнул, опуская руку в карман плаща. Исмин потянулась к фляге возле костра.

– Принеси воды, пожалуйста, – она протянула кудеснику походную кружку гончего, складывающуюся в кубик. – Здесь повсюду кварцевые семена – пруд недалеко.

Горан достал из костра тлеющую палку и направился по дымчатым дорожкам кварца, люминесцирующего незабудками. Трава стелилась под ногами шерстью, словно земля – спящий зверь – дышала. Деревья тянули ветви, но кудесник безразлично позволял им задевать полы накидки. Мысли бродили там, у обрыва Федарии, – ни один монстр Царны не смог бы сейчас ранить сильнее гибели друга. Воспоминания каменели траурными статуями.

Светлые кварцы торчали из грязи шестигранными призмами. Небольшой пруд получилось бы обойти минут за десять. Ведьмины очи. Горан зачерпнул воды – бузиновый яд. Он оставил кружку и достал из кармана ремешок, подарен-

ный Златой. Оторвал последние бусины лазурита. Бросок. Второй. Третий. Дегтярная гладь заплясала амарантовым отражением факела. Дрожь стихла.

Кудесник осмотрел звёздное небо. Время позднее. «Откликнется ли?»

– Ты смел в своей глупости, – упрекнул его переливчатый голос.

Горан вымученно улыбнулся.

– Ализ... понимаю, что выгляжу жалко.

– Ты в шаге от града, кудесник. Впечатляющее упорство.

– Мне нужна твоя помощь.

– Помощь? – вскинула тонкую бровь. – Крадуши раскрыли обман?

– Прости... – Горан смешался. – Ализ, я не буду лгать. Не тебе. Ты поймешь, надеюсь. Я не могу их предать.

Она обездвиживала упрекающим взглядом. Хрупкая дымка силуэта. Волосы собраны на затылке, тёмная вуаль облепила плечи, шею сжал бархатный воротник строгого платья.

– Ты избирателен, Горан. Чем они лучше людей, воспитавших тебя?

– Речь не о превосходстве. Просто... они не жестоки, Ализ. Постарайся судить мудро.

Улыбка тронула кривизной бледные губы.

– Ты всегда сомневался. Никому не доверял, а за собственным мнением грел смуту.

– Ложь! Я доверяю тебе. – В голосе зазвенела сталь: – Всю правду открыл! Если не желаешь слушать, скажи. Без унижения.

– Ты изменился.

– Вызываю отвращение? – Горан сжал кулаки. – В любую минуту я приходил на помощь тебе. И в беде оказался чужим? Мы потеряли друга, – голос дрожал страданием. – Если не в цитадель грёз, то куда идти? Где найти утешение? Плен их сломит – я себя не прощу! Никогда!

Кудесник отвернулся, сдерживаясь от яростного крика. В ледовых глазах Ализ проступало сочувствие.

– Чего ожидаешь от меня? – пёрышком коснулся вопрос. – Что по силам узнице чернолесья?

– Ты ворожея. Тебе видны тропы грёз, – крался неуверенно.

Взгляд Ализ вспыхнул, но вскоре гнев стих. Она вкрадчиво спросила:

– Описать тебе невидимые тропы Туманного леса?

– Завтра мы прибудем в чернолесье града. – Его робкий взгляд вспыхнул решимостью: – В полдень. У замка ворожей лежит озеро. В атласе всего лишь черкнёшь пути.

Горан смотрел на неё неотрывно, открытый удару любого вердикта. Ализ сжала ладони напротив груди, окутывая заверением:

– Я помогу тебе. Не медли, кудесник. В полдень – у замка ворожей.

Глава 15

1

Солнце слепит глаза. Середина лета. Зной и палящие лучи. Горан стоит на площади Созвучия с ладонями липкими от волнения. Сердце в груди бьется размеренно, но гулко. Ему девять. Роскошные здания домов в янтаре кажутся волшебными замками из золота, высоченная Башня Воспитанников – маяком для рычащих созвездий. А на площади сотни таких, как он, претендентов на заветное поступление в бастионы. Впереди испытующими, строгими взглядами их, взволнованных мальчишек и девчонок, придиричиво разглядывают старцы в мантиях-колоколах, за которыми тенями притаились гончие и угрюмый воевода Вацлав. Горан оглядывается назад, в прохладу хвои деревьев, отыскивая поддержку, но среди нарядных фигур родителей его семьи нет.

Высокий господин с тростью в сером хлопковом плаще, шаркая правой ногой, проходит сквозь ряды претендентов и останавливается напротив.

– Сопроводительное письмо? – и его рука с длинными пальцами протягивается в ожидании.

Горан осматривается, наблюдая, как остальные прилежно достают из дорожных конвертов вычурно исписанные листы

и белоснежные свитки родословных. В его котомке только пирожки бабушки, блокнот и портрет родителей, который он протягивает вместо письма. Господин с тростью брюзгливо хмыкает:

– Это ещё что? Без прошения родителей?

Горан несмело делает шаг вперёд. Отец отказался оплатить обучение – письма нет.

– Я из рода Мильвусов. Провинция Вистрия. Я приехал бороться за стрелу альтурга бастиона кудесников, – слова звучат нетвёрдо – отрепетированная речь проваливается.

Кошмар... Господин с тростью осматривает его, точно настырную букашку, с ног до головы, поражаясь решимости в столь малом возрасте, но произносит высокомерно:

– Сын казначея Мильвуса в латаных штанах?

Рядом звенит хихиканье. Горан не осматривается, прекрасно помня латку на брюках и неумелые стежки, сделанные в покачивающейся лодке при тошнотворном головокружении, все дешёвые деревянные пуговицы на коротковатом в рукавах пиджаке. Деньги, высылаемые родителями, ушли на оплату поездки. На возвращение нет средств. Впервые за годы одиночества Горану отчаянно больно. Больно, ведь под звон смеха рушится его мечта.

Позади заступнически вспыхивает мелодичный голосок:

– У него на шее Род. Он не лжёт. Проверьте!

Господин с тростью смиряет недовольство и механически склоняется, словно кузнечик; смотрит на опаловую каплю ге-

уса, хамелеоном меняющую краски, – рок кудесника, известный и безграмотным отшельникам. Воспитатель выпрямляет туловище с вялостью заслонной жерди, открывающей путь запоздалому всаднику. Хихиканье стихает.

– Право обучения в бастионе завоёвывается в тяжелейших состязаниях, делая воспитанниками достойнейших.

Его вкрадчивый взгляд не пугает Горана. Отважный мальчуган из Бескравии сдерживает счастливую улыбку, желая казаться взрослее. Ему позволили бороться. Господин кивает чопорно и переходит к следующему претенденту. Горан оглядывается назад, к обладательнице мелодичного голоса. У неё пепельно-белокурые волосы и сливового цвета платье. В ушах раскалёнными угольками сверкают рубины. «Кудесник?» – спрашивает девочка с затаённым любопытством. Он кивает с гордостью, и улыбка мимо воли расплывается в ответ на её дружелюбный взгляд.

Ступени в лекционный зал выются бесконечно. Башня Воспитанников – гудящий улей подростков. Изматывающий путь к знаниям лежит сквозь беспорядочно спускающихся и поднимающихся учеников. Горан маневрирует с горой реликтовых учебников. Сегодня первый экзамен. Хэварт толкает его плечом, опережая с торжествующей ухмылкой. Книжки падают по ступеням камнями, спешащие воспитанники наступают на них, задевают в скором шаге. Горан наклоняется поднять учебники, но поток торопливых детей беспо-

шпаден. Он поднимает одну, вторую, третью книгу, отряхивает их от пыли. Четвертую – пинает носок здоровенной ноги. «Аккуратнее!» – вскрикивает Горан. Но рослый выпускник с обидой отталкивает его – Горан врезается в перила, теряет равновесие; он неуклюже заваливается на бок, чувствуя, как отчаянно хватается за чьё-то плечо. Его руку подхватывают. Она. Девочка с пепельно-белокурыми волосами. Теперь на ней форменное платье ворожеи. Подруги возмущенно ахают на его неуклюжесть, но девочка смотрит с сочувствием. Синева глаз мнится бесконечным небом. Горан забывает дышать.

– Прости, – выдыхает он, не своим – слабым голосом.

Ее губы трогает лёгкая улыбка:

– Здесь медлить нельзя. Сметут. – Улыбка делается шире, и Горан понимает, что радуется, словно ребёнок фокусу. – Поздравляю с окончанием первого курса! – Она протягивает ладонь, снизу сжимая его запястье, а он принимает поздравление, пальцем касаясь её теплой, нежной ладошки. – Ализ, – представляется.

– Горан.

– Не давай себя в обиду, Горан, – с озорством напутствует ворожея.

Подруги увлекают Ализ по ступеням вверх. Вокруг вновь голоса обретают внятность. Горан смотрит ей вслед, обещая себе, что сегодня – последний раз, когда перед ней он выглядел неудачником.

Смех Ализ звучит на помосте сцены. Слезы ещё не высохли в уголках глаз, а палец краснеет ушибом. Здоровяк из гончих клокочет индюком, кланяясь ей с извинениями, и возвращает кольцо, силой отобранное минутой ранее. Вокруг сцены – толпа детей. Репетиция остановлена представлением кудесника. Горан приближается к здоровяку, с гипнотизирующим взглядом повторяет: «А теперь визжи как поросенок. Разве ты забыл? Ты утром посвятил целую свинооду воеводе Вацлаву». Вспыхивают подначивающие шутки, хлопки в ладоши. Ализ забирает из рук обидчика Рыбье Око и надевает перстень на ушибленный палец. Здоровяк багровеет, но начинает издавать протяжное «уви-и-ви-и». Хохот вибрирует в воздухе. Позади Горана приятелями замерли Дирк и Бруно. И даже Хэварт, веселясь с унижения гончего, предупреждает дружески: «Господин Трость! Расколдуй актёришку...»

Горан вздрагивает, но звезды ночи вновь сливаются в сон...

Трибуны ревут. Над золоченым пьедесталом поднимается красно-чёрное знамя бастиона гончих. Скурат взбирается на почетное место победителя с мерцающим кубком в руках. Горан, стыдливо морщась, отводит взгляд.

Поражение. Очередное. Оно жалит осой под сердце, пока в ушах звенит рой угрызений. Бруно и Дирк, похлопав его по плечу, сокрушённо бредут к лавкам. Горан ошибся

с маршрутом. Трофей разыскали гончие. Быть так близко и подвести ребят, оступившись на обманных следах, споткнувшись о самонадеянность. Теперь Хэварт и участники команды расходятся в стороны, осуждающе оглядываясь на Горана. А лицо Скурата сияет победой. Лидер. Всезнайка. У него никто не шепчется за спиной «обманщик», «оборванец». Горан переводит дыхание. Солнце скрывают ершистые тучи. Ветер дует с севера – земля пылью въедается в легкие. Его запястье обхватывают ласковым прикосновением – и Горан приосанивается, хотя сил больше не чувствует, словно сияющий кубок в руках Скурата выжег внутри самоуважение.

– Они прирождённые ищейки, – напоминает рассудительно Ализ.

Её русалочьи глаза смотрит на него без осуждения и жалости.

– Смириться? – Горан зол – голос груб и резок.

Ализ вскидывает бровь, безразлично наблюдая, как команду гончих забрасывают цветами поклонницы.

– Смирись, но не сдавайся, кудесник. Твой главный противник не гончие.

Крадуши. Это слово летает гарпией повсюду. Решающее испытание связано с наследниками Альфатум – выпускники бастионов взбудоражены. Тысячи жужжащих слухов. Впереди целый месяц жизни в глуши и одиночестве. Горан сидит на бревне, смиренно ожидая сопровождаителя, но украдкой по-

глядывая на Ализ.

– Чем ты встревожена? – спрашивает, наблюдая на её бледном лице печаль. – Выпускные экзамены пройдены. У тебя недостижимое отличие – лучшая на курсе.

Ни проблеска радости.

– Это верный путь в чернолесье.

Горан тоже мрачнеет. Их руки лежат близко – он решается сжать пальцы подруги, холодные, будто мрамор башенных стен.

– Я попаду в Замок Воителей – и вызволю тебя из ведьминых чащ!

Ализ мотает отрицательно головой:

– Исключено, Горан. Ворожеи приговорены к заточению.

– В убежище грёз всё возможно, Ализ. Верь мне. Любая мечта исполнима.

2

Тело начинает трясти невидимая сила. Горан цепляется за тающий образ ворожеи, но утренняя мгла сковывает тело сыростью. Над ним хмурится лицо Клюва, руки крадуша встряхивают его за плечи.

– Эй! Ты в сознании? – спрашивает охотник.

Горан неуверенно кивает. Верните его в прошлое, дайте немного забыться.

– Мы тебя минут пять будим.

За спиной Клюва стоит обеспокоенная Исмин, справа от неё – Эфа.

– Просто сон, – заслоняет он ладонью глаза. – Такой яркий сон.

– Смотри не ослепни. – Клюв подаёт ему руку, и Горан, принимая помощь, поднимается.

Тело ломит от усталости. Будто не спал. Но воспоминания имеют сладкий привкус – все, что связаны с Ализ.

Рядом возникает Злата. Её взгляд задумчиво беспокоен, словно она сама не понимает, отчего настолько подавлена. Предчувствия. Они всегда одолевают перед судьбоносным событием.

Горан бредёт к пруду умыться, не переживая более об ужасах окружающих чащоб, о нечистотах воды. Влага холодит лицо, проясняет мысли. Мир вокруг вновь разламывает-

ся на нескладные куски: рядом не хватает назойливого лепета, вопросов и неугомонных хождений от праздного любопытства. Не хватает Тами. Его больше нет.

В пяти шагах на кварцевой плите сидит Скурат. В утреннем свете внешность гончего проступает отчётливее: повзрослевший с последней встречи, с отросшими до ушей, прежде – неизменно короткими, волосами. Болезнь не отступила за ночь. Сила и решимость теплятся лишь во взгляде подростка, но мертвенность кожи и тусклость радужки сомнений не оставляют – яд выдерживает схватку.

– Ты сможешь идти? – спрашивает кудесник извечного соперника и с удивлением понимает, что не чувствует злорадства, о котором мечтал в поражениях. Сам не заметив, он стал частью другого мира: многогранного, противоречивого, изумляющего запредельной концентрацией эмоцией и впечатлений, – глубоко отличного от противоборства бастионов. – В полдень мы должны увидеть замок ворожей.

Скурат приободряется:

– Ворожея откликнулась?

– Да. Ализ обещала помочь.

Гончий, кутаясь в плащ, поднимается. Исмин жестом зовет его сменить повязку. Он зачерпывает в кружку воды, и, поворачиваясь, признается Горану:

– Даже не верится, что она решилась податься с тобой в бега. Вне чернолесья ворожеи – лакомая пожива для змеядов.

Всю дорогу к замку Горану не дает покоя дерзкая мысль: «Ализ решилась бежать с ним». Всё их воспитание, их предназначение – дороги без пресечений. Несбыточность пленительна: вместе скрыться от нерушимых законов града. Кудесника лихорадит. Он в тумане наблюдает, как Никс чертит герб: корону над скрещёнными шиповой булавой и скипетром мудреца. Регул рассыпается мерцающими искрами, взметаясь к небу крылатым львом.

Земляные тропы сменяются ковром сухих трав. Бездорожье пронизано колючими кустарниками в почках листвы. Тепло и солнце заглядывают в глушь редкими гостями. Чернолесье града... Даже воздух здесь мнится знакомым: земляным, горьковатым. Скурат, вынужденно опираясь на руку Клюва, показывает ловчие ямы. Пруды слепят глаза серпокрылым соколам. Только Скурату известно, где отыскать замок. Но Горан просит вести к Зерцалу Ветров – озеру неподалеку от пристанища ворожей. Крадуши идут без вопросов, доверяя кудеснику. Утрата ослабила браваду мыслей – осталась цель, без которой шаги покажутся бессмыслицей.

Кварцевые глыбы расступаются, открывая туманное озеро в янтарных цветках и зубцах лазурита. Дрожащая гладь шумит ветром. Отражение замка насыщается влагой, словно узник потустороннего мира. Горан подавляет в себе волнение, но предчувствие встречи спутывает подготовленные слова в бессвязные намерения. Скурат шагает впереди, откидывая с пути гнилые листки травы. Исмин с молчаливой

скорбью смотрит на стукамы в росе. Злата останавливается:

– Здесь что-то не так. Повернём?

Спутники с непониманием окружают её.

– Мы уже пришли, – пробует вразумить Никс. – Без карты троп не отыскать Алефу.

Злата растеряна, она понимает правоту друзей и всё же пугливо мотает головой:

– Я видела это место. Воющее ветром озеро в лазуритовых камнях. Здесь, в обители чудовищ – они вели сюда. – Злата пятится; наталкиваясь на Клюва, пытается шагнуть из сомкнутого кольца ребят.

Горан протягивает к ней руки с просьбой успокоиться:

– Кто «они»?

– Многоликие. Горан, зачем?

Он сжимает её холодные ладони в своих руках, призывая рассуждать здраво:

– Монстры указывали, где найти карту троп.

Злата недоверчиво мотает головой. Никс шепчет Горану обернуться. Из зарослей деревьев появляется невысокая фигура в просторном одеянии. Ализ. Горан выдыхает с облегчением: не обманула. Оставив друзей ждать, он в сопровождении Скурата устремляется к ворожее. Накидка в пол чёрным пологом скрывает терновую синеву платья. Волосы сплетены на затылке, виски скрыты ромбовидными украшениями. Строгий взгляд Ализ остужает волнение кудесника. Зрачки ворожеи расширяются удивлением, узнавая форменный

плащ сопровождающего:

– Гончий?

Горан пожимает плечами, сам не осознавая ещё, как могло случиться примирение, невообразимое полгода назад.

Скурат кашляет, но вместо ответа подражает её замешательству:

– Ворожея?

Ализ плывущей походкой отдаляется от укрытия камней, высматривая застывших неподалеку крадущей.

– Ты привел их? – в голосе смешана радость, недоверие, любопытство. – Привёл.

Горан кивает и снимает с плеча рюкзак. Рука ворожеи в грубой перчатке кажется хрупким стебельком. Её кроткий взгляд сосредотачивается на кудеснике, но во мгле глаз – крепость, тысячи орудий, холод неприступного подземелья.

Позади яростно вскрикивает Клюв. Горан различает на белой шее Ализ аль. За её плечом из леса проступают вооруженные воины. Стражи града. Скурат предупреждает отрывисто: «Гвардия Совета!» Но Горан видит только лицо Ализ. Она не пьтится в страхе, отвечая на испуг кудесника незыблемой уверенностью в собственной правоте. «Ты предала нас!» – шипит Скурат, порываясь к ворожее с угрозами. Но эфирные стрелы стражей пронзают крадущей снотворным ядом. Горан оседает на сухой ковёр трав. Ветер озёрной глади погребает крики в земле. Тишина. Зарево рассвета меркнет в беспамятстве.

3

Господин Трость поправил на зелёном сюртуке Горана обсидиановый шип ордена воичей: «Только не возгордись словом. Имей покорность, птенчик. Признательность. Их милость – зыбкий дар».

Слановую дверь зала заседаний распахнул пышноволосяный человек в лоснящемся костюме, заискивающий до раздражения.

– Их мудрейшества ожидают, – осведомил медовым голосом.

Господин Трость снял шляпу и кивнул с почтением, поправляя полы неизменного серого плаща; подтолкнул Горана шагать.

Лучи солнца усиливались в витражах окон кварцевыми призмами Узоречья. Радужный, выжигающий зрение свет слепил глаза – мозаичная «дорога покорности» – ухищрение, заставляющее смиренно смотреть в пол на пути к великанам царнской мысли. Позади надзирателем шаркал ногой Господин Трость.

Человек в лоснящемся костюме остановился полуночной стрелкой часов. Кудесник осмотрелся. Зал ратуши вызывал трепет перед величием мудрости. Белоснежные стены. Искусные фрески с алыми девизами столетий под массивными гербами провинций. Мраморная возвышенность багро-

вела стульями, помпезностью превосходящими трон Вели-
радовичей. Резной стол в форме восьмиконечного листа уви-
вал золотосными стеблями восковый плющ, на дубовой
поверхности стояли чернильницы и лежали книги. Трина-
дцать мудрецов в серебристо-чёрных одеждах бесстрастно
взирали на двух выпускников града: пожилого воспитателя
и юного кудесника, объединенных общим прецедентом – по-
милованием за уловление крадуша.

Горан испытывал равнодушие к прожигающему внима-
нию. Его взгляд неминуемо тянулся к Ализ. На ней серело
платье из воздушной ткани в белую крапинку, в распущен-
ных локонах желтели ромашки. Кудесник угадывал в точё-
ных чертах смятение. В вязкую тишь подозрений с улицы
проникало беспечное щебетание птиц. Шумела хвоей и раз-
говорами аллея. Небо отливало морской голубизной. Скоро
весна вспыхнет цветом.

Мудрецы наблюдали за мальчишкой со змеиным спокой-
ствием. Ализ склонила голову в покорности Совету.

– Горан Мильвус? – громыхнул голос с возвышенности,
точно гость – мелкий винтик среди безликих шестерёнок
града.

Но имя его звучало у всех на устах, как он и желал некогда.
Кудесник привёл в град пятерых крадушей. Подвиг с тле-
творным душком подлости.

Горан кивком подтвердил. Эхо вопроса стихло. Началось
совещание. Мудрецы поглядывали на мальчишку с недо-

вольством, желая видеть во взгляде покорность, но обнаруживали лишь безразличие.

– До особого распоряжение Иворга Велирадовича, – объявил главный речник мудрецов, – обязанностью тебе – находиться в гостевом ярусе Башни Воспитанников. Право посещения библиотеки и окрестностей сохранено.

Горан кивнул. Мозаика под ногами ожила зверскими сюжетами битв Казмера.

Лязгающий голос добавил к решению:

– Тебе воспрещается приближаться к Гранитному замку. Новый кивок. От слушателя вердикта необходима безропотность.

Один из мудрецов поднялся, с прищуром всматриваясь в понурого кудесника:

– Вечером к тебе прибудет старший писчий для засвидетельствования показаний.

Господин Трость за спиной кашлянул, напоминая о необходимости выразить почтение. Горан ждал, когда Ализ поднимет взгляд, но ворожея держалась с безучастностью незнакомки. Кудесник изобразил неуклюжий поклон. Господин Трость сдержался от подзатыльника – шагнул к возвышенности с благодарностями за проявленное милосердие.

– Пойдите! – сорвавшийся окрик Горана нарушил покой пресыщенных лестью мудрецов.

– Желаешь в чем-то сознаться, кудесник?

Ализ пронзила его убийственным вниманием.

Горан сжал кулаки, взгляд заметался над головами мудрецов по фреске офитовых змей, сплетенных вокруг скипетра в трёхгранный узел воителей.

– Нет, – ответил уступчиво.

И Ализ отвернулась – с облегчением? Горан мотнул головой. Нет. Более он не желал разгадывать её мысли. Господин Трость повернулся, исподлобья осматривая норовистого мальчишку. «Ступай», – процедил сквозь зубы.

Мудрецы отвлеклись от бумаг, прервав обсуждение. Их враждебные взгляды конвоировали шаги кудесников до двери. Показательное общение – ширма, за которой Горана подталкивали увидеть незыблемость правоты Совета мудрецов. Его всеведение и непреклонность. Один проступок здесь памятнее десяти подвигов.

До вечера Горан промаялся взаперти: бесцельно сидел у окна или смотрел в потолок. Вычурное убранство комнаты казалась ему бумажной декорацией, ароматы цветов в нишах стен – зловонием. Мысли, воспоминания и угрызения совести кружились вокруг тусклого шара люстры выюгой. Почему он не догадался? Почему был настолько слеп?

Когда смеркалось, дверь оживил стук. Кудесник лежал неподвижно на кровати. Некто скрипящим ключом открыл замок. Из почтения к верховному мудрецу и главному речнику Харману, Горан поднялся. Седой старик в коричнево-синем одеянии-колоколе жестом велел ему присаживать-

ся. Следом за почтенным гостем вошла Ализ. На воротнике её белого платья лучилась янтарная брошь в форме круга – солнечного покровительства мудрецов. Она придвинула к старцу стул, а сама замерла за спиной подопечной, по правую руку. Горан смотрел на ворожею с едким осознанием: оплата за предательство – свобода от чернолесья.

Старший писчий, низкорослый мужчина в мышинной серости костюма, сел в кресло за стол. Он открыл увесистую книгу показаний, исписанную на четверть. Смолистая спица начала царапать зелень листов. Тихие, краткие вопросы. Горан скупился на подробности – ответы не превышали трёх-пяти слов. Когда засвидетельствование его обманного пути из Бескравии в град завершилось, писчий поставил люминесцирующим перстнем печать, верховный мудрец круглым звеном с пояса скрепил ровные строки золоченым оттиском. Писчий учтиво поклонился и бесшумно покинул комнату.

Шар люстры вспыхнул жёлтым пламенем. Цветы в нишах пугливо сомкнули бледно-лиловые лепестки. Харман облокотился о мраморную ручку стула, оплетая воспитанника паутиной взгляда:

– Жители града признательны тебе, мальчик, за отвагу и решительность в правом, но непростом деле заточения крадуша.

Похвала впилась в мысли клеймом «лжец». Ализ, посеявшая обман о героическом странствии преданного кудесника, испытывала спокойствие от молчания Горана. Её надменная

поза давила превосходством.

– Ты не рад?

Горан воздержался от ответа.

– Общность ваших действий со Скуратом преподает крайне полезный урок бастионам. Необходимость взаимопомощи важна в ситуации возвращенного воеводой противостояния. Кудесники и гончие не враги. Злодеи заключены в Гранитном замке, изменники – в потомках их содеятелей.

На языке вертелся вопрос: «А что же с потомками крадушей?», но Горан спросил сухо:

– Я могу навестить Скурата?

Старец повернул голову отрицательно:

– Западную вотчину Вацлава тебе приказано избегать. Временно. Нам стоило огромных усилий скрыть твои перемещения от гончих воеводы. Мы не всемогущи, но ворожеи оказали помощь.

Горан удивлённо вскинул взгляд.

– Вы скрывали нас от гончих?

– Сколько позволяли силы, – подтвердил мудрец. – Покуда не вмешались змеяды. След они обнаружили в Чуме. Поразительно, насколько осведомлены эти перерожденцы о вас.

– Что с крадушами?

Старец поджал тонкие губы, морщины на желтоватом лице слились в маску разочарования: помилованного кудесника участь монстров беспокоить не должна.

– Они в Гранитном замке. – Харман потёр янтарную руко-

ять сланового клинка на поясе. – Вне власти Вацлава. Схвати он вас первым – казнь неизбежна. Мы щадим, Горан.

– Пощада – в мученическом существовании? Они не предметы для изучения...

– Ты проникся к ним жалостью?

Горан, стиснув зубы, посмотрел в мутно-зелёные, будто заросли аира, глаза мудреца.

– Они такие же люди, как я, как ворожея... как вы.

Харман затряс головой в такт огорчающим мыслям:

– Совет мудрецов готов выслушать твои эм... наблюдения позже. Ализ настаивает, что бегство измучило тебя. Отдохни. Но у нас есть вопросы. О Злате. О чем она говорит с многоликими?

Кудесник смешался.

– Язык чернолесья – загадка для всех.

Взгляд мудреца ковырялся в мыслях мальчишки сомнением.

– Что ж, подумай, – вкрадчиво предупредил Харман. – Мы не намерены медлить с установлением достоверной хронологии событий. Не тревожься – восстанавливай в памяти всё, что запомнил о недруге. Вскоре мы призовём тебя для ответа.

Старец покинул гостевую комнату, но Ализ задержалась. Она молчаливо стояла напротив кудесника, нервно потирая Рыбье Око на безымянном пальце.

– Почему? – холодно спросил Горан. – Почему ты предала

меня?

Ализ сделала шаг навстречу, склонилась близко и тихо, но с жаром призналась:

– Я спасла тебя. Мы – лишь дети, а они, – пугливо оглянулась на прикрытую дверь, – они могущественны, несокрушимы. Вацлав преследовал одну цель – уничтожить вас.

– Мы бы успели, Ализ. Мы бы пришли к ней. К твердыне. Все.

Её гневный взгляд растаял сожалением.

– Нет, Горан. Тропы к ней выются в легендах. Горан, Замок Воителей – крепость на западной границе Царны. Всего лишь. Существует ли Алефа? – Она пожала плечами, каюсь: – Миф власти. А я не вижу тропы. Никто не видит.

Горан дышал, но мнилось, что лёгкие леденеют. Пусть время остановится. Нет. Умчится назад. К ночи пять дней назад, когда он уступил надеждам и доверился ворожее.

– Ты... обманула меня? – растерянно задал вопрос. – Всё это время обманывала?

Обвинение проросло в ней шипами суровости.

– Столько презрения. – Взгляд синих глаз почернел. – Но кого слушаю я? Ты рожден обманщиком, кудесник. И если ошибаюсь, – её рука протянулась в направлении двери, – признайся мудрецам, что спасал крадушей!

Вызов Ализ разорся эшафотом. Горан молчал, исподлобья взирая на ворожею. Своды лучезарных воспоминаний рушились.

Она развернулась и царственно покинула комнату.

Сырость каменных стен пожирала тепло огневикиков. За окном воцарился мрак. Но Горан воскрешал в памяти венценосных альтургов, слова Эрно в Доме планет. Кудесник – частица волшебства, неподвластная пониманию гончих, мудрецов, ворожей. Он цеплялся за эту скрытную часть себя, в сумраке неизведанной энергии уничтожая стенания узника. Силы для противостояния таятся внутри прошлого, внутри света Альфатум. Нужно черпать их там, в многовековых тайнах чернолесья. Сегодняшняя беда – всего лишь испытание духа.

Спустя день Горан предпринял попытку попасть в Гранитный замок. На площадях гремели концерты. Расцвёл маскаррад, приуроченный ко дню рождения короля. Кудесник, воспользовавшись моментом, надел маску альтурга и проскользнул мимо стражей башни. Гранитный замок получил название в угоду помпезной эстетике града. Строение напоминало островерхий серо-чёрно-красный камень с мелкими дырами зарешеченных окон. Уродливый клык в зарослях деревьев, по преданию выращенный колдуном из крупицы Альфатум. Ходили слухи, что кладку стен пронизывала аль, как лист травы – питающие жилы. Даже при взгляде на неприступную гору тело одолевала слабость.

Горан оглянулся на патруль караульных, и, путаясь в ориентирах, нырнул в заросли терновой ограды. Одежда затрещала, цепляясь за преграды ветвей. Горан остановился у глухой стены с водостоком. Повсюду темнел монолит – ни единой двери, даже трещины. Окна зияли на недостижимой высоте. Где-то слева плыли голоса караульных, но Горан, пригибаясь, крался вдоль округлой стены. Прозвучал громкий окрик. Горан вздрогнул, но тут его за шиворот втянули в пролёт водосточного желоба. Ужас схлынул, когда он узнал в объемном капюшоне плаща бледное лицо Скурата.

– Что ты здесь делаешь?

Скурат усмехнулся:

– А ты? Я выбрался в Башню к герою града, а он шатается вокруг тюрьмы крадушей.

Горан окинул взглядом замок.

– Они сейчас там. Мне нужно увидеть их.

– Спятил, да? Нужно бежать.

Горан мотнул головой:

– Нет. Побег? Оставить их?

– А лучше – с ними, за решеткой?

Взгляды столкнулись противоборством. Скурат держался храбрецом, но недуг не спешил возвращать силы. Глаза впали, на шее проступали багровые пятна ран, обездвиживающих левую руку.

– Что Вацлав... – кудесник покосился на багрово-красные синяки гончего, – спрашивал о нас?

Скурат немного успокоился, но голос огрубел:

– Он в бешенстве. Я жив только потому, что воевода занят интригами. Он желает заполучить узников мудрецов – твоих друзей, а тебя четвертовать как изменника.

Горан сглотнул, боясь смотреть на мальчишку, открывать постыдный страх.

– Слова ворожеи – хлипкая защита для нас, – рассудил Скурат. – Они сомневаются, что ты вёл крадушей в ловушку, что я в горячке ранения самовольно вызвался помочь кудеснику. Правду вышибут. Нужно бежать.

– Нет!

– Взгляни на эти стены, – ударил ладонью по граниту Скурат. – Туда не пробраться, и даже если пробраться, то живым не выйти.

– Ты был внутри? Видел темницы?

Скурат выглянул из укрытия желоба. Караульные прошли мимо, вполголоса ругая громогласный вой певицы, отбивающийся эхом от крепостных стен.

– Смирись, кудесник. Твердыня недосягаема.

Горан протестуяще мотнул головой.

– Ты вправе бежать. Скурат, выручать никто не обязывал.

– У меня были корыстные цели. – Гончий сморщил нос, глаза искрились лукавством. – Разве это помощь?

– Никогда не ожидал, что буду настолько ей рад, – усмехнулся Горан. – Лучше не медли с побегом, но я останусь. Я вызволю их.

Скурат помрачнел, понимая горькую правду и явность поражения.

– В библиотеке Башни есть книги, у тебя – талант уговаривать людей. Чертежи – сущий лабиринт, но ты разберёшься. Через три дня в Гранитный замок завезут продовольствие. За час до полудня.

Горан распахнул ладонь – и они скрепили верность озвученным решениям рукопожатием.

– Мы стремились осуществить мечты. Всеми силами. Спасибо за помощь, Скурат.

– И тебе, кудесник. – Гончий запахнул на шее ворот плаща

и выскользнул из желоба вороном. – Удачи!

Горан вернулся в башню. Ночь прошла в мучительных раздумьях, а утром он отправился в библиотеку. Библиотекаря, пожилого кудесника с непомерно большими глазами и ушами – слеповатыми и глуховатыми, удалось ввести в заблуждение без труда. Но книг оказались десятки. Два дня Горан расшифровывал символы схем Гранитного замка, составляя маршрут побега: планируя проникнуть в тюрьму через водосток, но, не представляя даже, где искать крадушей, как выбираться из замка. На поиски иных карт и чертежей не оставалось времени.

Накануне дня совершения побега в комнату Горана явился Господин Трость. Он с подозрением осмотрел сквозь круглые очки хаос бумаг: от внимания не укрылись стопки книг и карта града.

– Завтра тебе предстоит выступать перед Советом мудрецов. За час до полудня.

Воспитатель вглядывался в мальчишку с обличием. Горан замер, потом ноги подогнулись, и он сел на кровать, не чувствуя опоры, – душа летела куда-то вниз, вниз, вниз, словно в пропасть.

– Ты испуган? – Господин Трость опустил на стул. Стряхнул с матовой шерсти плаща невидимые пылинки. – Есть что скрывать?

Горан покосился на бумаги из библиотеки. За его взглядом проследил воспитатель:

– Мне сообщили, что библиотекарь последние два дня странен. Меланхолия. Обжорство. Пропадает на кухне в рабочее время и рассыпается в комплиментах птицам.

– Да, я тоже заметил... странности.

– Хм, – причмокивание, – последние два дня ты проявил необычайное рвение к знаниям.

– К художественной литературе.

– К картам града.

Горан не решался поднять взгляд – спокойным голосом признался:

– Этот интерес навеян путешествием.

– А что еще навеяно путешествием?

– Ничего. – Горан открыто посмотрел в жёлтые глаза воспитателя. Пальцы невольно сцепились. – Вы особенно должны понимать, насколько счастлив я восстановиться в правах, очистить имя семьи.

Господин Трость замер зловещей фигурой обвиняемого.

– Я?

– Вы вернули крадуша. Исправили ошибку. Рох безнадежно упущен, но я привёл других. Искупил вину, – интонация обволакивала услужливостью, но взгляд мальчишки спрашивал: каково это, предать того, кто доверял тебе?

Господин Трость поднялся.

– Это давняя история, Горан. – Он склонил голову в прощании, скрывая эмоции. – Завтра в девять утра за тобой придут поверенные Совета. Подготовься. Каждое слово ляжет

на чашу весов.

Ночь Горан провел в беспокойном сне: за крепостными стенами скулило чернолесье. И он видел Злату. В холодном мраке темницы. Снедаемую ужасами заточения. Горан распахивал двери, звал её бежать, но она оставалась безучастна, нема. А потом булава Вацлава сотрясала ударом стену. Темница вспыхивала сумеречным пламенем. Росли кварцевые столбы, рушился камень под ногами Тами – испуганный последний взгляд крадуша. Горестный крик Златы. Горан пытался очнуться, но стоны узников замка сливались с плачем ведьминых чашоб в скорбный зов.

За час до слушания явился Господин Трость. Он застал Горана в зелёно-серой форме кудесника, с рюкзаком за плечами, готового из зала ратуши отправиться прямо в темницу. Кровать была ровно заправлена. На чистом столе аккуратной стопкой высились четыре книги.

– Стражи сообщили, что ты не завтракал.

Горан мотнул головой.

– Есть под конвоем? Они с вечера за дверью.

Господин Трость осмотрел мальчишку. Бескровное лицо – маска страдальца. Взгляд, не лишенный свободы, блуждал за окном по вспененным облакам. Бирюза проскальзывала в них волнами, позволяя солнечному свету воспламенять янтарь крыш.

– Ты оказал граду неоценимую услугу. Всем жителям Царны. Откуда столько горя, Горан? Разве не о славе ты меч-

тал, когда нищим мальчишкой стоял на площади. Признание обрело тебя.

Горан метнул на учителя воспалённый взгляд.

– Они выживут?

– Они?..

– Крадуши. Мои друзья. Они выживут? – Отчаяние сжимало горло кудесника, с надеждой взирающего на воспитателя.

Старик растерянно отвернулся.

– Поверьте, они не заслуживают такой участи!

– Никто не заслуживает, – неожиданно признал воспитатель.

Горан утёр слезящиеся глаза, призывая себя к сдержанности, к хладнокровию. Ему предстояло выступление, но после...

– Меня отправят в ссылку? – спросил Горан.

Господин Трость уклончиво мотнул головой.

– В граде опасно. Воевода взбешён упущением крадушей у Зеркала Ветров.

Горан понимающе кивнул, а затем признался порывисто:

– Я не жалел, что упустил Роха. Никогда не жалел. – Он стиснул кулаки, пламеня преступной истиной. – Хочу, чтобы вы знали. А презираю себя лишь за одну глупость – обманом привести друзей к граду.

– Понимаю.

Горан воскликнул:

– Вам не понять! Никогда! Вы побороли в себе человечность.

Господин Трость поднялся и подошёл к столу. За окном кружились беспечные птицы.

– Все живые мучимы совестью, Горан.

Мальчишка отвернулся недоверчиво. И престарелый ку-десник продолжил траурно:

– Не было и дня, чтобы я не сожалел о прошлом.

– Вы – герой здешних мест, – недоумевал: с чего вдруг откровенничает скрытный господин?

– Такой же, как ты.

Горан растерянно смотрел на воспитателя, осматривающего книги на столе.

– Вы боитесь просить прощения? Боитесь исправить ошибку?

– Поздно, Горан. Та, которую я предал, мертва. – За непроницаемой стеной честолюбия отразилась боль. – Книги надобно срочно вернуть. Я предупрежу стражу. Поспеши, Горан. – Старик взглянул на карманные часы. – Спустя двадцать минут мне нужно встретить у градовых врат Хэварта.

Господин Трость отстранился от стола, орлиным взглядом наблюдая за растерянным воспитанником. Горан нерешительно поднялся, сгрёб книги в охапку. Воспитатель, шаркая ногой, устремился к выходу, Горан – следом. Дверь закрылась. Голоса загудели невнятно, а затем в замочной скважине раздался скрежет. Когда пленник потянул за ручку, она

поддалась без усилий. Клетка распахнулась.

Ни души в коридоре. Горан по пылающим от волнения плитам устремился в противоположную библиотеке сторону. Он бросил на подоконнике книги и, оглядываясь беспокойно, побежал к лестнице.

На многолюдных улицах словно ожила фреска Меловой башни – изображение торговых площадей Шерта: неповоротливые дамы в пышных платьях, импозантные господа, напоминающие стрижей; ремесленники с ларцами, охотники в меховых одеяниях, странствующие артисты и прочие, прочие. Горан пробирался вдоль деревьев, минуя редкие караулы стражи, сквозь гремящие полемикой группки теоретиков наук, рядом с бегущей за воздушными змеями ребятнёй. Беззаботность весеннего утра туманила бдительность жителей града. Дозорные вяло прогуливались по смотровым мостикам крепости. Горан свернул к восточным воротам. Волынь грифы как раз впорхнули под слановую арку стены. Летучая карета пугающе загромыхала колёсами по брусчатке. Врата захлопнулись. Стремянный остановил грифов. Из пассажирского транспорта вышли две старушки в широких шляпах, торговец с корзиной сладостей, следом появился полумертвый от духоты Хэварт. Он шепетильно попытался поправить мятый пиджак чёрного костюма. Его ворчливо толкнули в спину поторапливаться.

Горан махнул рукой. Бывший совоспитанник ошарашенно остановился на тропе, дожидаясь пока Горан приблизит-

ся.

– Хэварт, дружище! – Горан по-свойски хлопнул мальчишку по плечу.

С последней встречи Хэварт заметно обрюзг, поведение свелось к скучающей пассивности.

– Я полагал, меня сопровождает Господин Трость.

– Ему нездоровится. Прислал меня. Присядем?

Горан настойчиво увлѣк под локоть измученного пассажира в тень меловой статуи серпокрылого сокола, к круглой скамье. Хэварт расстегнул пуговицы белоснежного воротника.

– Нам нужно спешить в ратушу, – напомнил пассивно.

– Ты устал с дороги. На лбу испарина. – Горан вытянул из нагрудного кармана Хэварта треугольный платок и прилепил невесомую ткань ему над бровями. – Стыдно появляться перед мудрецами взмыленным, как посыльный.

Хэварт с неодобрением уступил. Они сели на скамью.

– Как жизнь? Я слышал Замок Воителей отказал воспитанникам в обучении?

– Временно, – подтвердил Хэварт. – Как только ситуация с изменой будет разрешена, бастиону кудесников и всему граду вернут доверие.

Горан кивнул понимающе.

– Как Бруно, Дирк?

– Они в Морионе. Их семья владеет рудниками на западе провинции. Я служу при отце в Судовой палате Федарии.

– А как же мечты о Замке Воителей?

Хэварт снисходительно осмотрел Горана.

– Мы – гордость семьи, – напомнил он, приосаниваясь высокомерно. – Наши отцы видят в нас продолжение дела династии.

Горан привык к участи белой вороны. С самого начала обучения в граде все видели в нём изгнанника почтенного семейства.

– Чудно, они беспокоятся о вас. – Он провел рукой вдоль собеседника с видом экскурсовода у музейного экспоната: – Отличный костюм. Ботинки. Причёска. Это что, воск? Ты просто сановник. Рад нашей встрече, Хэв.

Хэварт вжал лицо в шею, в надменности очертив второй подбородок.

– Не думаю, что ты искренен, Горан. Я прибыл сюда на слушание о твоих преступных деяниях. В качестве свидетеля обвинения. Наша встреча компрометирует мои будущие показания. Не считаю, что ты лестью сможешь пошатнуть мою преданность мудрецам или очернить искренность.

Горан остался равнодушным к едкой улыбке Хэварта:

– Откуда столько пафоса? Я оправдан, Хэв. Отец как судья, вероятно, консультировал тебя об исполнении законов Казмера.

Хэварт нахохлился, уязвлённо отвечая:

– Пока здесь считают тебя героем, меня не проведёшь, Горан. Мудрецы вовек не восстановят в правах предателя. Пят-

но позора вьелось в тебя сажей. Ссылка – вопрос времени. К чему скрывать? Тысячи твоих умений не исправят трухлой натуры.

Горан поднялся, и Хэварт встал, опасаясь, что за хлестким взглядом последует удар. Но кудесник вежливо протянул руку.

– Спасибо, Хэварт за откровенность. – Он сжал крепко пухлую ладонь, впиваясь в мысли какой-то режущей доброжелательностью. – Ты истинный воспитанник бастиона. Благородный. И я склоняю голову перед твоим желанием подарить мне в знак поддержки свою брошь. – Горан кивнул на бархатный лацкан пиджака, украшенный золотисто-зелёной брошью.

Хэварт весь одеревенел, опустил взгляд на хризолитовую брошь – Цорку – жука-скакуна на свинцовых лапках.

– Ты не помнишь? – Горан мягко улыбнулся. – Хэв, с тех пор как ты узнал о моём самоотверженном деянии, намеревался вручить мне ее в подарок.

Одурманенный собеседник неуверенно закивал и позволил кудеснику отцепить брошь.

– Спасибо. Я всегда знал, что ты щедр на участие. А теперь поспеши в ратушу. Мудрецы не терпят опозданий.

– А ты? – проямлил Хэварт.

– Мне нужно сменить костюм. – Горан наигранно сморщил нос при взгляде на скромную форму выпускника. – Выглядеть подобающим образом.

Хэварт угодливо причитал, всовывая шелковый платок в нагрудный карман.

– Дела... – Горан хлопнул мальчишку по плечу, отчего тот пошатнулся, просыпаясь от наваждения.

Но кудесник уже устремился вдоль крепостной стены на юго-восток, к темницам Гранитного замка.

Глава 16

1

Стены Гранитного замка таяли вслед за проворным жуком-скакуном, оголяя обезображенное пространство: перегородки в плесени, чаши с затхлой водой, цепи и прутья клеток. Нелюдимость камер порождала ощущение кошмара. В углах ютились не то тени, не то люди. Горан звал друзей, но силуэты, слившиеся с ржаво-красной кладкой, молчаливо взирали из полумрака. Этажи, ступени... Горан сверился с чертежом: двенадцать ярусов в бессмыслице черточек и закорючек. Пустая трата времени. Здесь, внутри темницы, лабиринт коридоров и камер сужался и разветвлялся без конца и края. В постовых коморках дремали стражники. Один раз Горан едва не столкнулся с тремя гончими. На десятом этаже шептались в кабинетах верховные надзиратели. Бродили двое мудрецов из Совета. Зияли просторные комнаты с апатичными учениками за письменными столами.

Горан взглянул на часы: полдень. Его уже хватились. Нужно торопиться. Два шага назад – и настигли взволнованные вопросы. Стражи пустили по лестнице парящие зёрна лаловых ягод – плодов деревьев из Спящих скал. Они заполняли оранжево-красным светом все закоулки и трещины.

Кудесник поманил жука пальцем и взбежал по ступеням на остроконечную вершину замка. За слановым серебром двери звучали голоса. Горан бросил взгляд сквозь узкое за-
решёченное оконце. В полумраке комнаты понуро беседова-
ли бело-золотые птицы. Альтурги. По ступеням гроыхали
торопливые шаги стражей. Из углов верёвками потянулись
к мальчишке лиановые прутья. Горан попятился, дунул на
хризолитового жука и тот, ожив, ринулся сквозь соседние
кладовые, по балкам спускаясь в черноту камер – в направ-
лении подземелья. Один раз кудесник столкнулся со слепой
старухой в кандалах. Она отшатнулась, хрипло вскрикивая.
В лихорадке волнения Горан помчал по ступеням сквозь та-
ющие стены грозной башни.

С потолка подземелья тусклыми сосульками свисали ог-
невики. Багрово-жёлтый свет вздрагивал от прохлады сквоз-
няков. Жук скользнул в коридор – Горан следом. Одна ка-
мера, вторая, третья. «Стой!» Он споткнулся, расшибая в
кровь колено, свозя кожу на ладони, но успевая схватить жу-
ка. «Назад, Цорка», – шепнул. Стена растаяла. Горан остано-
вился в тесной камере, обвитой гнилыми вьюнами – расте-
ниями беззубых падальщиков. Никс, Эфа, Исмин. Девочки
сидели в углах на лавках, поджав колени к груди под зловон-
ным тряпьём покрывал. В полумраке они напоминали бес-
призорниц из трущоб Клеты.

«Горан?..» – Никс поднялась, недоверчиво протягивая к
нему грязную руку, будто к миражу. Цепь звякнула при дви-

жении. На скуле узницы краснела ссадина. Она моргнула, не веря воспаленным от слёз глазам.

– Где остальные?

– Мы не знаем, – сдавленно выговорила Исмин.

– Где Злата?

Пленницы растерянно замотали головами. Жук скакал по комнате, зигзагами растворяя преграды. Горан поймал его – свинцовые лапки замерли, насекомое вновь превратилась в хризолитовую брошь. Кудесник достал из рюкзака отмычку. Несколько поворотов – и цепи спали с рук узниц. Они потирали запястья, пугливо всматриваясь в предателя. Горан отвел взгляд, не выдерживая осуждения в некогда доверчивых глазах: «Идемте. Нужно отыскать остальных».

Кудесник пустил жука, прокладывающего путь наугад, по скользким плитам камер, избегая ворчания заключённых. Исмин озиралась в ужасе, наблюдая искалеченных людей: мужчин, женщин, стариков, детей. В очередной камере Никс схватила Горана за плечо: «Клюв!»

В темнице среди трёх тощих стариков, напоминающих мумий, сидел на полу Клюв. Исмин обхватила его лицо, с испугом всматриваясь в мутные глаза: «Они отравили его. Клюв, это я, Исмин. Можешь идти?» В рассеянном взгляде мальчишки вспыхнул слабый огонек узнавания. Голова устало свесилась на грудь. Горан раскрыл кандалы и поднял его на ноги. Исмин и Никс подхватили охотника под руки. Путь замедлился.

– Где они могут держать её? – бился взглядом Горан о преграды.

Исмин шарила рукой по стенам:

– Я не знаю. Не здесь. Здесь нет ни одного следа. – Она оглянулась на глухую стену: – Там ход!

Горан подтолкнул жука в тупик – земляная стена растаяла, оголяя туннель. Они устремились по лужам сквозь темноту за фосфоресцирующим насекомым.

Каменные ступени шли на возвышение – лестница. Этажи преодолевались с надрывом в легких. Вдалеке инеем белела слановая дверь. Горан замер нерешительно. Жук беспомощно бился о магический металл.

– Заперто чарами.

Неприступную камеру охраняли едко-жёлтые горгульи стальных дверей. Стена справа исчезла зигзагами, открывая беглецов двум стражам. Крики прозвучали не сразу – грянули звоном сигнальные колокола. Горан попробовал убеждать, но вкрапления али вызывали жуткую головную боль и тошноту. Стражи метнули стальные звёзды. Руку Эфы оцарапало. Горана уберегла вновь выросшая стена. Никс с Исмин толкнули шкаф на преследователей.

– Наши вещи! – застыла Исмин над содержимым разлетевшихся полок.

Жук метался, открывая хаотично защиту стен. Горан на силу схватил его. Над рычащими стражниками появилась Никс со связкой ключей. Исмин отыскала свой рюкзак и на-

чала вытрясывать его содержимое – на пол выпал медальон. Вздых облегчения утонул в сердитом выкрике Горана:

– Сейчас караул сбежится!

Они собрали рюкзаки и котомки Клюва, Эфы и Златы. Стражники выбирались из-под груд вещей, но крадуши уже заперли дверь на ключ. Колокола вновь загудели звоном.

– Злата! – Никс стучала в слановую преграду, обжигая о холод ладони. – Злата, ты здесь?!

Тихий ответ пленницы утонул в звоне металла: Исмин нервно перебирала связку с ключами.

– Должен подойти. – Она протянула бронзовый ключ.

Тот погрузили в клыкастую пасть замочной скважины – бронза покрылась инеем и рассыпалась в руках на осколки.

Трубы с крыши откликнулись на колокол стражников.

– Гончие оповещены!

Исмин встряхнула Клюва: «Очнись же!» Достав из рюкзака свёрток с травами, начала срывать с чёрных стеблей сморщенные ягоды. «Жуй», – сунула ягоды в рот сопротивляющемуся мальчишке. Охотник закашлялся, и Никс невольно буркнула врачевательнице, удерживая его за плечи: «Не отрави только». Клюв, прижав руку ко рту, разразился ругательством: «Это что? Бхе. Полынь? Это полынь?»

Ключи тем временем рассыпались ледяной крошкой в замочной скважине.

– Слановая дверь уничтожает ключи взломщика, – вразумляла Никс Горана остановиться. – Её открывают слано-

ВЫМ КЛИНКОМ.

Клюв, морщась от вяжущей вот рту терпкости, спросил северянку:

– Где твой Регул?

– У Зеркала Ветров. Спрятала, когда нас схватили.

Горан начал выискивать в котомке блокнот.

– Кудесник, сейчас не время для чтения.

– Слана есть на книге Бахаря.

– И что? – недоумевала Никс.

Горан не знал. Подобное он совершенно не предусмотрел.

Ничего не предусмотрел. Злата испуганно колотила в дверь: «Ребята?.. Это вы?»

Исмин перевязывала кровоточащую руку Эфы поясом из рюкзака:

– Пусти жука сквозь комнату стражей!

– В стенах прутья сланы, – отмахнулся Горан. – Клетка.

Злата стучала в двери, выкрикивая что-то об окне. По ступеням уже бежали стражи. Топот ног надвигался уничтожающим градом. Кудесник занёс книгу и с силой ударил слановой обложкой по замочной скважине. Бгхам-м-м! Оглушительный взрыв отбросил ребят шагов на пять. Камни посыпалась с потолка, чудом огибая детей. Горан, кашляя в клубках пыли, щурился на невредимую пластину слановой двери. Прутья искореженно торчали из стен в стороны, гранит крошкой запорошил пол. Дверь внезапно пошатнулась и рухнула в пропасть.

Крадуши поднимались, онемев от шока. Вместо камеры зияла пустота, угадывались верхушки хвойных деревьев. Горан открыл и закрыл рот, пытаясь выдать звук. В обрушившийся проход пробивались стражники, но беглецы обмерли от ужаса содеянного. Там, где ещё минуту назад голос Златы молил о помощи, разверзлась дыра. Исмин закричала в отчаянии. И тут с земли поднялся громадный бело-лазоревого орёл – Луту – с рычащей головой льва. В когтистых лапах он сжимал тело Златы. Крылья опустились на миг, открывая на спине всадника в развивающейся накидке – улыбающегося Тами.

– Ничегошеньки громынуло! – прокричал мелкий крадуш. – Вас не задело?

Злата очнулась – вскрикнула от страха пропасти за спиной. Луту взревел, и к нему приблизились крылатые бестии с оголёнными костями обсидианового скелета под клочками меха и жёсткой бахромы медных перьев. Вороньи головы сливались с хищными чертами волков.

– Прыгайте! – торопил Тами, покачиваясь на грозном страже Замка Воителей. – Смелее!

Ребята сделали разбег. Прыжки, вскрики. Крылатые бестии ловко подхватили их в воздухе. Луту крушил грудью гранит. Замок дрожал трещинами, и тени узников недоверчиво брели к позабытому свету.

Бестии уносили крадушей в сторону чернолесья. Вокруг царил хаос. Деревья бушевали, сплетаясь зарослями по пе-

риметру замка. Луту опустился на землю, и Горан, забыв о страхе, ринулся к мальчишке:

– Ты жив, Липучка! – стащил его с чудища, обнимая.

Луту перебирал гривастыми лапами по меловым обломкам статуй.

– Горан, опусти меня! – смеялся Липучка, вразумляя ку-десника. – Нужно бежать!

– Я видел, как ты падал! – повторял Горан, мыслями возвращаясь в чернолесье, к обрыву. – Видел. Мы видели. Как?.. – он встряхнул друга за плечи.

Тами смотрел на него с болью воспоминаний. Справа грянул взрыв. Красно-фиолетовое пламя затрещало на деревьях. Паника визжала тысячами голосов.

В суматохе столкновения безродных и стражей Горан узнал худощаво-скуластое лицо Роха. Крадуш шагал в их направлении. Он повзрослел за последнее время, хотя и не вытянулся совершенно. Тот же ребенок с соломенными волосами и открытым взглядом, за наивностью которого теперь таились ожесточающие испытания. На мальчишке чернели длинная рубаха и вольные штаны, заправленные в высокие сапоги; до колен свисала плотная накидка из выгоревшей синей ткани с капюшоном. Тами взобрался на Луту, но Горан медлил.

– Ты вновь обрекаешь друзей на заточение? – предупредил на ходу Рох, не боясь рычания чудища, грохота взрывов, криков и свиста стрел. – Медлить глупо! Лети! Разговор ни-

чего не изменит.

Безродные пробирались к Гранитному замку, расчищая путь где стрелой арбалета, где рукопашным боем.

– Изменит. Я вернулся спасти их.

Рох остановился в двух шагах.

– Знаю. Тами не верил в твоё предательство.

– Прости... – Горан весь сник от тяжести вины. – Мой обман чудовищен, я понимаю...

Тами торопил, вздрагивая от криков, и Горан с надеждой оглянулся на Роха. Мальчишка смотрел без осуждения, скорее – с пытливостью.

– Мы все обмануты градом, кудесник. С самого детства.

– В твердыне грёз отыщем защиту, – шагнул к нему Горан. – Бежим с нами, Рох!

Крадуш мотнул головой:

– Моя мечта угасает в перламутровых стенах. Её осуществление начато. – Рох протянул Горану клочок серой бумаги – карту града. Кудесник вспомнил, как чертил её по пути из Медвежьего урочища. – Ты сохранил?

Рох приложил палец к виску:

– Как и все твои рассказы о крепостной стене, о золотушных лесах и чернолесье за рвом.

Грустная улыбка тронула губы Горана. Громыхнул взрыв – комья земли полетели болезненным рикошетом. Рох сорвался с места к распахнутым воротам замка: «До встречи, кудесник!» Горан достал из кармана хризолитового жука и

дунул на свинцовые лапки: «Беги к хозяину, Цорка!» Жук ожил, проворно устремляясь в щели среди обвалов. Тами протянул руку, помогая Горану взобраться на крылатое чудище. Луту оттолкнулся от пыльных обломков, оставляя крики сражения земле. Серпокрылые соколы отпрыгнули от чудо-зверя.

Горан направил Луту в самую вершину замка.

– Что ты делаешь?! – кричал Тами за спиной.

Кудесник потянул за гриву чудище, и тот с силой ударил грудью о гранитную возвышенность. Взрыв сотряс преграды, разламывая остроконечную клетку на части. Куски темницы посыпались вниз. Пыль развеялась, и бело-золотыми стрелами к небу вспорхнули альтурги. Тами захохотал от восторга. Сражение на минуту остановилось. Люди поражённо наблюдали за шумными стаями хранителей сказаний. Луту сделал петлю вокруг разбитой темницы, узники которой спешили скрыться сквозь дыру в крепостной стене. Деревья бушевали таранами, становясь преградами воинам Велирадовичей. Оглядываясь, Горан видел, как гончие и стражи мечутся на руинах ограждений и статуй, выжигая булавами узкие лазы в плетущихся сетях кустарников. Луту рыкнул, рассекая скорыми крыльями воздух. Белым облаком впереди плыла вереница альтургов. Горан улыбнулся, забываясь в кураже парения. У них общий путь. На запад. К твердыне грёз.

2

Западная окраина чернолесья и золотушные леса переходили в скалистые холмы – марь. Буро-зелёным покровом между валунами скал росли мхи и чахлая лиственница. Луту оставил всадников у черноводного пруда и скрылся за тучами.

– Куда он?

– В Замок Воителей, думаю, – махнул рукой вслед чудищу Тами. – Луту спас Роха в Звёздных горах.

– А бестии?

– Они послушны безродным. Иногда.

Из укрытия деревьев выбежали крадуши. Подростки шумели вопросами, обнимали Тами, даже взглядом игнорируя кудесника. Горан побрёл к пруду. У кромки воды он увидел фигуру в плаще гончего. Скурат.

– Ты... здесь?

Гончий толкнул носком ботинка камень:

– Да, кудесник. Опять пришлось вмешаться.

Горан улыбнулся на его шутовскую браваду.

– Судьба... – развёл руками.

– Да, – невесело признал Скурат, – беглец из меня никудышный. Я скитался по чернолесью сутки в надежде выйти к скалистым лесам, но пришел к Зерцалу Ветров. Там, на стукам, из воздуха явился этот мелкий болтун.

– Липучка?

– Настоящее имя сложнее. – Скурат украдкой взглянул на заплаканные лица девчонок, на Тами, смущенного вниманием. – Меня схватили безродные. Тот крадуш. . .

– Рох?

– Да, он спрашивал о тебе. Я признался, что ты готовишь побег крадушам. Этот Липучка размахивал Регулом Никс, преследуя с вопросами о произошедшем у Зеркала.

– Он может, – кивнул Горан.

Всплеск радостных голосов вновь нарушил разговор. Скурат вздохнул с усталостью:

– В одиночку всё напрасно. – Его взгляд невольно тянулся к шестерым ребятам, ошарашенным встречей, свободой. – Поверь, без поддержки решимость гаснет. Я вдоволь подумал над этим тогда, раненный в чернолесье, и в последние дни – без малейшего представления как отыскать Алефу.

– Они не простят меня, – нахмурился Горан.

Скурат повел рукой с сомнением:

– Откуда знаешь? У нас никогда не было друзей, чтобы предсказывать их поступки. И сами мы не были друзьями.

Горан опустил на бревно. Скурат сел рядом. Они молчаливо смотрели на темнеющий горизонт. Серые рёбра скал укрывались туманом. Горан достал из кармана сюртука чашу. Сумерки зажигали медовые огни огневигов плывущим созвездиям. Палец потёр исцарапанный герб Мильвусов. Возможно ли миллион стараний обесценить за миг? Он,

сколько помнил себя, стремился к признанию, восхищённым взглядам. Амбиции... Недостигаемый мир избранников града, Замка Воителей. Ему казалось быть вхожим в их круг – счастье, важнейшее достижение в жизни.

У пруда разгорелся костёр. Крадуши начали сооружать две палатки. Горан и Скурат приблизились помочь.

– Откуда укрытие? – спросил кудесник.

Тами соединил жердочки треугольником:

– Безродные оставили нам. В Звёздных горах холодно. Снег лежит.

Горан опустил рядом с Клювом, помогая постелить ветки. Охотник отвечал на вопросы сухо. Исмин и Никс хмурились. Но наибольшую неприязнь источала Злата.

– Где ты встретил безродных? Луту? – Кудесник приблизился к Тами, нависнув с требованием ответа. – Объясни, как ты спасся? – голос Горана охрип от переживания. – Я видел: ты рухнул в пропасть. Там никто не выжил. Ни следа...

Тами поднялся, взгляд его упал на тощий рюкзак.

– Помнишь, мы брели вдоль лесов Клеты? По степи?

Горан украдкой посмотрел на Злату, но она опустила взгляд. Никс протянула ей края тряпичного тента.

– Да. Такое не забудешь.

– Почему я не ношу с собой стукам? Так ты спросил, кажется.

Кудесник коснулся лба, с трудом припоминая разговор:

– Стукам?

– Да. Ты удивлялся, почему нельзя перемещаться в любую секунду, по желанию. И я рискнул попробовать. – Тами склонился к своему рюкзаку и достал сырой камень размером с ладонь. – Взял его как игрушку. Пытался перемещаться – одни неудачи.

Горан смотрел на сизо-чёрный камень, словно на сияющее чудо света. Невзрачный, он казался сейчас драгоценным слитком.

– Стукам переместил тебя? Тогда?..

Тами кивнул. Ребята оставили работу, вслушиваясь в рассказ.

– Во время падения он перенёс тебя! – выдохнул Горан с изумлением. – Ну конечно!

Липучка улыбнулся его радости.

– Я подумал о доме. Когда опора обрушилась, я подумал о доме и родителях. Знаешь, глупо представил, что они ждут меня там. А потом ударился спиной о воду: озерцо за лаловыми деревьями. Когда выплыл и откашлялся, узнал дом. Тётка кричала.

Горан задумчиво улыбался, ошеломлённый таким явным, но одновременно невообразимым объяснением.

– Она всегда ворчливо кричит. Даже когда радуется. – Тами спрятал стукам в рюкзак и вернулся к соединению жердочек. – Но больше он не действует. Рох говорит, что импульсом к прыжку послужил мой страх. Скорее даже ужас.

– Но где ты столкнулся с Рохом?

– Я долго прыгал по стукамам, разыскивая вас. Вернулся к дому Мирны. Хадуг сообщил, что безродные в золотушных лесах могут помочь мне. Его Цепуш провёл меня к граду, а стукамы вывели прямо к Роху.

Скурат закрепил палатку кольшками и приблизился к группке крадушей:

– Рох теперь с безродными?

– Да, их объединяет некто Ратибор. Около полутысячи человек.

– Восстание?

Тами задумчиво поморщился:

– Сомневаюсь. Они желали разрушить Гранитный замок.

– Рох – единственный крадуш среди них?

– Был единственным. Теперь... очевидно, сбежавшие крадуши примкнут к Ратибору.

Гончий с тревогой взглянул на Горана.

– Печешься о граде? – задиристо спросил Клюв.

– Там тоже люди.

– Которые в достатке не замечают темницу с измученными детьми и стариками? – Никс агрессивно сжала кулаки.

Горан примирительно выставил ладони:

– Полутысяче безродных не свергнуть многовековую династию. Скурат беспокоится о напрасных жертвах. Ты мало что знаешь о противостоянии сил в граде.

– А ты не представляешь себя существование в Гранитном замке! – выступила вперёд Злата. – Она куталась в на-

кидку Тами, скрывая изорванную в бегстве рубаху. Шрамы на щеках кровоточили, руки покрывали синяки. – Это не состязание бастионов! Как ты мог почитать такую жестокость?

– Злата...

– В гранитных застенках творятся жуткие издевательства, – присоединилась к упрёкам Исмин. – Взгляни на нас. Побои, раны. У Эфы не стихали истерики.

Немая девочка сцепила руки, пряча заплаканное лицо.

– Вы имеете право обвинять меня! – громогласно высказался Горан. – Ну же, к чему молчать? Возьмите палки! Устройте показательную расправу!

Тами попытался вразумить друзей, но его не слушали.

– Твоя ворожея рассказала нам о чудовищном плане, – резал слух обвинением Клюв. – Весь твой замысел разложила по полочкам. Столько хитрости в притворном сочувствии, участии.

Никс всплеснула руками:

– Ради чего, Горан?

Он отвернулся.

– Вам известно.

– Твердыня? – уточнила Исмин разочарованно.

– Твердыня! – крикнул. – Да! Твердыня! Перламутровые стены, хранящие заветные мечты. Грёзы, ради которых вы сами рисковали жизнями.

Злоба впивалась в кудесника мечами взглядов.

– Вы ничего обо мне не знаете, чтобы судить! – прошипел

он. – Ничего! Рох прав, мы обмануты. Всё, во что верил я – выдумка, сказка для впечатлительных детей, мечтающих о чудесах. Алефа неприступна, призрачна. Тропы к ней неизвестны.

– Шагни – и путь возникнет, – возразила Исмин.

– Мы беглецы. – Он осмотрел изнуренные заточением лица. – Там, за марью, полнейшая неизвестность.

Клюв негодовал:

– Отговариваешь нас?

– Я спрашиваю, куда мы идём? Теперь, когда правда известна – куда шагнуть?

Злата морозным тоном переспросила:

– Мы?..

Горан открыл было рот пояснить, но замер от осознания очевидного: ему не место рядом с ними, больше нет.

– Я сожалею, – произнёс смиренно. Его умоляющий взгляд очерствел строгостью. Не к чему досаждать оправданиями, доказывать унижением. – Действительно сожалею.

Тами растерянно взбунтовался:

– Мы все отправимся через горы. Все! Отыщем твердыню. Мы отыщем её, слышишь? – Он затряс в своей руке руку Горана. – А ты нам поможешь.

Друзья молчали на призывные жесты Липучки, и это молчание означало несогласие. Они видели в Горане тщеславного воспитанника града, потерпевшего поражение в интригах династии. Земля словно прорастала шиповой лозой, отдаляя

ребят на недостижимые для объяснений расстояния.

Кудесник кивнул, принимая их непреклонное решение.

– На рассвете я уйду на восток, – и побрел прочь.

Скурат плыл позади призраком. Крадуши стояли немymi истуканами скорби, неотрывно смотря вслед кудеснику.

После купания в термальных источниках, все собрались у костра. На крадушках серела одежда безродных: свободного кроя костюмы и платья. Капюшоны тёмных накидок скрывали лица.

Мгла стирала отличия местности. Горану вспомнились вечера путешествия, камин в доме Мирны и Хадуга, россыпи созвездий над Талой.

Эфа жарила на огне кочерыжки вечнозеленых кустарников скал – чадака. С виду – коричневые соцветия рогозы, по вкусу они напоминали бобовые с маслянистым привкусом подсолнечных семян. Сытный чадак в сочетании с горьковатым отваром из котелка создавал ощущение обычного ужина в крестьянской харчевне. Тами рассказывал о том, что ещё неделю назад у пруда так же жарили чадак безродные. Отмывшись от грязи, крадуши вновь напоминали Горану знакомых ребят: неунывающих, разговорчивых, искренних. Он тоскливо поглядывал на странников украдкой. Гордость душила огорчение, но так хотелось вновь увидеть в их глазах хотя бы проблеск прежнего понимания.

Возник разговор о дальнейшем пути. Неловкие паузы

очерчивали границу: он – посторонний. Тами, не замечая ополчившегося настроения друзей, пытался планировать маршрут с Гораном. Кудесник отвечал краткими фразами, а затем достал из рюкзака атлас Бахаря с торчащими листами – схемами предполагаемых троп грёз. Дальнейшее обсуждение продолжилось без него: кудесник, сославшись на усталость, спрятался в палатке.

Сон долгое время не шёл. Будущее пугало. Языки костра трепетали по тенту в споре с тенями ночи. Извечная схватка. Свет и тьма. Горану вспомнилось Великое заседание и суровый вердикт мудрецов. Изгнание. Тогда ему казалось, что большего отчаяния испытать не дано – опрометчивое заблуждение. Обстоятельствам не дано рушить мечты, и даже завистливым, алчным недругам. Препятствовать, ослепляя иллюзиями и страхами, но рушить... нет.

Костёр гас. Тьма затапливала палатку, словно воды трюм тонущего корабля. Разрушает мечту её хозяин. Безволием, мелочностью и ложным выбором. Горан сомкнул глаза, погружаясь во мрак мыслей. Злость выпустила когти из несмолкаемой совести – и холодом одиночества нахлынуло раскаяние.

Утро потребовало действий. Горан сонно побрёл умыться к пруду. Птицы молчали, даже ветер не шумел над рогами пучеглазых деревьев. Ночью многоликие не тревожили покой. Горизонт блестел золотом в туманной сырости. День

обещал ясность.

Кудесник зачерпнул воды ладонями и плеснул в лицо. Прохлада всколыхнула вялые мысли. Горан вытерся рукавом и посмотрел на палатки. Крадуши спали. Им снились мечты. Скурат обучался в Замке Воителей. Тами отыскал родителей, Клюв – темницу отца. Эфа вновь говорила, а Исмин более не вызывала в животных ужаса. Никс ступала по мифической Анфиладе Прорицателей, осматривая с восторгом хроники, кодексы и атласы колдунов. А Злата... Злата видела дом родителей. Его стены, пропитанные плачем, вновь отражали смех: братья были здоровы.

Мирная, предрассветная тишь...

Позади булькнуло кваканье. Горан подавил зевок в кулаке, оборачиваясь на кварцевые выступы, обросшие вересковым кустарником. Рокочущий голос повторился в двух шагах. По шершавому камню прыгнула грузная жаба. Горан похолодел от ужаса: на ее гнойно-бородавчатой голове белели незрячие хрусталики глаз. «Змеяды!» – закричал кудесник, отшатываясь от синюшно-бурого существа – предвестника мертвящей магии. Рокот усилился. На дымчатую канву пруда вспрыгивали новые и новые жабы. И вот уже лес загудел мерзким унисоном клекота – оповещением неизбежного: хищники взяли след.

Глава 17

1

Ноги спотыкались о камни, увязали во мхах. Солнце ослепляло, но мерзлота почвы не поддавалась теплу, потрескивая наждачной коркой. Горан остановился, прислоняя ладонь ко лбу козырьком. Впереди зеленело хвоей войско деревьев, ограждённое белой цепью Звёздных гор. Крадуши медлили за спиной кудесника, осматривая живописную долину скалистого леса.

– Карты бесполезны. Кроме гор, ни одного верного ориентира. – Горан спрятал атлас в рюкзак и оглянулся.

Злата стояла позади группы беглецов, наблюдая за многоликими. Чудища, обхватывая корнями камни, замирали рогатыми деревьями. Границы чернолесья заканчивались у изумрудного океана елей. Здесь его пугающая защита теряла силу. На одно из пучеглазых деревьев опустился ворон. Ребята обернулись на картавый крик птицы.

– Многоликие больше не смогут сопровождать, – оповестила Злата.

Горан напряг слух, всматриваясь в горбатые силуэты чудищ:

– Ты понимаешь их?

– Мудрецы задавали этот вопрос каждый день. – Злата гневно встретилась с кудесником открытым взглядом. – Нет, только предполагаю. Я уже признавалась тебе.

Многоликие утрачивали звериные черты, смыкаясь дремой. Долгое путешествие так и не прояснило загадку их преследования. Если бы разгадать в скрежетании ветвей слова... Алый жар выпученных глаз угасал, превращаясь в наросты чаги. Ворон сварливо каркнул, побуждая путников спешить.

– Змеяды близко? – спросил Клюв, всматриваясь в надвигающиеся с востока тучи.

Никс обменялась со Скуратом тревожными взглядами, и гончий признал вслух то, что каждый из беглецов понимал:

– Слишком близко. Их серное зловоние уже достигло нас.

Тами закашлялся, представляя мерзкие фигуры перерожденцев, источающих дымкой удушливый яд. Ребята прикрывали носы, отгораживаясь от кошмарных видений. Но восточный ветер дышал в лица затхлостью, разрастающейся по венам страхом.

Злата устремилась вперёд, без оглядки на замирающих монстров. Её примеру последовали остальные. Горизонт мечты скрывали заиндевелые горы. Твердыня близка – желали верить крадуши. Путники шагнули под покров елей, в надежде, что древняя магия убережёт их от крепнущего зла.

Каждый ребёнок в Царне слышал о скалистых лесах с самых пеленок – в сказках и легендах. Здесь обитали волшебные существа – пугающие, но невероятно могущественные

и прекрасные. О них перешёптывался простой люд, передавая из уст в уста истории, обрастающими фантастическими деталями с каждым новым пересказом.

– Ветровые кони, жуки-песнекрады, летучие рыбы, – перечислял Тами предполагаемых обитателей.

Ребятам невольно вспомнились рассказы Хадуга. Воздух в лесу действительно цвел опаловым сиянием – парящим отражением Млечного Пути. Настил пушистой травы сминался подошвами. Ветер звенел в еловых кронах колокольчиками, переливами тонкого дребезжания отражаясь от ручейков и сливаясь с щебетом белых птичек. Торопливый шаг невольно замедлился. Таинственный полумрак деревьев скрывал пугливые перебежки зверей, притягивая любопытные взгляды подростков. Воздух насквозь пропитывал странников хвойной свежестью.

Регул Никс вёл крылатым львом вперёд, к горам, минуя яблочно-зелёные овраги, болотные топи в разноцветном мраморе водорослей, заросли бархатистых кустарников, нарядно увитых бусами ягод.

Поздним вечером путники вышли к каменным корням. Согласно одной из легенд, Звездные горы проросли из павших астерий туманности. Раскидистые деревья вокруг твердели малахитовой корой, протягивая к небу звёздные ветви. Настил травы под ногами жутковато трещал, будто хрупкий лёд. Посоветовавшись, крадуши решили ставить палатки. Разговоры касались звериных троп и дождевых туч с восто-

ка. Никто не упоминал о змеядах. Но Горана беспокоила его участь в дальнейшем путешествии. Угроза плена вновь сплотила их в бегстве – надолго ли?

Клюв развёл из древесных камней костёр. Все расселись кругом на мягких подушках бурого мха. Ужинали плодами карликовых крутцев – деревцев с пряными ягодами. В темноте голоса леса стихли. Камни костра потрескивали синими искрами. Изредка на востоке вспыхивал писк насекомых или ухала неизвестная птица.

– Они чувствуют их? – спросил Тами Скурата.

Гончий повел рукой неопределённо. Никс ответила:

– Всё здесь встревожено, пусть ужас и незаметен.

– Следовало укрыться в подступах гор, – посетовал Клюв.

Исмин возразила:

– Там достаточно опасностей.

– Где нам лучше пересечь горы, Горан? – предприимчиво спросил Тами.

Вопрос вверг кудесника в замешательство. Он считал, что ему отвели место молчаливой тени. Но крадуши прекратили жевать и в ожидании слов устремили к нему взгляды.

– Я... – Он отвернулся в сомнении. – Лучше не сворачивать со звериной тропы.

Исмин поддерживающе кивнула:

– Куницы выведут на край света.

– Нам нужна Алефа, – протестовала Злата. – Малейшая ошибка чревата гибелью. Есть атлас, записи.

Клюв прокашлялся и рассудительно высказал согласие с предыдущим решением:

– Лучше довериться хвостатым. Они здесь хозяева.

– Хозяева здесь давно змеяды. – Злата отпила из фляги воды, неуступчиво стреляя взглядами. – Алаты и духи леса укрылись от них в тайге, помните? В радужной картинке округи спрятаны капканы.

– Ты сеешь панику.

– Я же крадуш. – Злата зло взглянула на Горана. – Тами, мы должны идти.

– Сперва отдых.

Исмин и Клюв поддержали Липучку. Эфа расстроено примкнула к большинству.

– С ума сошли? Вы сможете уснуть? – Злата взмахнула руками, испепеляя ребят негодованием. – Будем лежать в палатках, считая минуты до нападения?

– Мы весь день шли, – вступился Горан.

Его слова Злату будто ужалили.

– Это ничего не меняет! – Она вздохнула устало: – Разве тебе не безразлично? Куда ты идёшь, если не веришь, что твердыня грёз достижима?

Горан вспльчиво задержал её внимание жестом:

– Я говорил тебе в Яруге, ничего не изменилось с тех пор! Мы вместе идём за мечтами.

Злата отгородилась рукой:

– Даже не пытайся выдумывать!

– Я не собирался вас выдавать! Неужели так трудно поверить?!

Она поднялась. Горан вскочил следом, шагая наперерез пути.

– Ты можешь хотя бы выслушать? – просил, смирив гордость.

Злата отшатнулась от рук кудесника.

– Не прикасайся ко мне.

Ребята обеспокоенно вставали с земли. Тами уже возник между Златой и Гораном – на линии огня. Ссора усугубляла и без того шаткую ситуацию.

– Все мы ошибаемся, Злата. Меня тоже предали.

Она сжимала кулаки – и видения с вопящими чудовищами обступали кудесника. Но затем её яростный взгляд отпрянул, многоликие покинули мысли.

– И поделом тебе.

Злата ушла в палатку, отмахиваясь рукой от увещеваний Никс. Эфа последовала за ней.

– Нужно выбрать караульных, – нарушил Скурат неловкое молчание. – Я могу первым пойти. Горан, поддержишь?

Кудесник кивнул.

– Лучше с тобой за лесом пригляжу я, – Клюв не скрывал недоверия.

Скурат с безразличием условился:

– Смена – через два часа. Следующие?..

– Я!

– Тами, лучше выпишься, – проворчал Горан. – Мы... с Никс заступим?

Возражений не возникло. Только Липучка насупился.

– А ты, – Горан похлопал Тами по плечу, – выступишь часовым с Исмин и Златой.

– Тогда рассветет уже.

– Тем лучше. – Горан отдал хронометр Скурату. – Четыре часа на отдых. Только звёзды исчезнут – в путь.

Обсуждение завершилось союзными намерениями. План вносил ясность. Ночное блуждание у подножия гор не сулило спасения, скорее наоборот. Самый верный шаг – отдохнуть и дожидаться света, пусть инстинкты громко вопили о побеге без оглядки и промедления.

Скурат и Клюв удалились на юго-восток и северо-восток соответственно, к кварцевым гребням. Остальные странники отправились в палатки. Горан долго лежал без сна, не слушая слов, и Липучка прекратил рассуждать о Звёздных горах, спрашивая с неожиданной серьёзностью:

– Тогда, в начале пути, ты хотя бы на минуту сомневался?

Горан вздохнул, предчувствуя тягостные откровения.

– В чём?

– Чтобы отдать нас гончим? Променять на помилование?

– Нет, – сознался. – Я считал вас опасными.

– И сейчас считаешь?

– Тами... обсуждение не успокоит. Ошибки не стереть ложью.

Липучка свернулся вокруг рюкзака. Его беззащитный силуэт с трудом различался в полумраке.

– Но ты сомневался потом? – не желал рушить родственный образ Тами. – Ты ведь видел в нас нечто лучшее? Видел, что мы не чудовища?

– Позже я осознал это. Сложно ответить. Возможно, Ализ права: обман у меня в крови.

Тишина леса вновь заполнила палатку.

– А мы видели в тебе защитника, – признался Тами. – Кудесники, гончие, крадуши – всего лишь названия. Ты для меня просто Горан – мой друг, – слова крепи верностью, – который рискнул шагнуть в чернолесье, сбежать от браконьеров, в противниках рассмотреть единомышленников, не раздумывая прыгнуть в водоворот за Златой... Проложить этот долгий путь к цитадели грёз.

Горан искусственно усмехнулся, сторонясь сентиментальных чувств.

– Ерунда. – Улыбка померкла на губах, уступая задумчивости. – Этот путь не одолеть в одиночку. У вас всегда так горели глаза от моих глупых замыслов, что я поневоле допускал: хм, действительно, почему бы и нет? Вперёд – запутанными маршрутами, новыми тропами, селениями – пешком и вплавь. Самостоятельно. Вам сложно понять: я никогда не рисковал уйти от мощи бастиона и поддержки мудрецов. Вы росли моей противоположностью – бунтарями и вольнодумцами – свободными от предрассудков града, его горделивых

иллюзий. Просто паразитально...

– Что?

– Сколько мы преодолели вместе.

– Потому что не сдавались. И доверяли, похоже.

Кудесник повернулся на бок. Словами никогда не передать щемящего душу противостояния досады, сожаления, злости.

– А теперь доверие разрушено.

Тами мотнул головой, запоздало понимая, что в темноте Горан не увидит жестов.

– Исмин как-то призналась, что боится не обнаружить в твердыне мечту.

– Почему?

Голос Липучки секретно пояснил:

– Она исполнилась. Лет с пяти на каждое Новолетие Ис загадывала одно – отыскать друзей. Ну, знаешь, чтобы было с кем смеяться над шуткой, делиться тайной, безобразничать. Чтобы кто-то говорил в трудную минуту: эй, приятель, не кисни, я рядом – рассказывай, что стряслось?

– Ис, значит?

– И я. Все мы.

– Даже Злата?

– Особенно Злата. Горан, обиды гораздо больше разрушат, чем уберегут.

Кудесник засмеялся:

– Липучка, напомни, сколько тебе лет? Столько умудрен-

ности!

– Даже занудство тебе простят!

– Оу, спасибо, правда.

Тами, хмыкнув, отвернулся, и Горан сник. За шутками не скроешь сокровенного упования: вдруг они отыщут Алефу – и всё станет прежним? Точно кошмара заточения не бывало, а он остался храбрым кудесником и тем самым приятелем, который в трудную минуту непременно скажет: не кисни, я рядом – рассказывай, что стряслось?..

Тьма оборвалась визгливым криком птицы. Горан заморгал, с трудом понимая, где находится. Под боком твердел рюкзак. Рука упёрлась в холодный тент палатки. Тами в противоположном углу мирно посапывал. Горан мотнул гудящей головой: словно и не спал, а на минуту закрыл глаза. Мысли казались липкими, и даже воздух – снотворным.

Горан запахнул накидку, взял в руки рюкзак и вылез из палатки. Полумрак ночи разделил лес на серые и чёрные полосы. Звезды мерцали в мглистой синеве неба. Тревожные мысли сдёрнули вялость сна. Горан приблизился к палатке девочек.

– Никс! – позвал.

Тишина.

Ветер трепал молодую листву на малахитовых деревьях.

– Никс!

Из палатки выглянула северянка.

– Уже? – Она щурила заспанные глаза, поправляя растрёпанные волосы. – Где они? – в её тягучем голоске появилось волнение.

– Не вернулись.

– Надо разбудить остальных.

– Стой! – Горан потянул её за руку. – Просто проверим. Я с трудом представляю, сколько времени прошло.

Никс кивнула; достала из палатки рюкзак и накинула капюшон застёгнутой накидки.

– Идём. Крикнуть об опасности мы успеем.

Они начали совместно двигаться на юго-восток. Высокие заросли лопушистых трав затрудняли обзор. Шум, создаваемый шагами, чудился сигнальным гроыханием. Воздух пронизывали тёплые волны приторно-сладкого аромата – под звёздами цвели немеркнущие растения фей. Ребята пытались вслушиваться, но окружающее затишье насмешливо забавлялось с испуганными путниками. Очертились прозрачно-белые хребты кварца. За ними лужей чернил проглядывался плащ Скурата.

Никс замерла, холодея от пугающей догадки. Горан жестом попросил её ждать, начал приближаться к сидящему в траве гончому. Взгляду открылось безвольное тело Скурата, спиной упёртого в кварцевые наросты. Лицо его белело бесчувственной маской, закрытые глаза не вздрогнули на шум.

Затаив дыхание, Горан потянулся рукой к мальчишке, пальцы коснулись плеча Скурата – и тот неожиданно распах-

нул глаза, суетливо взмахивая булавой. Кудесник чертыхнулся, задыхаясь от испуга.

– Горан?! – Скурат удивлённо оглянулся.

– Ты уснул! Проклятие! Я же такое представил. Чтоб тебя!..

Никс подоспела на шум пререканий. Скурат вслух восстанавливал события, оправдываясь, что не понимает, как мог уснуть на посту.

– Ладно. – Горан отвернулся к лесу, призывая всех к спокойствию. Гудящие нервы превращали тело во вздутый страхами шар. – Мы устали, бывает. Сколько на часах?

Никс, всматриваясь в пролеты между деревьями, тихо предположила:

– Это не усталость. – В мерцающих частицах пылицы ползли чадные струйки эфира. – Вы чувствуете серу?

Грянул свист. Северянка вскинула руку, срывая с шеи Регул – мерцающий щит остановил летящие стаи шипов.

– Змеяды! – крикнула Никс, обороняясь заслонами млечной сферы. – Они обнаружили нас!

Шипы вновь хлынули стаями жужжащих дротиков. Вспыхнул свет Регула. Шипы решетили лучевые полосы, но ребята успевали бежать к палаткам невредимыми. Никс отбивала атаки с ловкостью фехтовальщицы. Удар – отражение.

– Если, они вопьются в кожу – не кричите! – предупредила, задыхаясь в прыжке.

– Слева!

Мальчишки пригнулись. Бело-голубая броня затрещала грозовым разрядом.

– Хорошо. – Горан торопливо прокладывал путь назад сквозь заслоны трав. – А это больно?

– Как иголки под кожу.

Шипы разбились о ствол дерева в сантиметрах от кудесника. Он сглотнул, пугливо озираясь:

– Не кричать. Не кричать. Почему не кричать?

– Их слишком много! – ужаснулась Никс.

Ветровые потоки свистели ударами. Она отражала штурм млечными доспехами, понимая, что не справляется. Никс вскрикнула, взметая щит, – поворачиваясь прямо к стреле шипов. Скурат занес булаву – ядовитая стая вспыхнула фантомом коршуна в двух шагах. Ребята отпрянули от нестерпимого жара. Фиолетовые языки пламени объяли призрак, раскинувший в агонии крылья, начиненные остриями.

– Что за марево? – поморщилась Никс.

Скурат схватил её за руку, увлекая бежать. Багрово-синий огонь разрастался преградами, и только Горан на мгновение замер, всматриваясь в крылатые фантомы. Он догадался: Уц.

До палаток троица мчала, не чувствуя серного удушья и боли. Шум схватки разбудил крадущей. Они стояли с вещами наготове. Эфа, Исмин, Злата и Тами: взбудораженные, с бессвязными выкриками. Клов занимал оборону с ножом в руках.

– К горам! – крикнул Горан.

Пламя шипело по пятам, обрастая раскаленными кольями. Беглецы пустились вперёд, к каменному предгорью. Переклички стихли. Каждый сосредоточился на неразборчивом пути. Выступ, кустарник, заледеневший родник. Прыжок, поворот. Цепкий взгляд – в недостижимые укрытия.

Внезапно пламя за спинами погасло, рассыпаясь пеплом. Звёзды заволокли тучи. Лес вдохнул глубоко, втягивая пепел в воронку. Пугающая тишина. Ураган пыли обрушился на ребят. Гром раскроил небо. Видимость затуманилась. Невозможно было ни вздохнуть, ни крикнуть. Мелким горохом повсюду застучал град. Каждый теперь бежал наугад, не осознавая верен ли следующий шаг. Горан, закрывая лицо капюшоном, звал ребят. Где-то вдали откликнулись их взволнованные голоса. Ветви над головой вспыхнули белыми звёздами, пока тучи рассеивались сиянием скалистого леса. Смутная, дрожащая картинка зарослей прояснялась.

Кудесник остановился, увидев тень впереди; скинул капюшон.

В нескольких шагах на поваленном дереве стоял Уц.

Его долговязое тело покрывал графитовый костюм новобранца Орда – приспешника змеядов. Затылок на короткостриженной голове сжимали прутья необратимости – стальная дань клятве верности перерожденцам. Горан ужаснулся тихой ненависти в глазах мальчишки, невольно отступая.

– Где Злата? – спросил Уц со зловещим спокойствием.

В оседающей пыли шакалами проступали оскаленные фигуры змеядов. Неисчислимая тьма, непреодолимая преграда. Рокот жаб вибрировал в мыслях.

– Уц, ты спятил? – Горан выискивал взглядом друзей, понимая: ему уже не сбежать. Но они успели укрыться, обязаны. – Ты примкнул к врагу?

– Некогда – да. Врагу, оставившему меня в котле чудовищ. – Уц шагнул навстречу – фантомы птиц разрослись сумеречной мантией. – Но чудовища порой дружелюбны.

– Это неправда.

– Правда всегда на стороне сильных.

Горан остановился, дожидаясь приближения крадуша. Круг змеядов смыкался погребальной насыпью. Целое полчище синюшных призраков. Уц сжал кулак и с силой ударил в лицо кудесника.

Птицы свирепели над рухнувшим противником, не позволяя подняться. Крадуш очертил нервным шагом кольцо:

– Где они?

– Уц, мы не желали тебе такого. Нет. Ты не можешь подвергнуть их...

Удар в живот заставил Горана поперхнуться вскриком. Боль скрутила в комок – получалось только хватать ртом воздух.

– Ты ошибаешься. Твоя ложь об Алефе, – он изобразил ладонями чаши весов, – и горизонты могущества, открытые мной.

– Чушь!

– Если бы ты мог представить, какая власть принадлежит змеядам, какие возможности дарует их магия! О, крадуши будут ползать в ногах с благодарностями.

Горан с ненавистью взирал на склонившегося мальчишку.

– Это ты рассказал гончим о нашем маршруте? Ты, – кивал с презрением Горан. – Но в Реморе вы опоздали. И в чернолесье Узоречья. И здесь. Ты опять просчитался.

Уц схватил Горана за волосы. Угрожающе заглядывая в глаза, он выделил каждое слово:

– Где Злата?

Земля всколыхнулась дрожью – багровые стрелы света раскрыли её на бессвязные пазлы. Змеяды ринулись к кудеснику, но трясущаяся почва уходила из-под ног, и они падали, вцепляясь когтями в зыбкую опору. Шипение жалило яростью. Фантомы Уца устремились шиповыми стрелами в Горана. Он зажмурился, предчувствуя вспышку боли, но глаза ослепил свет. Щит. Над ним взметнулся в небо крылатый лев – Регул Никс. Фантомы рассыпались клокочущими частицами. Дрожь земли усилилась.

Горана настигли крики. Он недоверчиво всмотрелся в небо, в спускающиеся с гор серые точки, что, приближаясь, приобретали хищные очертания рысей.

– Алаты!

Над Гораном рыкнул крылатый зверь, и руку протянула Есея:

– Смелей, кудесник!

Он ухватился за руку помощи, взбираясь на спину чудища. Рысь вспрыгнула по воздуху, крылом рассекая туман. Горан оглянулся. Лучи рассвета озарили мрак чащоб. Лес зашумел пробудившимся приливом, птицы и звери хлынули из укрытий буйными волнами. Взбешённые змеяды голодно бросались в атаку, но падали в сметающем потоке сопротивления.

– Ловушками они преподали нам урок, – горько улыбнулась Есея, воинственно осматривая смертельную схватку существ леса и змеядов. – В этом капкане, – она кивнула на сплетающиеся сетями кварцы, – они расплатятся за отнятые жизни!

Змеяды обрастали стаями мух, извергая удушливые серные сгустки. В них бросались с рёвом корнеголовые медведи и изумрудные лисицы. Безликие призраки болот окутывали паникой. Горана окрикнули друзья. Алаты уносили на спинах крадушей к Звездным горам: испуганных Тами и Эфу; Скурата с булавой в руке и разгневанную Никс; Клюва, порывающийся в бой; Злату...

Уц, позабыв об опасности, пробирался сквозь гущу сражения. Фантомы разбивались о крылья алата Златы – и Уц кричал в гневе, звал её, но беглянка скрылась за скалистым холмом. Из кварцевого укрытия алат вспорхнул с Исмин, обессиленно привалившейся к спине взволнованной Златы.

Дрожь земли окончательно стихла. Началось снижение...

Есея спрыгнула в окровавленную траву, устремляясь на помощь к ревушим в борьбе существам.

– Летите! – крикнула Горану.

– Нет, эти перерожденцы – лишь часть. Крупица. Срубишь голову – вырастает новая. Им уже спешит подмога. Отступайте! Бежим?! – умолял он.

Есея оттолкнула рысь, преграждающую ей путь крылом.

– Достаточно бегства! – воскликнула. – Этот лес – мой дом, кудесник.

– Ты погибнешь! Все вы!

– Пусть! Только бы вернуть его.

Она кувыркнулась в воздухе, бег продолжая рогатой лисицей. Ветром неслись маревые кони. Метались клыкастые животные и жуткие существа в грибах и коре, вздымающие снотворные потоки пылицы. Алат прыгнул в небо, настигая сородичей. Горан отвернулся. Крики преследовали эхом, но он сквозь слёзы смотрел на горизонт, не чувствуя леденящего ветра, сметающей скорости, кружащейся высоты.

Вершины Звёздных гор преграждали путь суровыми великанами. От белизны снега слепило глаза. Алат сомкнул перед собой крылья, пронзая древним волшебством неприступный заслон скал. Звёздные горы промчались морозной мглой, каменными деревьями в алмазных цветах, вихревыми потоками, мраком пещерных нор.

Алаты оставили беглецов в западных предгорьях. Впереди кутался в туманы хвойный лес.

– Где она? – спросил Тами, осматривая облачную даль слезящимися после полёта глазами. – Твердыня?..

Никто не решался отвечать. Крадуши устало садились на камни, кутаясь в накидки. Горану казалось: он оледенел, промёрз до костей в северном ветре гор. Лицо пылало, руки не слушались, но тёплый воздух понемногу возвращал коже чувствительность. Взгляд непримиримо тянулся сквозь утреннюю дымку, выискивая заветную цель. Тщетно. Западная окраина Царны встречала их дикими чащобами в завесах пара.

– Нужно дождаться, когда туман рассеется, – пыталась ободрить друзей Исмин. – Все целы? – она говорила с дрожью в голосе – тело бил озноб.

К ней подсела Злата и Эфа, обнимая – позволяя согреться. Из всех Исмин выглядела самой бледной и вымученной. Она порывалась встать, рассуждая о маршруте, но затем вдруг закатила глаза – Злата едва успела удержать её от падения. Друзья аккуратно уложили Исмин на тюфяк мхов. Девочка дышала размеренно и тихо – слабостью ускользящего ветерка. Клюв бережно укрыл её своей накидкой:

– Не стоило позволять ей растрачивать силы.

– Никто бы не отговорил, – признала Злата. – Землетрясение помогло нам спастись.

– Что с её руками? – беспокоился Горан.

Никс подложила под голову Исмин рюкзак.

– Пусть отдохнёт. – Она сжала в ладонях холодные пальцы

подруги, обвитые серой паутиной вен, ногти бескровно белели. – Земля вернёт силы. – Положила руку Исмин на мох и накрыла накидкой.

Эфа жестом спросила: «Поправится?»

– Если будет щадить себя. Нам всем лучше не тревожить наследие Альфатум.

Крадуши склонили головы. Буря сражения, казалось, ре-
вела за спиной ветром в заснеженных хребтах.

– Уц обезумел, – прошептал Тами, расстроено глядя на Злату. – И мы?.. Мы тоже превратимся в монстров?

Злата поникла под угрюмыми взглядами ребят.

– В его безумии – наша вина, – ответила.

– Только не оправдывай его! – злился Клов, поднимаясь. – Уц поджёг селение, осознавая, что мы – в опасности!

– На что бы толкнуло горе нас?

– Нет, Злата. Не смей упрекать нас. Я его знаю дольше. Гораздо. – Клов мерил шагами землю, запальчиво размахивая руками. – Ловушка браконьеров спасла Уца от плахи. Гончие охотились за ним.

– И за нами.

– Он умышленно крал, неизвестно чем ещё промышлял. Злата, даже с нашим проклятием ты способна отличить негодяя от жертвы.

Спор посеял уныние. Каждый сосредоточился на своих безрадостных мыслях. Горан открыл атлас. Скурат чистил слановую булаву мхом от сажи. Никс выстраивала фантасти-

ческие предположения, но цитадель грёз скрывали слишком могущественные чары. Только Тами гипнотизировал даль Туманного леса, не вслушиваясь в рассудительные речи друзей, смирившихся с поражением.

Очнулась Исмин. Крадуши начали надевать рюкзаки, кратко переговариваясь о погоде. Тучи закрывали небо, сбивая ощущение времени. Скурат предложил разыскать Замок Воителей, в надежде внести ясность в местонахождение твердыни.

Запротестовал Тами:

– Мы возвращаемся? Так просто сдаёмся в конце пути?

Скурат и Клюв изучали местность. За ними брела бледная Исмин. Злата и Эфа. Никс запустила в небо Регул.

– Шевелись, Липучка, – позвал Горан. – Да, это трусость, но вокруг – дремучий лес. Нет даже смутного очертания перламутровых стен.

Тами упрямылся:

– Пусть Никс направит Регул к цитадели! – указал он на крылатый призрак льва. – Вы даже не пытались!

– Мы пытались больше, чем кто-либо. – Кудесник поморщился от досады. – Волшебство вымерло с колдунами, а сказки – всего лишь вымысел наивных мечтателей.

– Нет! – Липучка медлил. – Горан, скажи им, пусть остановятся. Дождёмся, когда выглянет солнце – отыщем звериные тропы. Горан, она существует! Как алаты, духи скалистых лесов. Как крадуши и кудесники. Слышишь?

– Тами... – Горан помог мальчишке подняться. – Нам нужно искать укрытие. Мы не знаем, кем населена эта местность. Лучше вернуться к безопасным берегам.

Начался вялый подъём по каменным грядам. Встречались мелкие родники, цветущие островки зелени, кварцевые жилы, кустарники в космическом сиянии. Но пасмурность дня вгоняла в апатию. Усталость, страх, неизвестность пути гнули к земле, отбирая стойкость. Тами плёлся позади вереницы друзей, палкой сбивая сухие стебли трав. Величие гор превращало чаяния хрупких людей в шелуху не проросших зёрен. Расстояние казалось бесконечным, словно путники шли на месте.

Но вот ветер с гор дохнул холодом на лес. Тучи рассеялись на миг – яркий свет солнца лучами пронзил туманную мглу. Тами, щурясь, всмотрелся в горизонт.

– Эй! Поглядите! Там! – он взбудоражился, указывая пальцем на запад. – Там! Видели? Вы видели? – подпрыгивал Тами от волнения.

Ребята остановились, без единого слова осматривая ширь границ Царны. Краткие отблески серебра. В смоге туч зеркальной зарницей таял и вновь проступал слепящий глаза образ: перламутровые столбы в небеса. Ветер стих. Тучи затянули солнце.

– Твердыня... – не веря собственному голосу, произнёс Горан. – Мы у заветного рубежа.

2

Они спустились в гущу леса поздним вечером, движимые уверенностью: требуется последний рывок. Осилить дорогу получится. Но когда за спинами повис туман, скрывая пути к возвращению, по коже побежали мурашки беспокойства.

Кварцевые взгорки сменялись топяными, полянами в заско-рузных грибах, испещренных дырами. Громадные кипари-совые деревья то зеленели, то синели хвоей, пульсирова-ли багровой листвой. Казалось, кроны дышали, раздуваясь в полумраке плывущими медузами. Иногда с ветвей осы-палась мелкая листва, звенящая серебряными кругляками по камням, цветущим топазами. Между деревьями цари-ла тьма непроглядности. Земля дрожала у линий речушек, что отражали путников, пугливо пересекающих артерии леса по дрейфующим камням. Прозрачная вода темнела смолой, блестела оловом, жгла взгляды медью. На дрожащей глади возникали сумбурные фантомы прошлого. Глушь шепталась голосами, навеянными переживаниями.

С приходом темноты, странники разбили ночлег у пова-ленного дерева. Хворост не желал гореть, дымясь слезоточи-во. Горячие ключи паровали в сырости вечера. Ничего съест-ного добыть не удалось, и ребята уснули на обломках коры, кутаясь в накидки, – отчаянно надеясь: завтра они отыщут тропы грёз.

Новый день не принес ясности. Между деревьями появились каменные шпильки, поначалу обнадёжившие: местность меняется – Алефа близка. На третий день пути их угрюмые колонны заколдовывали взгляды слепотой. А после начали встречаться метки на коре, оставленные спасительными знаками для возвращения. Впроголодь бредущие крадуши скинули рюкзаки. Привал. Горан пошатывался на ногах от усталости.

– Мы блуждаем по кругу. – Клюв пнул от досады палую ветку. – Солнца не видно дня четыре?

– Всю дорогу, – вздохнула Исмин. – Ни одного звериного следа. Мёртвое царство.

– Заблудились. – Никс тщетно пыталась разглядеть что-либо дальше двадцати шагов. Туман висел паутинными клочьями. – Нам нужно найти что-то съестное.

– В этой глуши? – хмыкнул Клюв. – Отравиться – и не страдать от голода.

– Я готов отравиться, – схватился за живот Тами. – Только давайте съедим чего-нибудь. Может, травинку попробовать?

Горан оттянул его за шиворот от зарослей росистых лишайников.

– Мне связать тебя?

– Я хочу есть, – хныкал Тами. – Не могу просто. Режет внутри всё.

– Что-то придумаем. Нужно потерпеть немного. Эфа?.. – Горан с надеждой посмотрел на немую девочку, безвольно

сидящую на земле.

Она с сожалением мотнула головой. Безднадежность смыкалась вокруг кудесника кольцом капитулирующих взглядов. Сил не осталось на борьбу, шаги вели в никуда. Горан сердито приказал ожидать его в рощице. Сквозь высокие заросли пахнущих болотом листьев, он пробирался в поиске ягод, – любого пропитания, вызывающего доверие. Позади хрустнула ветка. Скурат.

– Не жалеешь, что пошёл с нами? – спросил Горан, размыкая ширмы кустарников. – Сейчас бы уже жевал хлеб в Замке Воителей.

Гончий устало улыбнулся:

– Или сидел бы в темнице? Умирал в зубах зверя?

– Ты не доверяешь стражам?

– Я побоялся брести в одиночку. – Скурат огляделся. Сил на браваду не осталось. – Ещё тогда, в чернолесье, не желал пропасть без вести.

Горан зло ударил лист, преграждающий путь.

– Но мы пропали, Скурат. Она была так близка! Алефа...

– Новый удар. – Почему жизнь несправедлива?

Лесная тишь всколыхнулась и вновь поглотила звуки в мглистую пропасть.

Скурат поддел камень носком ботинка:

– Мы знали, что тропы – тайна. Риск порой не оправдывается.

Горан отмахнулся, отказываясь обсуждать безумие путе-

шествию. Да, он понимал, – все они понимали: твердыня уцелела в веках оттого, что скрывалась неприступным миражом в лесной дымке. Тропы к ней обнаруживало лишь волшебство детских грёз, печальный свет звёзд, птицы из древних сказаний, кроткие создания, сотканые из чародейства млечных светил. Магии в крови крадушей было недостаточно, чтобы отыскать лазейку в крепостях тумана.

– Ребята! – окрикнула за спиной Никс. – Возвращайтесь. Исмин кое-что нашла.

«Кое-чем» оказались корни лопуха и заячья капуста. В парующем кипятком роднике Эфа отварила незатейливый ужин. Мясистая трава и хрустящий корень абсолютно не вызвали аппетита, но вполне умирляли высасывающий голод. Ночь прошла в забвенье. На следующий день поиски троп возобновились. Неудача за неудачей. Вечером ребята переругались от отчаяния и бессилия. Утром вновь продолжили шаг. Солнца для них не существовало. Сырость. Туманы... Столбы камня и деревья в звенящих монетах листвы. Ни души. Ни писка, ни вскрика птицы.

В преддверии ночи крадуши улеглись вокруг костра. Грызла бессонница, и ребята начали ворошить события долгого похода.

– Помните, как мы плыли на «Крылатом»? – спросил Горан, откусывая сладковато-землистый корень. Лопух уже не казался таким мерзким, напоминая водянистую морковь. – Первый раз плыл на корабле и ничего не помню, – заулыбал-

ся он.

Тами хихикнул:

– Ты лежал весь зелёный, а Злата не отрывала глаз от берега.

– Таких красот я никогда не видела, – призналась Злата мечтательно. – Даже сейчас помню восторг: леса плывут красочными картинками.

– В чернолесье Клеты мне снился шум волн, – боялся Тами. – А ещё те люди, одурманенные колдовством.

– Во дворе Гривача? В том портовом селении?

– Бр, вовек не забуду их пятнистых глаз.

Горан кивнул:

– Впервые столкнулись со змеядом.

– А я не забуду гремушей, – поделилась Исмин. – Как тонула Злата, как шхуна Мориса чуть не пошла ко дну.

– Рапак потом долго приговаривал воде: «Смирно сидите, иначе изловлю на суп».

Ребята засмеялись, вспоминая предприимчиво повара «Гусеницы».

Эфа жестами изобразила пожар, Бусые горы, ящеров. Никс подшутила над скептическими комментариями Скурата. И с позабытым восторгом ребята начали вспоминать об утраченной звездной ветви, займке в тихом лесу провинции Орд. Ловушки Ловища, укрытие оловянного дерева, камин в самоцветах, вкусности Мирны. Стремительное течение Талой, безмятежность Федарии. Замерзающие воды Корвума,

вспышки пламени, подземелье. Искрящийся снег Мориона, Дом планет, свист ветра при спуске с горки, сияние планет над Краеугольными горами...

– Почему вы не бросили меня в скалистом лесу? – спросил Горан, осматривая ребят, в глазах которых отсветы тлеющей коры поблескивали загадочными впечатлениями. – Там, в окружении змеядов?

– Потому что у тебя – атлас, – усмехнулся Клюв, откусывая корень.

Исмин со смешком пульнула в него шапкой.

– Не выдумывай. Сам кричал: «Скорее! – хрипловато парадировала она его взволнованный голос: – Скорее! Они четвертуют его!»

Клюв привстал на локте, размахивая угрожающе листом лопуха:

– Потому что вы метались в истерике.

Девчонки фыркнули с укоризной.

– Ладно-ладно! – поднял руки Горан. – Пустое. Я благодарен, что вам небезразлична моя жизнь.

Взгляды показались согревающими, но он не мог передать признательности, того необъятного чувства, вызванного их возвращением в момент, когда не осталось надежды на спасение. Он посмотрел на Злату, улыбаясь вкрадчиво, и уголки её губ поднялись в ответ, а взгляд не обжёг презрением. В этом пути всех их объединяло нечто значительнее мечты: схожее видение событий, правда и тайны, лёгкость обще-

ния и верность негласной дружбе, цепи которой сковывали путь, но каждый держался за них – цеплялся отчаянно, как за единственный ориентир в хаосе враждебного мира.

Костёр погас. Разговоры стихли. Засыпающим мечтателям чудились в туманной мгле звёзды. Ветви парили невесомыми островками в тенистой прохладе, нащёптывая сны.

В предрассветном полумраке зародились шорохи. Дребезжала робко листва, монотонной капелью проснулся ручей. Ребята встревоженно просыпались, удивлённо всматриваясь в заросли тёмной травы. Мерцание дрожало в воздухе: тусклое, едва различимое, – оно очерчивало во тьме дивные силуэты. Обманчивая игра зрения. Невероятная. Исмин первой поднялась, шагая навстречу мареву пепельного сияния.

– Луннорогие косули, – прошептала, задерживая их молящим взглядом.

Звери стояли в приглашающем ожидании, и крадуши вставали на ноги, боясь даже дыханием потревожить сказочных существ. Косуля мотнула головой, её волшебные спутники нырнули в чашу. Полумрак расступался под сверкающими копытами, оживая перламутровыми крупницами. Безликий ворс трав прорезали млечные ленты, выющиеся потайными тропами в убежище грёз.

Алефа

Пелена тумана спала. С невидимых троп виднелись сочные краски леса, цветов, безмятежного неба и лучезарного солнца. Косули скрылись в холмистом подлеске – лунные переливы под ногами странников погасли. За спинами вновь сомкнулась мгла.

Цитадельные стены озаряли насыщенную зелень подножия перламутровым блеском. Громадное строение острыми вершинами подпирало пышные облака в нежно-розовых и светло-оранжевых бликах. Два треугольных бастиона замерли стражами по бокам округлой башни, пламенеющей разноцветными витражами между ромбовидными прорезями окон.

Путники пересекли по жемчужной дуге моста прозрачную реку, на дне которой отражением прогуливалось ночное небо. Сети стен цвели звёздами. В полубреду восторга ребята погрузились в тишину каменного дворика. Ни единой двери. Арочные своды оплетали травы в сапфировых гроздьях. Хрустальные колонны источали белое сияние далёких гроз. Внутри башни спал ветер.

Регул Никс выпрыгнул из сферы львом, устремляясь к мозаике у широкой лестницы, припорошенной снегом. Разноцветные камни, стёклышки, ракушки и гранитные плиты рисунка сливались в послание – изображение могучего белого

деревя в синеве созвездий. Никс удивлённо осматривала мифических созданий, воинственно восседающий на ветвях.

– Древо времени – Никс рукой провела по раскидистой кроне в люминесцирующих многогранниках – листьях. – Царна. – Её палец замер на восьмигранной звезде в правом краю. Северянка прочла перламутровую строчку под деревом: «Открытое мечтам сердце – твердыня грёз». Символы надписей не поддавались внятной расшифровке – и ребята придумывали удивительные объяснения каждой черточке, изгибу линии, палитре цветов и бугоркам, оттеняющим изображение.

– Это свеча, – ахнула Злата, всматриваясь в мозаику со стороны. – Соединяясь, тени образует свечу. Видите?

Друзья столпились за её спиной, наблюдая, как элементы рисунка создают переливами ветвь. Отблески стекла трепетали на ней огнями. Злата наклонилась и легонько дунула. Пламя погасло. Витражи стен вспыхнули цветом, словно зажженные лампы. Крадуши завертели головами, от удивления раскрыв рты. И тут Горан скинул рюкзак, подхватывая Тами на руки – усаживая на плечи. «Тамибаудус – покори-тель!» – кричал он под заливной смех Липучки.

Злата засмеялась, улыбающиеся лица ребята закрутились водоворотом вокруг Тами, покачивающегося на плечах взбалмошного друга. И памятуя о тех далёких обещаниях в клетке браконьеров, Исмин и Злата начали петь нестройно, кружиться в чудаковатом танце, увлекающем Эфу, Клова,

Никс и даже хмурого Скурата в беззаботность веселья и сущей глупости.

– Вы сумасшедшие! – подпрыгивала Никс в такт хлопков ладоней, не в силах сопротивляться забавным чудачествам.

– Мы – отрывная банда! – Горан, покачиваясь, скандировал глупый набор фраз о всемогущих путешественниках и покорителях гор. – А ты не верил, Тами!

И крадуш, хихикая, протестовал:

– Я верил, верил. Верил! Гляди, я улыбаюсь, как пушистый крякос.

Эфа шагнула на ступень хрустальной лестницы. Тихий напев колыбельной смирил шум умиротворяющими отзвуками. Из прошлого, из ласковых материнских объятий парили бессловесные мелодии, рождаемые где-то под необозримым куполом башни. Начали падать пушистые хлопья снега. Вслед за Эфой по лестнице потянулись крадуши. Картины витражей мерцали заветными желаниями миллионов людей. Лестница разветвлялась кроной дерева. Ребята шли за головами колыбельных к драгоценным своим мечтам.

Кудесник остановился у арочного окна. Витраж с твердыней дрожал красками. Нежный мотив стих. Вот он и достиг сокровенной цели. Ореол огня призрачной свечи угасал в колышущихся тенях. Горан оглянулся на шаги.

– А что, если желания не сбудутся? – испуганно спросил Тами.

За его спиной останавливались ребята, изменившиеся в

долгом пути к грёзам, повзрослевшие. Злата обняла Тами, грустным взглядом обводя друзей – с крылатым воодушевлением решая:

– Мы исполним их сами! Обязательно! Испытания закаляют, верно?

Робкие переглядывания странников озарились смелостью.

Клюв усмехнулся:

– В испытаниях мы осознали, что нам по силам воплотить заветные мечты. Мы сразились с самой судьбой.

– Искренность мечты всесильна, – кивнул Горан, возвращая трепетный взгляд к иллюзорному светочу.

Дыхание кудесника всколыхнуло пламя. Огонёк погас, превращаясь в мерцающую частицу, которую подхватил ветерок и разгорающейся звездой устремил в небо, в пленительную туманность волшебных светил.